

КАКУРИН Н.Е.

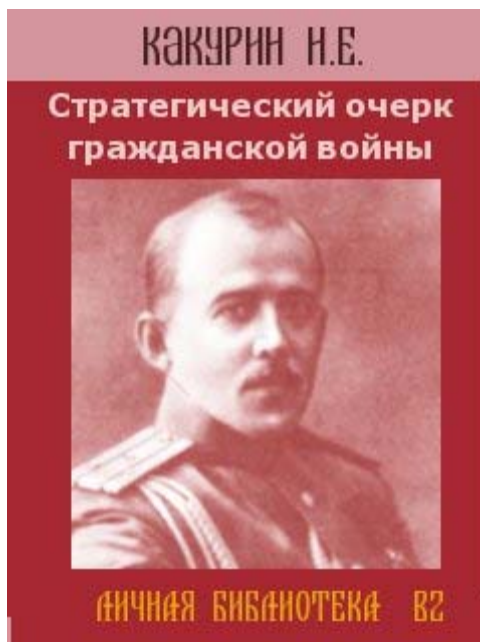
**Стратегический очерк
гражданской войны**

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЗ

Николай Евгеньевич Какурин

Стратегический очерк гражданской войны

«Стратегический очерк гражданской войны.»: Воениздат; М.-Л.; 1926

Аннотация

Из предисловия: В настоящем труде автор не преследовал цели дать исчерпывающую историю гражданской войны. Он стремился дать военному читателю характерный скелет важнейших ее операций, обращая особое внимание на выявление идеи той или иной операции, способа проведения ее в жизнь и последовавших результатов. ...мы в нашем труде с особым вниманием стремились выявить внутреннее строение каждой операции, затрагивая фактическую сторону обстановки настолько, насколько это было необходимо для уяснения ее последующего хода. Исходя из этой предпосылки, в области обстановки мы опять-таки старались извлечь наиболее характерные существенные ее черты, имевшие непосредственное отношение и влияние на ход данной операции. Поэтому наш труд носит название «стратегического очерка», долженствующего дать начинающему читателю отправные вехи в изучении сложной и многогранной истории гражданской войны.

Какурин Н. Е. Стратегический очерк гражданской войны

Об авторе.

Какурин Николай Евгеньевич [4(16).9.1883 — 29.7.1936], советский военный деятель и историк. Член КПСС с 1921. Родился в Орле, в семье офицера. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1904) и Академию Генштаба (1910). Участник 1-й мировой войны 1914-18, полковник. В конце 1918 вступил добровольцем в войска Западно-Украинской народной республики, которые после падения республики в середине 1919 присоединились к петлюровцам, а в феврале 1920 перешли на сторону Красной Армии. Во время советско-польской войны 1920 был начальником штаба дивизии, исполняющим обязанности командующего 4-й армией, командующим 3-й армией и помощник командующего Западным фронтом. В 1921, будучи начштаба Тамбовской группы войск, участвовал в разгроме

антоновщины. В 1921 на преподавательской работе, в 1922 руководил войсками Бухарско-Ферганского района в борьбе с басмачами, затем снова на преподавательской работе в Военной академии (позже — им. М. В. Фрунзе) и начальник отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА. Автор ряда капитальных работ по истории Гражданской войны, стратегии, тактике, воспитанию и обучению войск. Один из инициаторов создания и авторов 3-томной истории Гражданской войны (изд. в 1928-30). Награжден орденом Красного Знамени и бухарским орденом Красной Звезды 1-й степени. *Соч.:* Стратегия пролетарского государства. (Этюды), [б. м.], 1921; Современная тактика, 3 изд., М., 1927; Встречный бой, М., 1927; Как сражалась революция, т. 1-2, М., 1925-26; Русско-польская кампания 1918-1920, М., 1922; Стратегический очерк гражданской войны, М. — Л., 1926; Восстание чехословаков и борьба с Колчаком, М., 1928; Борьба за Петроград в 1919, М. — Л., 1928; Война с белополяками, М. — Л., 1930.

Какурин Николай Евгеньевич

Предисловие

В настоящем труде автор не преследовал цели дать исчерпывающую историю гражданской войны. Он стремился дать военному читателю характерный скелет важнейших ее операций, обращая особое внимание на выявление идеи той или иной операции, способа проведения ее в жизнь и последовавших результатов.

Работу автора в этом отношении можно сравнить с работой анатома, который из целого организма с особым старанием препарирует какую-либо его часть для изучения всех подробностей ее строения.

Так и мы в нашем труде с особым вниманием стремились выявить внутреннее строение каждой операции, затрагивая фактическую сторону обстановки настолько, насколько это было необходимо для уяснения ее последующего хода.

Исходя из этой предпосылки, в области обстановки мы опять-таки старались извлечь

наиболее характерные существенные ее черты, имевшие непосредственное отношение и влияние на ход данной операции.

Поэтому наш труд носит название «стратегического очерка», долженствующего дать начинающему читателю отправные вехи в изучении сложной и многогранной истории гражданской войны.

Повстанчество и бандитизм являлись также одной из характерных особенностей гражданской войны; они нуждаются в специальном исследовании под социально-политическим углом зрения, почему мы и ограничились здесь лишь упоминанием о тех явлениях в этой области, которые имели непосредственное влияние на ход операций обеих сторон, не затрагивая вопроса в целом.

Н. Какурин

Введение

Внешняя и внутренняя политическая обстановка обеих сторон во время гражданской войны.

Внешняя политическая обстановка Советской России не была одинакова в течение всей гражданской войны. Конец мировой войны внес в нее сильные изменения как в отношении появления в окружении РСФСР новых действующих политических сил в виде вновь образовавшихся окраинных государств, так и в отношении изменения удельного веса и значения государств, ранее составлявших внешнее политическое окружение РСФСР.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, обусловило новые цели и задачи и новую линию политики некоторых из них в отношении РСФСР.

До конца мировой войны Германия, являвшаяся выразительницей внешней политики держав срединного союза, играла заметную роль в ходе гражданской войны в России; это положение у нее стремились оспаривать державы Антанты в лице Франции и Англии. После окончания мировой войны и начала революции в Германии первенствующая роль в этом отношении перешла к ним. Первоначальные цели и задачи срединных держав в отношении РСФСР определялись, прежде всего, интересами их стратегии и экономики.

Крушение военной мощи царской России заставляло их опасаться, чтобы ее территория, усилиями Антанты даже вопреки ее воле, не сделалась театром для образования нового, противогерманского фронта. Состояние их экономики требовало возможно широкого использования пространств и рынков России и Украины, как экономически-продовольственного базиса.

Средством достижения этих задач являлась оккупация, необходимых для Германии в стратегическом и экономическом отношениях, территорий. Оккупация имела своим естественным следствием уже активное участие ее вооруженных сил в гражданской войне на стороне одной из борющихся сторон, а следовательно, и непосредственное их влияние на ход гражданской войны.

Близкое соприкосновение в силу условий оккупации с различными движущими политическими силами на территории бывшей России поставило германскую политику в необходимость определить свое отношение к ним. Это отношение диктовалось теми же интересами германской стратегии выражалось в стремлении создать такое положение на территории бывшей империи, чтобы все силы на ней действующие равно испытывали ее влияние и, будучи взаимно враждебны, не могли образовать достаточно сильного объединения какой бы то ни было политической окраски.

В связи с этими общими целями германской политики, германские войска в пределах оккупированной ими полосы явились заслоном и опорой тех первых ячеек контрреволюционных вооруженных сил, которые сложились внутри и вблизи нее, как, например, вооруженные силы Донского казачества, отряды различных южных контрреволюционных армий и пр.

Таким образом, в общем и целом влияние срединных держав на ход гражданской войны в России являлось отрицательным для стратегий Красной армии.

Крах военного могущества срединных держав определил ничтожность их политического значения в новом окружении РСФСР, а следовательно, и ничтожность их влияния на ход гражданской войны, поскольку новое германское правительство в отношении внутренних дел РСФСР решило придерживаться политики полного нейтралитета.

Первоначальные цели держав Антанты в отношении РСФСР были прямо противоположны целям срединных держав. Они стремились не только не дать утвердиться в ней влиянию Германии, но вновь втянуть ее в войну с ней. Ради достижения этой цели они охотно шли даже на военное сотрудничество с Советской Россией, обещая ей помощь своих специалистов в организации армии, налаживании железнодорожного транспорта и рассчитывая в дальнейшем, путем взрыва изнутри, устранить негодное им советское правительство.

Для достижения этих целей, опять-таки в силу условий стратегической обстановки и географических возможностей, в их распоряжении оставался пока только путь дипломатического воздействия. Дипломатия Антанты в течение первого полугодия 1918 г. деятельно работала в двух направлениях: с одной стороны, стремясь толкнуть советское правительство на новый разрыв с Германией; с другой же, тайно организуя контрреволюционные силы внутри страны и обрабатывая общественное мнение своих стран в предвидении прямого вооруженного вмешательства во внутренние дела РСФСР.

Когда же им не удалось вовлечь советское правительство в новую войну с Германией, линия политики держав Антанты в лице ее главнейших представительниц — Англии и Франции — определилась окончательно. Их конечная цель оставалась та же — образование нового противогерманского фронта с участием России и на ее территории, но теперь уже; открыто ставилась и промежуточная задача в виде низвержения советского правительства.

Средством достижения этой цели явилось вмешательство вооруженных сил Антанты (интервенция) в гражданскую войну в целях поддержки всех контрреволюционных вооруженных сил внутри страны, организация восстаний, материальная поддержка всех контрреволюционных организаций и армий. Первыми шагами на этом пути были мятеж чехословацкого корпуса внутри России в мае 1918 г., десанты Антанты на Мурманском побережье и мятежи на верхней Волге в июне — июле 1918 г.

Военная и политическая капитуляция срединных держав осенью 1918 г. сделала единственной и главной целью политики Антанты в отношении РСФСР низвержение в ней большевизма. В своих путях к достижению этой цели политика Англии и Франции несколько разошлась в течение 1919 г. Английская политика мыслила достигнуть этой цели до осени 1919 г. прямым участием своих вооруженных сил в нашей гражданской войне и материальной поддержкой всех контрреволюционных армий. Французская политика с весны 1919 г., не отказывая в материальной поддержке русским контрреволюционным силам, уклонилась от прямого участия в гражданской войне и центр тяжести своей противосоветской работы перенесла на усиление и укрепление военной мощи окраинных государств, главным образом, Румынии и Польши, в целях создания из них надежного оплота против большевизма.

Роль и значение Англии и Франции в ходе нашей гражданской войны были несравненно более значительны, хотя бы по продолжительности их участия в ней, чем Германии. Кроме непосредственного вооруженного участия, их участие в гражданской войне выразилось и в оказании значительной материальной поддержки контрреволюционным армиям, без которой было бы сомнительно их сколько-нибудь длительное существование.

Таким образом, политика Антанты в отношении РСФСР давала всей противосоветской стратегии, определенный интервенционный характер, поскольку она находила отражение в планах войны командования внутренних контрреволюционных сил.

Из этой же группировки держав Япония и С.-А. С. Штаты преследовали более ограниченные цели в отношении РСФСР.

Япония стремилась использовать состояние гражданской войны в России для установления своего преимущественного влияния на ее дальневосточной окраине. Эта политика Японии толкнула и С. А. С. Штаты на путь совместного выступления с Японией на нашей дальневосточной окраине в целях создания там противовеса ее влиянию. Вооруженные силы этих стран не приняли обширного и заметного участия в ходе гражданской войны, ограничившись оккупацией нашей дальневосточной территории, главным образом, вдоль, железнодорожных линий. Обе эти страны в течение гражданской войны явились, главным образом, поставщиками для восточных контрреволюционных армий.

Государственные новообразования на западной окраине бывшей Российской империи являлись враждебными РСФСР не по существу своих территориальных домогательств, поскольку Советская Россия охотно признавала право всякой национальности на самоопределение и выделение, а в силу классово-политической политики своих правительств и стремления их в достижении своих целей нарушать права тех классов и народностей, которым оказывал поддержку Советский Союз. Такова была основная причина вооруженного вмешательства в нашу гражданскую войну Польши, Латвии, Эстонии. Каждая из этих стран преследовала свои собственные цели, отличные от конечных целей русских контрреволюционных сил, почему они действовали несогласованно ни с ними, ни между собой.

Таким образом, внешняя политическая обстановка складывалась неблагоприятно для РСФСР, поскольку она находилась во время своей борьбы в полном враждебном окружении. Активность большинства участников этого окружения затрудняла положение стратегии Красной армии и требовала от нее полного напряжения сил. Острота положения смягчалась внутренними противоречиями некоторых участников окружения между собою (Япония и С.-А. С. Штаты) и с внутренними контрреволюционными силами в России (все государственные новообразования: Польша, Литва, Латвия и пр. и русские контрреволюционные правительства, стоявшие на платформе «Единой и неделимой России»).

Наоборот, стратегия противной стороны находилась в отношении внешнего политического окружения в условиях благоприятных, и они могли бы сложиться для нее еще лучше, если бы ее политика нашла путь соглашения с государственными новообразованиями (Польша, Эстония, Латвия и пр.).

Иначе складывалось положение для каждой из сторон в связи с внутренней политической обстановкой.

Здесь соотношение внутренних движущих сил сложилось целиком в пользу советской стратегии, поскольку наиболее активной силой русской революции, — пролетариату — благодаря мудрой политике его правящей партии в лице РКП (б) удалось обеспечить за собой поддержку и союз многочисленной массы тяжелых резервов в виде многомиллионного середняцкого и бедняцкого крестьянства.

Позиция пролетариата в союзе с крестьянством еще более укрепилась, когда, благодаря разумно разрешенному национальному вопросу, в общереволюционное русло были вовлечены и многочисленные национальные меньшинства бывшей империи. Коренная же ломка старых социальных и экономических отношений дала возможность подвести прочное основание под советское строительство, выбив почву из-под ног у противников советской власти.

Как ни была мала база в населении у контрреволюционных правительств, они своими мероприятиями в области земельной, экономической и социальной политики поспешили сами оттолкнуть от себя все колеблющиеся элементы, показав им слишком явно лицо реставрации, в сторону которой все они ранее или позднее скатывались.

Слабость внутреннего положения контрреволюционных правительств увеличивалась еще противоречиями между теми из них, которые преследовали разные цели во внешней политике и соперничеством даже между правительствами, стремившимися к одним и тем же

целям.

Так, Украинская директория, стремившаяся к самостоятельности Украины, находилась во враждебных отношениях с прочими контрреволюционными правительствами юга России, и дело дважды доходило до вооруженных столкновений между силами тех и других. Правительства казачьих областей с трудом выносили гнет экстерриториального правительства «вооруженных сил юга России», опиравшегося на штыки добровольческих армий. Это последнее, в свою очередь, только формально признавало власть «верховного правителя», адмирала Колчака, пребывавшего в Сибири, желая идти своим путем в области внешней и финансовой политики. Наконец, окраинные казачьи атаманы Семенов, Калмыков, Анненков и др. не признавали ничьей власти, кроме своей собственной.

Оттолкнув от себя все слои населения своей внутренней политикой, контрреволюционные правительства не сумели в своей внешней политике, как мы уже упоминали, наладить своих взаимоотношений и с вновь возникшими окраинными государствами. То и другое неблагоприятно отражалось на положении стратегии контрреволюции. Она лишена были тех обильных внутренних источников пополнения, которыми располагала советская стратегия, и не могла рассчитывать на боевое сотрудничество вооруженных сил окраинных государств.

Таким образом, советской стратегии во время гражданской войны пришлось действовать в окружении внешней и внутренней враждебных коалиций. Отсутствие взаимного единства между различными членами враждебных коалиций, внутренняя слабость отечественной контрреволюции в значительной мере облегчили это невыгодное на первый взгляд ее положение.

Глава первая

Краткий обзор театров военных действий и их общая характеристика. — Организация Красной армии и ее военного управления. — Вооруженные силы иностранных государств. — Вооруженные силы внутренней контрреволюции.

Пространственность территории, охваченной гражданской войной, определила наличие нескольких главных и второстепенных театров военных действий.

Военные границы театров военных действий довольно близко совпадали с теми границами, которые ныне установил Госплан при районировании СССР.

Таким образом, северный театр военных действий образовали северозападный и северо-восточный районы СССР. Восточный театр военных действий охватывал Вятско-Ветлужский и Уральский край, Средне-Волжский и Юго-Восточный районы. В Южный театр военных действий вошли бассейны среднего Днепра, Днестра и Южного Буга, южная горнопромышленная область в бассейне нижнего Днепра, нижнее течение Дона и Крым.

Все эти три театра оперативно тяготели к Центральному театру, лежавшему в пределах Центрально-Промышленного района и заключавшему в себе цель всех вождений контрреволюционных полководцев — революционную столицу Москву.

Стратегическое значение трех вышеупомянутых театров заключалось в том, что через них проходили главнейшие сквозные пути вторжения в пределы Центрального театра, что и определило их первостепенное военное значение. Северный театр не мог приобрести этого значения в силу его климатических и физических условий, а также значительной его отдаленности от жизненных революционных центров.

Кроме того, в силу чисто политического признака значение главного театра принадлежало небольшому по размерам Северо-Западному театру, в который входил Петроградский район с крупнейшим революционным центром — Петроградом.

Украина в силу общей стратегической обстановки, сложившейся в эпоху гражданской войны, тяготела частью к Южному, частью к Западному театру и не сохранила значение

самостоятельного театра военных действий в продолжение всей гражданской войны. Но зато Западный театр, лежавший в бассейне рр. Двины и верхнего и среднего Днепра, с его правыми притоками, обладал всеми необходимыми предпосылками для такового и сделался им в 1920 году во время советско-польской войны 1920 г.

Наконец, Северный Кавказ, в силу своей удаленности и плохой связи с революционными центрами, в течение всей гражданской войны сохранял свое местное значение, подобно Туркестанскому, Закаспийскому и Дальне-Восточному театрам.

В зависимости от перемен в политической обстановке и успехов той или другой стороны на каждом из главных театров, удельный вес и преимущественное значение каждого из них также видоизменялись, и вся гражданская война прошла под знаком преимущественного значения для советской стратегии то Южного, то Восточного театра.

Наконец, в октябрьские дни 1919 г. наравне с значением Южного театра встало и значение Северо-Западного театра, когда северо-западная контрреволюционная армия сделала отчаянную попытку овладеть г. Петроградом.

Характерным общим признаком всех театров являлась их равнинность. Лить в пределах Восточного театра длинная (1.200 км) гряда Уральских гор до известной степени должна была стеснить оперативную свободу войск обеих сторон, сосредоточивши их усилия к заранее определяемому местными условиями участку, лежавшему между параллелями (географическими) гг. Златоуста и Перми.

Горы Кавказского театра не могли проявить своего влияния на ход военных действий, поскольку главнейшие операции протекли в его равнинной части.

Своеобразие местных и климатических условий (сплошной лесисто-болотистый характер местности, бездорожье, сильная распутица весной и осенью, суровые холода зимой, безлюдье) наиболее сильно сказывались на второстепенном Северном театре, сильно влияя на оперативную свободу войск, действовавших на нем.

Все прочие театры в отношении условий передвижения, расположения, снабжения и климатических условий являлись вполне пригодными для ведения боевых операций в обширном размере.

В отношении классового состава населения и его политической идеологии для советской стратегии наиболее благоприятно складывались условия в Центральном и Северо-Западном театрах, благодаря наличию в них организованного и политически закаленного многочисленного пролетариата, а также полупролетаризованного, малоземельного крестьянства этих театров. Южная часть Центрального театра и северная и северо-восточная части Южного театра давали почти исключительное преобладание крестьянства, в среде которого сказывалось влияние эсеровской идеологии. Средний Урал, в районе которого протекли важнейшие боевые операции обеих сторон, характеризовался политической неустойчивостью его населения на почве совпадения производственных и земельных интересов в среде рабоче-крестьянских масс Урала, что делало их доступными эсеровской пропаганде.

Эта неустойчивость была изжита лишь в течение кампании 1918 г.

Казачьи области Южного театра характеризовались расслоением крестьянства и казачества на почве неравномерного распределения между ними земли, служившего причиной и экономического неравенства между ними. Первое, малоземельное или вовсе безземельное, составлявшее около 50% всего населения, тянуло в сторону советской власти, второе, особенно в лице своих зажиточных слоев, являлось опорой контрреволюции. Такое же положение было на Кубани и в прочих казачьих областях.

Население Украины в классовом отношении представляло ту особенность, что рабочий пролетариат, преимущественно не принадлежавший к коренному населению страны, сосредоточивался в крупных городских центрах, а также в районе рудников и шахт (Донбасс); коренное же население страны состояло из крестьянства, весьма разнородного в экономическом отношении, при чем мелкобуржуазный кулацкий элемент, поддерживавший национально-шовинистические стремления мелкой буржуазии и интеллигенции, местами

значительно вкраплялся в общую массу крестьян бедняков и середняков.

Общей особенностью всех театров являлось преобладание сельского населения над городским, что по данным переписи 1897 г. выражалось в цифрах — 86,5% для сельского населения и 13,5% для городского. В среде городского населения по численности и организации преобладал рабочий класс, а в среде сельского населения преобладала многочисленная масса среднего крестьянства.

Таким образом, под классовым углом зрения состав населения в общем был благоприятен для советской стратегии; в наиболее жизненных для контрреволюции районах, т. е. в казачьих областях, советская власть могла рассчитывать на сочувствие и поддержку по крайней мере половины; их населения.

В отношении местных средств все выгоды были первоначально на стороне противника, располагавшего источниками добывающей промышленности и земледельческими районами, тогда как советские войска группировались в районах обрабатывающих и потребляющих.

Общей особенностью всех театров в дорожном отношении являлась их сравнительная бедность искусственными путями сообщения. В более благоприятных условиях в этом отношении находился Центральный театр. Вслед за ним шел Западный театр и затем Южный. В более неблагоприятных условиях находились Восточный и Северо-Кавказский театры и, наконец, хуже всего обстояло дело в этом отношении на Северном театре.

Исходя из политических целей стратегии противной стороны, а именно «борьбы с большевизмом до его окончательного уничтожения», ее операционные направления шли из районов первоначального образования контрреволюционных армий к жизненным центрам революции — революционным столицам — Петрограду и Москве.

Операционные направления контрреволюционных армий не всегда отвечали признаку краткости и выгоды.

Так, командование колчаковскими армиями за главное операционное направление избрало более длинное, проходившее по неудобной местности и выводившее к сравнительно маловажной цели, направление Екатеринбург — Пермь — Вятка — Вологда, в надежде на соединение с войсками Антанты, оперировавшими от Архангельска на Вологду, без учета всех местных условий. На выбор этого направления оказали влияние и чехо-словаки, надеявшиеся скорее достигнуть родины через наши северные порты. Лишь при своем втором большом наступлении Колчак, и то случайно, под давлением обстановки перенес центр тяжести своих оперативных усилий на действительно важное операционное направление Уфа — Самара, но слишком поздно для того, чтобы надеяться на решительный успех.

Командование вооруженными силами Юга России для своего вторжения в центр лагеря революции располагало четырьмя операционными направлениями приблизительно равноценными в смысле длины и достижения важных целей. Восточные из них представляли для него ту выгоду, что сближали в пространстве ударный кулак его армий с контрреволюционными силами Восточного фронта, что могло повести к установлению оперативного взаимодействия обоих белых фронтов.

Однако, генерал Деникин первоначально пренебрег этой выгодой, избрав для приложения своих главных усилий более западные операционные направления.

Операционные направления на Западном театре в тот период гражданской войны, который мы описываем, имели исключительно местное значение, направляясь к местным крупным политическим и промышленным центрам.

Географические условия Северного театра определили выбор одного и того же операционного направления командованием обеих сторон, проходившего вдоль линии Архангельской железной дороги.

Учтя все условия местности и стратегическое положение; советское командование остановилось на Восточном театре на тех операционных направлениях, которые выводили его в наиболее доступную часть Уральского хребта и вместе с тем на тылы пермской группы белых.

На Южном театре советское командование могло воспользоваться теми же четырьмя операционными направлениями, которые представлялись и для противника. Но в противоположность им западные операционные направления, шедшие через Донецкий бассейн представляли для советской стратегии большую выгоду по классовому признаку, так как, являясь более короткими, они проходили по территории, населенной крестьянством и пролетариатом; однако, в кампанию 1919 г. первоначально предпочтение было отдано более восточному направлению, проходившему по линии наибольшего сопротивления для советских войск через казачью территорию Донской области, что в дальнейшем потребовало перенесения центра тяжести советских сил на харьковское направление.

В пользу советской стратегии в начальный период войны пошла пространственность театров, дав ее силам, формировавшимся внутри страны, необходимый выигрыш времени для своей организации вне непосредственной близости от линии фронтов.

В отличие от всех прочих войн вооруженные силы обеих сторон образовывались и развивались не предварительно, а во время самой войны.

Красная армия не могла использовать полностью ни старого военного аппарата в силу его малой приспособленности к новым условиям, ни старой армии в силу ее разложения и последовавшей демобилизации; лишь отдельные отряды последней приняли некоторое участие в операциях начального периода войны.

Поэтому творчество вооруженных сил революции должно было охватить собою не только создание живой вооруженной силы, но и аппарата ее управления.

В этих двух направлениях и развивалась работа народного комиссариата по военным делам, приобретая тем больший размах, чем более сложные задачи перед ней выдвигала боевая обстановка.

В процессе своего роста Красная армия прошла через период добровольчества к организации на началах общеобязательной военной службы, сохранив в обоих случаях свой классовый характер.

Начало Красной армии было положено декретом Совнаркома от 15 января 1918 г., при чем в основу ее комплектования положено Начало добровольчества и создана «Всероссийская коллегия по формированию Рабоче-Крестьянской Красной армии».

Параллельно и почти одновременно, а именно 26 января 1918 года революционная ставка (бывшая ставка верховного Главнокомандующего мировой войны) издает свою инструкцию по формированию Красной армии.

Революционная ставка центр тяжести работы переносит на местные советы, наделяя их весьма широкой самостоятельностью, но не предусматривая увязки их работы в общегосударственном масштабе и законченных организационных форм вооруженной силы (основной единицей устанавливалась рота в 150 человек).

Плодом творчества Местных советов и ревкомов, проявивших большую самостоятельность, и в организационном отношении являются те разнотипные войсковые соединения, которые, перемешавшись с таковыми же, возникшими из развалин старой армии, образовали «завесы», обеспечившие формирование первых регулярных частей Красной армии.

Необходимое единство в дело вносится образованием 1 марта 1918 г. Высшего Военного Совета, назначением которого является организация борьбы на внешнем фронте против наступающих германцев и общее руководство организацией Красной армии.

ВВС¹ упорядочил, прежде всего, организацию «завес», введя штатную организацию существовавших отрядов и приступил к реформе местного военного управления. Она выразилась в создании новых органов учетно-административного характера в виде окружных, губернских и т. д. до волостного военных комиссариатов. В задачи этих комиссариатов входила также организация вооруженных сил и ответственность за допризывную подготовку населения (декреты Совнаркома от 8 и 20 апреля 1918 г.).

¹ В дальнейшем мы будем употреблять это сокращение. Н. Какурин.

Попутно создан типовой штат высшего организационного соединения в виде трехбригадной дивизии с необходимым количеством прочих родов войск.

В течение лета 1918 г. закладываются ячейки центральных оперативного и административно-хозяйственных; военных аппаратов (Оперативный отдел при наркомвоене, Всеро-главштаб, Центральное управление снабжения и пр.).

Когда нарастающее напряжение гражданской войны потребовало от страны новых усилий, во главе всех этих органов стал образованный декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «Совет рабоче-крестьянской обороны». Он объединял работу всех ведомств в области продовольственной, транспортной и военно-промышленной, что повлекло за собой в сущности милитаризацию этих отраслей государственной жизни. Работа по организации оперативных органов управления была завершена образованием 2 сентября 1918 г. «Революционного Военного Совета Республики», объединившего в себе административные и оперативные функции по управлению всеми вооруженными силами республики; исполнительным оперативным органом последнего являлся «Полевой Штаб РВСР», образованный 1 ноября 1918 г.

Все указанные мероприятия создали те прочные рамки, в которые должны были влиться первые укомплектования армии на основе обязательной военной службы.

Потребность в переходе к обязательной военной службе назрела тогда, когда начал выясняться тот размах, который должна была принять гражданская война. Добровольчество не могло удовлетворить всех ее потребностей. Формирование армии на добровольческих началах подвигалось медленно и далеко не равномерно.

Отсутствие твердых организационных рамок и малая сколоченность добровольческих частей отражались отрицательным образом на их дисциплине и боеспособности; под видом добровольцев в Красную армию вступало значительное количество деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, и смотревшего на войну как на Источник личной выгоды.

Все это являлось привходящими обстоятельствами, которые могли бы быть устранены последующей работой, но главной причиной являлось несоответствие сил, выставленных страной по добровольческому принципу, тем задачам, которые перед ними намечались уже летом 1918 г.

Действительно, опыт полугодичного формирования Красной армии по добровольческому признаку к июлю 1918 г. дал только 116 000 (за округлением) пехоты, 7 900 (за округлением) сабель. Первым опытом перехода на общеобязательную воинскую повинность был призыв под знамена декретом ВЦИК всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, а также рабочих Петрограда и Москвы.

26 июня 1918 г. наркомвоен тов. Троцкий вошел с представлением в Совнарком об установлении всеобщей воинской повинности трудящихся и о привлечении соответствующих возрастов буржуазных классов в тыловое ополчение, чем сохранялся классовый признак в армии, организуемой на началах общеобязательной воинской повинности. Декретом от 29 июля все военно-обязанное население страны в возрасте от 18 до 40 лет было взято на учет и установлена военно-конская повинность.

Принятие принципа обязательности военной службы отразилось, прежде всего, на быстром росте вооруженных сил революции.

По данным на 15 сентября 1918 г. в Красной армии числилось уже 452 509 человек, не считая тыловых войск и войск Вспомогательного Назначения, исчисляемых в круглых цифрах в 95 тысяч человек.

Осенним призывом 1918 г. эту цифру предполагалось увеличить еще на 300 тысяч человек, при чем к началу 1919 г. учитывалась уже необходимость подготовки обмундирования и снаряжения на 1 миллион человек. В течение 1919 и 1920 гг. численность Красной армии непрерывно возрастала, достигнув цифры 5 300 000 человек в 1920 году.

Насыщение фронтов гражданской войны живой силой потребовало развития аппарата

оперативного управления. 5 сентября 1918 г. были образованы Восточный, Южный и Северный фронты с их штабами, а 2 октября фронтам было предложено провести однотипную организацию своих войск.

Характерной особенностью первоначальной организации Красной армии являлась невозможность провести ее комплектование командным составом по классовому признаку, что потребовало привлечения в ее ряды командного состава старой армии. Эта масса была далеко не однородна в политическом и идеологическом отношении, что и вызвало в целях осуществления политического контроля учреждение в армии в качестве временной революционной меры института военных комиссаров. Военные комиссары, кроме того, являлись руководителями политическо-просветительной работой в частях².

Широкое разветвление в глубину комиссарского аппарата, опиравшегося в низах войсковой массы на сознательные и политически зрелые кадры в виде коммунистических ячеек, обусловило внутреннюю крепость и политическую спайку Красной армии.

Первоначально основным источником снабжения Красной армии явились склады имущества старой армии. Когда они начали иссякать, Красной армии пришлось рассчитывать на случайные источники пополнения, так как производительность собственной военной промышленности была еще очень слаба.

Недостаток в огнеприпасах давал себя сильно чувствовать в течение всей гражданской войны.

В своей боевой деятельности войска руководствовались уставами и инструкциями старой армии, переизданными с небольшими изменениями и дополнениями. Большинство бойцов Красной армии предварительную боевую подготовку получило также в рядах старой армии.

Вооруженные силы противной стороны слагались из вооруженных сил тех иностранных государств, которые принимали активное участие в нашей гражданской войне и из вооруженных сил внутренней контрреволюции. Эти последние, в свою очередь, распались на силы, сформированные по территориальному признаку и на силы, не привязанные к определенной территории, как источнику своего комплектования.

Последняя категория сил, т. е. силы внутренней контрреволюции, прошла те же ступени развития, что и Красная армия, т. е. от начал добровольчества она старалась перейти на начала общеобязательной воинской повинности, что, однако, не удаленней в силу причин политического порядка. Численность вооруженных контрреволюционных сил обеих категорий была неравномерна в различные периоды гражданской войны. В противоположность вооруженным силам революции, кривая роста которых все время шла вверх, кривая нарастания вооруженных сил контрреволюции достигла высшей точки своего подъема к лету 1919 г., после чего начала падать, что объясняется, с одной стороны, началом выхода из борьбы принимавших участие в гражданской войне иностранных войск, а с другой стороны, начавшимся разложением в армиях противника и в его тылу.

Наибольшей численности на театрах нашей гражданской войны силы иностранных государств достигали в течение весны и лета 1919 г. Их принадлежность, количество и место действий усматривается из следующей таблицы:

² Эту работу они доныне несут в тех частях, где они остались. Н. Какурин.

Наименование государств	Количество вооруженных сил	Место действий
1) Великобритания	50 тыс.	Северный театр. (Кроме того, небольшие отряды англичан в Закавказье и Закаспийской области.)
2) Франция и Германия	20 тыс.	Южный театр (район Одессы, Херсона и Николаева)
3) Япония	3 пех. див.	Дальний Восток
4) С.-А. С. Штаты	7 тыс.	
5) Финляндия	42 тыс.	Сердобольское и Выборгское направление
6) Эстония	25750	Эстонский участок Западного театра
7) Латвия Германск. Добровольцы ф.д. Гольца	10600 30950	Латвийский участок Западного театра Там же
8) Повстанческие банды на Украине	8200	Западный театр (Ли - товско-Белорусский участок)
9) Польша	63840	Западный театр (Ли - товско-Белорусский участок и Украина)
10) Чехо-словацкий корпус, как часть войск Антанты	40 тыс.	Сибирь
Всего около	300 тыс. (+ 3 японск. дивизии)	

Кроме этих сухопутных сил, в борьбе против РСФСР принимал участие и англо-французский флот, блокировавший берега республики.

На Черном море, кроме того, английский флот сыграл определенную стратегическую роль, облегчив операции генерала Деникина по обратному овладению Крымом и черноморскими портами. Общая численность внутренних контрреволюционных армий усматривается из следующей таблицы:

Наименование армий	Количество штыков и сабель	К какому времени относится цифра
1) Донская армия	53 000 (Сюда же включены мелкие добровольческие образования в виде астраханской армии, южной и пр.)	Сентябрь 1918
2) Кубанская армия	80 000-82 000 (Без добровольческой армии)	Октябрь 1918
3) Сибирская армия адмирала Колчака	100 000 (К лету 1919 предполагалось довести ее численность до 150 000)	Весна 1919
4) Северная армия	30 620	Осень 1919
5) Северо-Западная армия	18 500	Осень 1919
6) Добровольческая армия	17 500	Лето 1919
7) Армия Украинской директории	10 000-12 000	Лето 1919
8) Повстанческие банды на Украине	Свыше 20 000	Лето 1919
Всего	309 620-313 620 и свыше 20 000 повстанцев	

Внутреннее состояние каждой из контрреволюционных армий довольно точно отражало на себе настроения и политическую физиономию тех слоев населения, из которых она была образована.

Донская армия характеризовалась средней боеспособностью и советскими настроениями в среде ее молодых возрастов. Кубанская армия отмечалась хорошей боеспособностью и твердостью противосоветских настроений. Добровольческая армия отличалась очень хорошей боеспособностью, обучением и снабжением, очень сильным командным составом и исключительной контрреволюционностью. Однако, она имела и крупные недостатки, свойственные кастовым армиям: была очень впечатлительна к неудачам и плохо приспособлена к лишениям. Настроения сибирских армий отражали настроения населения, среди которого мобилизации не пользовались никаким успехом и боеспособность их, за исключением отдельных частей была ниже средней. Так в период осеннего отступления ее в 1918 г. целые ее части либо переходили на сторону советских войск, либо разбегались по домам. Еще хуже обстояло в этом отношении дело в войсках Украинской директории, которые проявляли наиболее низкую боеспособность.

Прочное основание снабжению контрреволюционных армий, за исключением украинской, было положено с началом активного вмешательства держав Антанты в нашу гражданскую войну; ранее им приходилось пользоваться лишь случайными источниками этого рода. В лучшем положении оказались контрреволюционные армии юга России после открытия Дарданелл, когда основной базой их сделался Новороссийский порт.

В течение лета по осень 1919 г. контрреволюционные правительства, пользуясь англо-французской денежной поддержкой и льготными условиями кредита в Америке, произвели там обширные закупки военного материала, обмундирования и оружия.

Продовольственное снабжение контрреволюционных армий основывалось, главным образом, на беззастенчивой и беспорядочной эксплуатации местных средств, что крайне озлобляло местное население. Добровольческая армия в этом отношении шла дальше всех, предоставив своим частям довольствоваться собственным попечением, что привело ее на путь грабежей и спекуляции.

Обучение и тактика контрреволюционных армий ничем не отличались от таковых же

старой русской армии.

Обращаясь к сравнению сил обеих сторон, мы должны отметить, что характерная положительная особенность Красной армии заключалась в ее внутренней силе, являвшейся следствием той идеи революционной классовой борьбы, которая была, заложена в идеологию армии. Хранителями и носителями этой идеи в рядах армии являлись те сознательные

рабочие массы, которые влились в ее состав и вокруг которых, группировались слои беднейшего крестьянства.

В частности, в отношении численности и людских средств Красная армия превосходила армии внутренней контрреволюции, так как свободно могла использовать резервы населения в виде масс беднейшего и среднего крестьянства и рабочих, мобилизацией которых по политическим соображениям не мог рисковать противник.

Последнее обстоятельство определило и превосходство развития вооруженных сил на стороне советской стратегии.

Глава вторая

Эшелонный период гражданской войны.

Завязка гражданской войны возникла на фоне тех местных столкновений движущих сил революции и контрреволюции, которые явились следствием октябрьского переворота в обеих столицах и почти во всех промышленных центрах. Территориальное размежевание сил обеих сторон, а вместе с тем и линии фронтов возникли гораздо позднее, пока же весь театр военных действий представлял лишь ряд отдельных очагов борьбы, разъединенных в пространстве.

Сквозные железнодорожные магистрали явились связующими нитями между этими очагами и теми направляющими руслами, по которым устремилась первая волна революционных сил из победоносных центров на помощь боровшимся за торжество революции окраинам. Ограниченное количество организованных вооруженных сил и их непригодность для полевых действий, в свою очередь, также влияли на их привязанность к железным дорогам. Отсюда возникло название этого периода гражданской войны — «эшелонным». Роль стратегии в период эшелонной войны по существу должна была свестись и свелась к оказанию содействия стихийным выявляемым массам и к направлению их движений в желательные для нее русла. На большее рассчитывать было трудно, так как самые массы еще не были организованы в военном отношении и поэтому не могли быть восприимчивы к военному руководству, проводимому до самых низов.

Основная задача красной стратегии периода эшелонной войны заключалась в расширении и закреплении завоеваний революции в пространстве. Из этой основной задачи вытекал и способ действий. Энергичным наступлением надлежало снести те преграды, которые контрреволюция собиралась поставить распространению революции на Украине и на Дону.

Контрреволюционная физиономия донского правительства не возбуждала сомнений; для этого достаточно было факта отказа его признать

советскую власть, а также начало открытой подготовки к вооруженной борьбе, при чем последняя и велась уже с местным революционным очагом — Донецким бассейном.

Украинское правительство Центральной Рады, пришедшее к власти, воспользовавшись результатами борьбы между киевским пролетариатом и войсками временного правительства в г. Киеве (27 октября — 9 ноября 1917 г.), пока не выявляло своей истинной физиономии, но втайне готовилось уже к борьбе с советской властью, обосновывая ее на укреплении национальной государственности и на подавлении большевистских выступлений.

На практике это выразилось скрытой помощью Дону в виде пропуска казачьих эшелонов, через территорию Украины, борьбой против фронтовых частей старой армии, признавших советскую власть, и усилением национально-шовинистического уклона во внутренней политике. В области внешней политики правительство Рады заигрывало с дипломатией Антанты, при чем, французский консул в Киеве первый поспешил признать «Украинскую народную республику», и вместе с тем завязывало связи с германской дипломатией. Двойная игра правительства Украинской Рады вынудила советское правительство 4 декабря (17 декабря нов. стиля) 1917 г. предъявить ему ультиматум о прекращении им поддержки Донского правительства и ее тайных враждебных действий в отношении советского правительства.

Широкие народные массы Украины в это же время недвусмысленно выявили свое отношение к правительству Центральной Рады. Съезд советов в Киеве раскололся, при чем фракция большевиков покинула его, перенеся свои заседания в Харьков, где 14 декабря (27 декабря нов. стиля) 1917 г. образовалось Советское Украинское правительство.

Это событие развязывало центральной советской власти руки для борьбы с правительством Центральной Рады.

Таким образом уже к началу 1918 г. перед советской стратегией определенно выявлялись два главных противника на Дону и на Украине.

В это же время на востоке появились первые предвестники будущего фронта. Оренбургское казачество, низвергнув путем местного переворота советскую власть в Оренбурге, готовилось к борьбе с ней в пределах области, обращаясь за помощью к уральскому казачьему войску, которое пока еще держалось нейтрально.

Этот противник в силу удаленности театра и относительно еще слабому оформлению пока мог быть предоставлен своим собственным силам.

Главное внимание надлежало уделить ближайшим и уже оформившимся враждебным силам.

Удар по наиболее сильному члену казачьей контрреволюции, мечтавшей об образовании «юго-восточного союза» для борьбы с советской властью (Донское, Кубанское, Астраханское, Терское казачьи войска), должен был строить и всю коалицию.

Кроме того, и по состоянию своих вооруженных сил Дон в данное время являлся наиболее серьезным противником.

Поэтому советское командование в лице тов. Антонова-Овсеенко решило нанести свой главный удар в Донской области, использовав для своего усиления местные революционные силы (Красная гвардия Донбасса) и притянув возможное количество боеспособных сил из состава старой армии с фронта мировой войны. Направление движения этих сил должно было быть таково, чтобы отрезать Украину от Дона и охватить-Донскую область с разных сторон.

Первоначально силы, которыми располагал тов. Антонов-Овсеенко для борьбы с Доном не превосходили 6–7 тысяч штыков сабель при 30–40 орудиях и нескольких десятках пулеметов. Основание их составляли части старой армии, выделенные с фронта и из тыловых запасных полков. По мере своего движения они увеличивались за счет местных отрядов Красной гвардии и присоединения к ним большевистски настроенных местных гарнизонов.

Сосредоточение их началось с начала декабря 1917 г., но, из-за сильной разброски их в пространстве, колонны (таковы были высшие оперативные соединения в войсках Антонова-Овсеенко) только в 20 числах декабря заняли свое исходное положение, которое усматривается на схеме № 1.

Главные силы Донской контрреволюции группировались на Воронежском направлении, обеспечивая свой тыл формирующейся в Новочеркасске и Ростове-на-Дону добровольческой армией генералов Алексеева и Корнилова, численностью в, то время до 2 тыс. бойцов. Мелкие партизанские отряды и несколько регулярных казачьих частей занимали Горлово-Макеевский район Донбасса, откуда они вытеснили части Красной

гвардии.

Группировка донских частей свидетельствовала, что районом их главного сопротивления явятся пределы Донской области; внутреннее состояние этих частей, отражавшее на себе упадочные настроения старой армии и колебательные настроения разнородных контрреволюционных сил, исключали возможность их широких активных действий.

Силы Центральной Рады на Украине были настолько разбросаны в пространстве и так перемешаны с местными революционными силами в местных очагах борьбы, что никакой картины их планомерного развертывания против надвигающейся с севера опасности установить нельзя. Наиболее организованные части Центральной Рады заняты были борьбой с советскими частями старой армии на правом берегу Днепра; это обстоятельство, таким образом, также содействовало Антонову-Овсенко в выполнении его планов.

Эти предпосылки определили успешное начало кампании со стороны советских войск. Почти без сопротивления Антонов-Овсенко к 7 января 1918 г. выдвинул свои заслоны против Украины на линию Ворожба — Люботин — Павлоград — Синельникове и занял Донецкий бассейн (схема № 1). Отсюда он намеревался, действуя двумя колоннами: Саблина — от Луганска на Лихую; и Сиверса — в направлении на ст. Звереве (обеспечение с юга) уничтожить сгусток донских сил на Воронежском направлении.

Дальнейшие операции против Донской области замедлились во времени как в силу сопротивления противника, так и в силу своеобразия условий, начального периода гражданской войны: боевые стычки сменялись переговорами и самовольными перемириями, которые заключали части обеих сторон друг с другом.

В результате активно действовать начала только колонна Сиверса, но и она сильно уклонилась к югу от данного ей направления, при чем в среде ее частей, выделенных из старой армии, началось разложение. Противник, воспользовавшись этим обстоятельством и, собрав небольшие боеспособные резервы, короткими ударами осадил несколько назад обе колонны Антонова-Овсенко. Но главная масса сил противника на Воронежском направлении вовсе не обнаруживала желания драться. В отношении ее было применено могучее средство революционной войны — агитация.

Ячейка революционных сил Донской области, укрывшаяся в Воронеже и образовавшая там свой ревком, повела свою работу среди сил противника.

В результате они на съезде в ст. Каменской 23 января 1918 г. объявили Донского атамана Каледина низложенным и избрали донской ревком, захватив при этом ст. ст. Лихую и Звереве. Новый ревком отражал, преимущественно, настроения середняцкого казачества; он не наладил смычки с иногородними и рабочими, которые могли дать ему действительную поддержку и даже отрицательно отнесся к их военной организации; донские же части настолько разложились, что не желали драться ни на той, ни на другой стороне. Поэтому Каледину опять удалось достигнуть со своими летучими отрядами местного успеха, вытеснив Дон-ревком 28 января из пределов Донской области.

Заминка на Дону окупилась успешным развитием операций на Украине.

Одно лишь вступление на ее территорию советских заслонов вызвало ряд местных взрывов изнутри, которые, сливаясь с фронтом советского наступления, чрезвычайно ускоряли процесс общей советизации Украины.

28 декабря 1917 г., благодаря взрыву изнутри, поддержанному небольшим советским отрядом со ст. Синельникове, в г. Екатеринославле водворилась советская власть. 12 января 1918 г. восстанием рабочих был занят изнутри г. Мариуполь. 18 января после упорного боя со сторонниками Центральной Рады одесский пролетариат, поддержанный несколькими судами черноморской эскадры, взял в свои руки власть в Одессе.

Эти события открывали путь советским войскам на Крым, чем они и не преминули воспользоваться и свидетельствовали о такой зрелости революционного процесса на Украине, что советская стратегия должна была спешить с пожинанием его плодов.

Соображения внешней политики также требовали скорейшей ликвидации

правительства Центральной Рады. В виду того, что оно на мирных переговорах в Бресте пыталось выступить в качестве самостоятельной политической величины, необходимо было скорее укрепить положение Украинского советского правительства и передать в его руки в тесном союзе с Советской Россией ведение мирных переговоров с немцами.

Ничтожная боеспособность войск Рады, о чем свидетельствовал факт беспрепятственного проникновения вглубь Украины до ст. Ворожбы небольшого добровольческого отряда Знаменского, прибывшего туда в эшелонах непосредственно из Москвы, сулило скорый успех всему предприятию.

Главной целью действий должен был явиться г. Киев — местопребывание правительства Рады и его наиболее надежных сил, которые состояли из 1 200 человек «вильного казачества», — мелкобуржуазной белой гвардии и двух полков гайдамаков, образованных из солдат фронтовиков и юнкеров украинизованных военных училищ. Судьба Киева должна была решиться охватывающим наступлением по главнейшим железнодорожным магистралям со стороны Гомеля, Харькова (через Полтаву), откуда намечался главный удар, и с правобережной Украины наиболее сохранившимися частями старой армии.

Руководство главным ударом возлагалось на начальника штаба Антонова-Овсеенко — Муравьева.

План операции окончательно сложился 18 января. Начавшееся тотчас наступление советских колонн развивалось почти без всякого сопротивления; быстро продвигаясь вперед на Полтавском направлении, колонна Муравьева начала нажимать на ст. Круты, перед которой задерживались советские отряды, наступавшие от Гомеля и Ворожбы в ожидании сильного сопротивления гайдамаков. Эти последние, только под Крутами пытались оказать некоторое сопротивление, которое было быстро сломлено, и 30 января колонны советских войск соединились в Кругах, где получили от Муравьева название I и II революционных армий; дальнейшее их продвижение к Киеву задерживалось теперь только испорченным железнодорожным полотном.

Подобно другим местам, приближение советских войск к Киеву развязало придавленные там революционные силы. Провозглашение Радой 25 января 1918 г. «IV Универсала», о полном отделении Украины от России с явным стремлением к отдельному миру с немцами, окончательно откололо от Рады все городское и крестьянское население и еще более содействовало внутреннему революционному взрыву, который разразился в тот же день, благодаря выступлению рабочих киевского арсенала и некоторых воинских частей.

Хотя правительству Рады и удалось подавить этот взрыв, вследствие запоздания войск Муравьева, встретивших некоторое сопротивление на р. Трубеже, но оно не имело сил воспрепятствовать появлению их под стенами Киева, который после нескольких дней сопротивления и ожесточенной бомбардировки его советскими войсками перешел в руки последних 9 февраля (нов. стиля). Правительству Рады и остаткам ее войск удалось ускользнуть из Киева из-за запоздания обложения Киева с запада войсками II гвардейского корпуса старой армии. Преследуя остатки войск Рады в направлении на Житомир, Муравьев только 12 февраля установил связь с этим корпусом.

Все эти операции происходили под знаком продолжающейся заминки на Дону.

На этот раз причина заключалась в замене противником окончательно разложившихся донских частей на фронте частями Добровольческой армии. Эта мера продлила на некоторое время агонию донской контрреволюции. Добровольческие части одержали несколько частных успехов над колоннами Сиверса и Саблина. Однако, положение первой облегчилось революционным взрывом в тылу у белых в Таганроге, а, кроме того, обе колонны усилились волной новых подкреплений с Украины и из центра. 3 февраля колонна Сиверса вновь двинулась вперед и 8 февраля установила связь с революционным Таганрогом. Положение белых ухудшалось с каждым днем: казачьи эшелоны, стремившиеся проникнуть на Дон с фронта мировой войны, энергично разоружались в пути; с Кавказа грозила действительная опасность, так как образовавшийся в Царицыне штаб «юго-восточной» армии

сосредоточивал в районе ст. Тихорецкой 39 пех. дивизию старой армии с Кавказского фронта, чтобы перерезать сообщения Дона с Кубанью, захватив Батайск.

Уже к 10 февраля сопротивление белых на подступах Новочеркасску и Ростову на Дону было окончательно сломлено, но колонны Сиверса и Саблина медленно приближались к этим пунктам, которые перешли в наши руки лишь февраля (Ростов на/Д) и 25 февраля (Новочеркасск), тогда как Батайск еще 13 февраля был занят частями 39 пех. дивизии.

И в этом случае остаткам Добровольческой армии и небольшим силам донской контрреволюции удалось вырваться из охватывавшего их кольца и ускользнуть в левобережные донские степи. Они явились теми ячейками, из которых в будущем выросли внушительные в числе «вооруженные силы юга России».

Попутно с этой борьбой, в рамках которой обрисовался уже будущий размах гражданской войны, советская власть легко уничтожила местные, обособленные в пространстве, выступления контрреволюции. Наиболее значительным из них был мятеж одной из национальных частей старой армии: I польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого. Воспользовавшись оперативной переброской своего корпуса в район Рогачев — Бобруйск — Жлобин, Довбор-Мусницкий и его войска, имевшие определенную контрреволюционную окраску, пытались лишить связи с источниками снабжения весь Западный фронт старой армии и овладеть революционной ставкой в Могилеве. Эти попытки были прекращены совокупными усилиями фронтовых частей и отрядов балтийских моряков, при чем 13 февраля бело-поляки были выбиты из Рогачева и отброшены на Бобруйск. Дальнейшему их преследованию помешало начавшееся наступление немцев, при чем они и озаботились впоследствии разоружением этого корпуса.

Операции по борьбе с мятежом оренбургских казаков привели к обратному возвращению к советской власти Оренбурга (31 января 1918 г.), после чего война в Оренбургских и Уральских степях в течение зимы носила характер мелких партизанских действий с обеих сторон.

Последнее крупное событие, отмечающее «эшелонный» период нашей гражданской войны, развернулось уже в плоскости международных отношений.

Румынское правительство недвусмысленно выявило свое отношение к октябрьской революции поддержкой русских контрреволюционных генералов и борьбой с русскими революционными частями. После неудачной попытки захватить власть в свои руки наиболее организованные из них начали свой выход из Румынии в январе 1918 г. Пользуясь расстройством в частях русской армии и изменнической политикой некоторых ее генералов в лице генерала Щербачева, стоявшего во главе русских армий в Румынии, румыны захватили Бессарабию, разыграв комедию, якобы ее «добровольного» присоединения к Румынии, и, расправляясь с местными советскими организациями и русскими революционными частями, продолжали продвигаться к р. Днестру.

Официальный разрыв между РСФСР и Румынией последовал 26 января 1918 г. и непосредственная борьба с надвигающейся внешней контрреволюцией в лице румынских войск выпала на долю «Одесской советской республики», в которую оформилась молодая советская власть в Одессе после переворота 18 января.

В силу параллелизма в работе нескольких организаций формирование собственной вооруженной силы в Одессе подвигалось слабо и опорой новой власти явились те отдельные воинские части IV и VI русских армий, расположенных в Румынии, которые, отходя постепенно под натиском румын, осели, наконец, в окрестностях Тирасполя, образовав из себя «особую; армию» с выборным командованием. Вместе с нею вооруженные силы «Одесской республики» достигали 5–6 тысяч бойцов, из них только 1х/2 тысячи штыков и 1 200 сабель. Эти силы и приняли на себя первый натиск румын на р. Днестре, при чем завязавшиеся стычки проходили с переменным успехом.

В таком положении дел на сцену выступила существовавшая еще в Одессе старая фронтовая выборная организация в лице Румчерода³

³ Исполнительный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. Н.

, которая завязала переговоры с румынами, опасаясь их наступления на Одессу. В свою очередь румыны, не ожидавшие отпора на Днестре, охотно согласились на предварительное перемирие, которое и было заключено 8 февраля.

Но успехи советских войск на Украине и образование в Одессе «Верховной коллегии по борьбе с румынской и бессарабской контрреволюцией», в руках которой Совнарком сосредоточил всю внешнюю политику Одесского района, изменили характер отношений. 15 февраля переговоры с румынами были прерваны и им был поставлен ультиматум с требованием немедленного очищения Бессарабии румынскими войсками и прекращения поддержки русских контрреволюционеров в Румынии.

16 февраля боевые действия возобновились. Советская черноморско-дунайская флотилия потерпела неудачу в своей попытке овладеть устьями р. Дуная у Вилково, но войска советско-румынского фронта получили поддержку в виде «армий» Муравьева, которые в количестве 3–4 тысяч бойцов в одну ночь были в эшелонах переброшены из под Киева в Одесский район. 19 февраля Муравьев, вступив в командование всеми войсками, замыслил наступательную операцию на Яссы.

В результате этого решения на р. Днестре произошло опять несколько боевых столкновений встречного характера, при чем в одном из них, а именно под Рыбницею, советские войска нанесли довольно чувствительный удар румынам, захватив у них до двух десятков орудий.

Под влиянием этой неудачи румыны, в свою очередь, при посредстве иностранного дипломатического корпуса в Яссах, стали добиваться мирных переговоров, на которые согласилась «Верховная коллегия». Однако, непременным условием при ведении дальнейших переговоров «Верховная коллегия» ставила очищение Бессарабии от румынских войск, за исключением 10-тысячного отряда для охраны румынских складов и путей сообщения и отказ румынского правительства от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бессарабии. Эти условия были приняты румынским правительством, и 8 марта был подписан «протокол ликвидации русско-румынского конфликта», сохраняющий и поныне свое действительное историческое значение. Однако Румыния получила от истории отсрочку в выполнении этих условий, так как новая волна событий надолго разделила обе стороны между собой.

Эта волна событий в виде австро-германской оккупации, перевернув совершенно всю стратегическую обстановку, определила новые пути для развития нашей гражданской войны.

Прежде чем перейти к ним, остановимся на некоторых итогах «эшелонного» периода гражданской войны. Он являлся по существу продолжением и благополучным завершением того революционного процесса, который, возникнув в центре, к началу весны докатился до окраин страны. Внутренняя зрелость этого процесса обусловила сравнительно легкий выход наружу местных движущих сил революции. Заслуга советской стратегией этого периода состоит в чутком уловлении биения революционного пульса, что позволяло ей своевременно оказать помощь выявлению этих сил наружу. Их работа, в свою очередь, чрезвычайно облегчала задачи советской стратегии. Оценивая работу советской стратегии под чисто военным углом зрения, мы должны отметить: правильный выбор ею ближайших и главнейших для себя предметов для действий, удар по которым одновременно с главной задачей разрешал и целый ряд соподчиненных задач. Так, например, удар по Дону уничтожая наиболее организованное ядро южной контрреволюции, вместе с тем уничтожал на долгое время и всю коалицию в виде «юго-восточного союза». Гибкость ее решений в зависимости от обстановки, что выразилось в одновременном ведении операций против Дона и Украины, вопреки первоначальному плану, как только выяснилась полная внутренняя слабость контрреволюции на Украине, и, наконец, стремление сосредоточить возможно большее количество своих сил на направлениях, выбранных для нанесения главных ударов.

Эшелонный характер войны обеспечивал быстроту маневрирования маленьких и подвижных армий и колонн; слабая зависимость от тыла позволяла решать большинство Какурин.

задач смелыми охватывающими наступательными маневрами. Внутреннее разложение войск противника и их такая же малочисленность выделяли преимущественное значение маневра перед боем; боевые столкновения отличались еврей краткостью и малым упорством, о чем и свидетельствуют ничтожные потери наступающего; например, борьба за Полтаву стоила советским войскам одного убитого.

Предпосылками австро-германской оккупации являлось стремление использовать Украину, как экономический базис для срединных империй. Поэтому руководитель германской военной политики генерал Людендорф приложил все усилия к срыву мирных переговоров в Бресте, начавшихся там еще 22 ноября 1917 г., как только самочинное правительство Центральной Рады подписало с Австро-Германией отдельный мир, что случилось в самый день падения Киева, т. е. 9 февраля 1918 г.

Согласно условий этого мира Украина попадала в полную экономическую зависимость от Германии, и оккупация Украины австро-германскими войсками, являлась одним из ее последствий.

Создав себе юридическое обоснование для вторжения в Украину, германцы 18 февраля прервали мирные переговоры с РСФСР, чтобы иметь возможность привести в исполнение уже стратегическую часть своего плана, о котором мы говорили во введении, по созданию себе выгодного исходного положения на случай возможного возникновения нового Восточного фронта мировой войны. Фронт австро-германского наступления обозначился на всем пространстве от Балтийского до Черного морей. Наступая в пределы Великоруссии и Белоруссии, германцы, почти нигде не встречая серьезного сопротивления к этому времени окончательно разложившейся старой армии, быстро достигли линии Нарвы, Пскова, Полоцка, Орши и Могилева (схема № 2).

Советское правительство в виде временной передышки вынуждено было согласиться на мир на любых условиях, который и был подписан 3 марта 1918 г. Одним из условий этого мира, имевшим непосредственное отношение к гражданской войне было признание РСФСР независимости Украины и Финляндии, что влекло за собой необходимость воздержания советских российских войск о помощи пролетариату этих стран в его борьбе с надвигающейся волной империализма.

Германская оккупация создавала, в свою очередь, выгодные условия «передышки» для южной контрреволюции, которой она и воспользовалась для лучшей организации и укрепления своих сил.

Вторжение австро-германцев ставило советскую стратегию в новые условия обстановки. Ее предыдущие блестящие успехи зависели не от количества ее вооруженных сил, а от работы внутренних движущих сил революции и разложения вооруженных сил противников. Последней данной не было еще в войсках ее новых противников. В этих условиях численное соотношение воюющих сторон получало преобладающее значение; оно, помноженное на качество подготовки и техническое оборудование, должно было определить исход, борьбы. В этом отношении положение советской стратегии представлялось весьма трудным: против 29 пехотных и 4:2 кавалерийских дивизий австро-германцев (200–250 тыс. человек) она располагала всего 15 тыс. бойцов, раскиданных при том на огромном пространстве Украины и Донской области. Таким образом, основная трудность для германцев: при оккупации Украины заключалась не в преодолении сопротивления ее вооруженных сил, а в преодолении ее пространств. Все возможное было сделано советской стратегией. Колонны Сиверса и Саблина, сильно ослабленные демобилизацией, подтягивались к Киеву для встречи волны оккупантов, которая по каналам сквозных железнодорожных магистралей устремлялась к восточным границам Украины, Донецкому бассейну и портам Черного моря.

Правобережная Украина быстро перешла во власть оккупантов. Начав наступление 18 февраля, они 1 марта уже вступали в Киев, согнав с насиженных мест чехо-словацкий корпус, эшелоны которого, перемешавшись с советскими войсками, потянулись на Курск и далее — на восток.

Распространяясь по правобережной Украине к югу, австро-германцы уже 5 марта заняли Черкассы и Золотоношу, угрожая таким образом тылу войск Муравьева в Одесском районе, что принудило эти войска начать спешный отход на восток.

Утвердившись на правобережной Украине, австро-германцы начали развивать усиленное выдвижение из уступов вперед своих флангов, с одной стороны, на Курск и Харьков, с другой стороны — вдоль побережья Черного моря, очевидно, стремясь отрезать украинские советские силы от Великороссии и портов Черного моря, сбить их к середине и затем уничтожить.

Эта операция облегчалась отрывом колонны Сиверса от войск, обеспечивающих подступы к Харькову и началом ее отхода через Волчанск и Нов. Оскол в пределы Великороссии. 7 апреля германцы овладели Харьковом.

Антонов-Овсеенко пытался активно оборонять Донецкий бассейн, пользуясь сосредоточением в нем красных отрядов, отошедших от Екате-ринослава и откатившихся от Харькова, а также и местными формированиями, которых насчитывалось до 2 тыс. человек.

Однако из этих попыток ничего не вышло. Несмотря на доблесть, проявленную отдельными отрядами, 24 апреля германцы заняли уже Бахмут, утвердившись, таким образом, в центре Донецкого бассейна; с другой стороны, они старались захлестнуть в петлю защитников Донецкого бассейна, быстро продвигаясь от Купянска на Старобельск и далее в направлении к ст. Чертково, заняв которую они отрезали красные силы Донецкого бассейна от прямых путей сообщения с Великороссией.

Для выхода, из окружения этим последним оставалась лишь железная дорога Лихая — Царицын и кружная магистраль Ростов — Тихорецкая — Великокняжеская — Царицын.

Первым направлением воспользовались отряды, непосредственно оборонявшие Донецкий бассейн; по второму — устремились группы советских отрядов, действовавшие южнее.

Продвижение линии германской оккупации к востоку вызывало взрывы подавленной контрреволюционной стихии в ее жизненных центрах. Красным отрядам, отступавшим из Донбасса в направлении на Царицын, пришлось прокладывать себе путь сквозь район, охваченный казачьим мятежом от ст. Лихой почти до самого Царицына. Соединившись с группой Щаденко, боровшейся с мятежниками, советские отряды достигли численности 10–15 тысяч человек и, остановившись в районе ст. Каменской, еще пытались вести борьбу с германцами, но угрожаемые охватывающим движением германцев с юга от Александра Грушевского, они вынуждены были ускорить свое отступление на Царицын. 4 мая 1918 г. последние советские отряды покинули территорию Украины.

Непосредственное значение австро-германской оккупации для нашей гражданской войны выразилось в следующем:

Контрреволюционные силы вблизи ее внешнего обвода, в первую очередь в Донецкой области, будучи обеспечены с тыла и, получая моральную и материальную поддержку от оккупантов, получили возможность вновь перейти в действенное состояние.

Отвлечение внимания и сил советской стратегии в сторону вторжения австро-германцев ослабило ее нажим на силы контрреволюции, действовавшие на востоке России и на Северном Кавказе.

Пролетарская политика убедилась в необходимости располагать организованной надежной вооруженной силой для разрешения своих военных задач.

Установление твердой линии германского фронта положило временный предел распространению революции в западном и юго-западном направлениях и на некоторое время выдвинуло преимущественное для нее значение востока и юго-востока России.

В связи с последним обстоятельством представляется необходимым бросить взгляд на события, происходившие на Северном Кавказе, поскольку ему суждено было скоро сделаться колыбелью вооруженных сил южной контрреволюции.

Сходство соотношения внутренних социальных сил на Кубани с таковым же на Дону определило одинаковый характер развития в ней революционного процесса. Первоначальная

слабость мещанско-демократического кубанского правительства определила там более успешное развитие вооруженной силы «иногородних»⁴

, являвшихся сторонниками советской власти. Надежды этого правительства на казачьи части, возвращавшиеся с фронта также не оправдались, вследствие их революционного настроения и усталости от войны.

Наконец, попытки создать белую гвардию из деклассированного офицерства и части интеллигенции, скопившихся на Кубани, также окончились неудачей. Под натиском местных революционных сил и отрядов старой армии, возвращавшихся с Кавказского фронта мировой войны, кубанское правительство с своей вооруженной силой в количестве 3 тысяч человек 13 марта 1918 г. покинуло свою столицу — Екатеринодар, направляясь в горы, где оно рассчитывало найти приют у чеченцев (схема № 1).

Это случилось как раз в то время, когда генерал Корнилов, расставшись с остатками Донской армии, искавшими убежища в Сальских степях, решил направиться на Кубань, надеясь там найти убежище и поддержку для своих формирований. Силы Добровольческой армии насчитывали тогда 4 тысячи бойцов при 8 орудиях.

Избегая больших дорог и железнодорожных магистралей, которые он только пересекал в своем движении, Корнилов счастливо проскользнул сквозь треугольник Ростов — Тихорецкая — Торговая, густо насыщенный советскими войсками по линиям железных дорог и в крупных населенных пунктах.

Только вступив в пределы Кубани, Корнилов узнал об истинном положении дел. Он еще раз изменил маршрут своего движения, втянувшись в опасный для него треугольник железных дорог Екатеринодар — Тихорецкая — Кавказская, сильно занятый советскими войсками и их бронепоездами. Однако, ему еще раз удалось пересечь железнодорожные линии, и, продвигаясь с упорными боями, через станицу Усть-Лабинскую выйти к ст. Некрасовской, где он получил первые сведения о местопребывании противосоветской кубанской армии и несколько дней спустя 27 марта 1918 г. соединился с нею в ауле Шен-Жий.

Вторая половина похода отчасти оправдала надежды Корнилова. В настроениях казачества обнаружился определенный противосоветский сдвиг, что выразилось в начавшемся приливе добровольцев-казаков в ряды Добровольческой армии.

Причинами этого сдвига явились обострения отношений между казачеством и иногородними на почве разрешения вопроса о земле и нетактичное поведение в отношении местного населения отрядов черноморских моряков, которые разоружая местное население, прибегали к грабежам и насилиям.

Кубанско-добровольческая армия на этом переломе в настроениях казачества пыталась обосновать свою попытку с налета овладеть Екатеринодаром, куда успели подтянуться значительные советские подкрепления.

8 апреля 1918 г. Корнилов начал упорные штурмы Екатеринодара, которые все были отбиты с огромными потерями для Добровольческой армии и во время подготовки к одному из них сам он был убит (13 апреля 1918 г.).

Вступивший вместо него в командование, генерал Деникин начал поспешное отступление с остатками Добровольческой армии обратно на Дон, куда он и прибыл в начале мая 1918 г.

Это отступление удалось ему опять-таки благодаря перемене отношения населения к Добровольческой армии, которое на этот раз не стремилось задерживать ее. Первый поход Добровольческой армии на Кубань не привел к осуществлению целей ее командования, поскольку он являлся преждевременным, так как расслоение между иногородними и казаками, объединенными в одном революционном порыве, не успело еще сказаться. Оно начало сказываться уже в конце похода, но Добровольческая армия в это время не использовала его для себя, дойдя до крайней степени истощения в бесполезных штурмах

⁴ Не казачье сельское и городское население. Н. Какурин.

Екатеринодара. Последнее обстоятельство на несколько еще месяцев отсрочило превращение Кубани в жизненный центр южной контрреволюции.

Таким образом, положение в казачьих областях весной 1918 г. можно охарактеризовать, как состояние неустойчивого равновесия.

Хотя советские войска и занимали все крупные административные центры всех казачьих областей (за исключением одного Уральска), но первые судороги будущих казачьих мятежей в виде партизанских выступлений, как результат работы организуемых контрреволюционных сил, уже начинали колебать почву под их ногами.

Такое, примерно, положение складывалось и в Сибири, которой суждено было вскоре стать базой всей восточной контрреволюции.

После утверждения советской власти в центре Сибири ее контрреволюционные силы повели работу в двух плоскостях: с одной стороны, они закладывали ячейки будущих белогвардейских отрядов во всех крупных центрах Сибири, с другой стороны, найдя жизненную для себя среду в областях Забайкальского, и Уссурийского казачьих войск среди кулацких слоев казачьего населения, они вели уже открытую войну с советской властью при помощи отрядов атаманов Семенова и Калмыкова.

Силы первого атамана достигали 3–4 тысяч бойцов; с ними он в мае 1918 г. угрожал Амурской железной дороге между Сретенском и Читой. Сибирский военный комиссариат сосредоточивал все свое внимание на борьбу с мятежными атаманами, пользуясь чем, тайные контрреволюционные военные организации готовились к выступлению во многих крупных центрах Сибири.

Общее контрреволюционное восстание в Сибири намечалось ко времени вмешательства союзников (интервенции) наши внутренние дела.

Глава третья

Интервенция Антанты и образование фронтов гражданской войны.

Послеоктябрьский период гражданской войны, прошедший под знаком успехов вооруженных сил революции, явился вместе с тем временем самоорганизации и спайки сил внутренней контрреволюции, застигнутых врасплох октябрьским переворотом.

В этой работе на помощь их самодеятельности пришли военные и дипломатические миссии Антанты.

Вместе с тем германская оккупация явилась лишь первым звеном в ряде иностранных вмешательств в нашу гражданскую войну. Эти вмешательства усложнили внутреннюю классовую борьбу в Советской республике, переведя ее в формы затяжной войны; последняя же явилась следствием той опоры, которую русская буржуазия нашла, с одной стороны, в иностранном вооруженном вмешательстве, а с другой стороны, в сети внутренних заговоров.

Однако, в силу разброски своих сил в пространстве и крепости советской власти в революционных центрах, силы контрреволюции нуждались в каком-то уже организованном стержне, вокруг которого они могли бы начать свою группировку.

Вместе с тем этот стержень мог бы послужить и основанием будущего нового Восточного фронта против срединных держав, если бы советское правительство не образовало его собственными руками.

Пока антантовская дипломатия не теряла надежд на эту возможность, она работала в двух направлениях: с одной стороны, она стремилась добиться от советского правительства его собственного согласия на образование этого фронта, а с другой стороны, тайно поддерживала сношения с внутренними заговорщиками, оказывая им помощь всякого рода.

Советское правительство заблаговременно предвидело попытки Антанты использовать занятые ею на территории России места для образования на них контрреволюционных

очагов; вместе с тем оно правильно оценивало возможность для германцев раздавить жизненные центры революции — Москву и Петроград — раньше, чем скажутся первые результаты образования этого нового фронта. Осторожность советского правительства в деле этих переговоров оправдалась тем отношением, которое проявили представители Антанты в России к факту случайной высадки небольшого японского десанта во Владивостоке (апрель 1918 г.). Этот факт они стремились использовать для угроз советскому правительству, которому стало ясно, что все переговоры с ним велись исключительно с целью выиграть время.

Неудача первой части плана Антанты заставила ее дипломатию сосредоточить все свое внимание на второй части.

Чехо-словацкий корпус, ускользя от волны германской оккупации, длинной лентой тянулся по сквозным железнодорожным путям по направлению к тихоокеанским портам и его главные силы не успели еще перевалить Уральский хребет. Нахождение этого корпуса внутри советской страны делало его весьма пригодным для роли контрреволюционного стержня и основы нового противо-германского и вместе с тем контрреволюционного фронта.

Остальные звенья этого фронта могли быть образованы десантами Антанты на севере и в портах нашего Дальнего Востока и выступлением организованных контрреволюционных сил на Средней Волге.

В таких основных линиях представляется нам зарождение плана активного вмешательства Антанты в нашу гражданскую войну. Само собою разумеется, что выполнение его надлежало согласовать во времени.

Обстановка заставляла спешить с началом выполнения плана, пока еще чехо-словаки находились внутри РСФСР и пока советская власть имела перед собою внутри страны целый ряд задач, хотя и успешно начатых выполнением, но окончательно еще не разрешенных. Действительно, на очереди стояли вопросы окончательного замирения казачьей контрреволюции, хотя и распыленной в пространстве предшествовавшими ударами советских войск, но не отказавшейся от продолжения борьбы и деятельно собиравшей для нее все силы; далее, хотя линия фронта германской оккупации и установилась, но неопределенность германской политики требовала противопоставления этому фронту достаточно плотных завес из хорошо организованных войск. Наконец, в отношении организации вооруженных сил советское правительство делало лишь свои первые шаги и лихорадочная работа подпольных контрреволюционных организаций требовала особого внимания к состоянию тыла.

В такой обстановке разразился чехо-словацкий мятеж. Поводом к нему явилось предложение советского правительства, не имевшего еще сведений о размерах и истинных целях апрельского японского десанта во Владивостоке, направить чехо-словацкий корпус вместо Владивостока на Мурманск и Архангельск для отправления во Францию, при чем чехо-словаками должно было быть сдано вооружение, полученное ими от старого русского правительства и ныне являвшееся собственностью РСФСР.

На этой почве чехо-словацкая масса была спровоцирована пущенным среди нее слухом, что советское правительство намерено выдать ее в качестве военнопленных австро-германцам.

Но главари корпуса в лице Чечека, Гайды и Войцеховского вполне сознательно вели свою игру, действуя по указке французской миссии, которой они заблаговременно телеграфировали о своей готовности к выступлению.

Выработав свой план действий и согласовав его во времени, чехо-словаки активно выступили в конце мая 1918 г. 25 мая Гайда со своими эшелонами поднял мятеж в Сибири, 26 мая Войцеховский захватил Челябинск, а 28 мая после боя с местными советскими гарнизонами эшелоны Чечека заняли Пензу и Сызрань. По своей близости к жизненным центрам революции наиболее опасными являлись пензенская группа чехов (8 тыс. бойцов) и челябинская группа (8.750 бойцов).

Однако, обе они первоначально обнаружили стремление продолжать движение на

восток. Группа Войцеховского. 7 июня докатилась до Омска и заняла его. 10 июня, соединившись с эшелонами Гайды, пензенская группа направилась на Самару, которой овладела 8 июня после незначительного боя (схема № 3). Ее появление в Самаре развязало местные контрреволюционные силы и на следующий день там возник эсеровский соглашательский «Комитет Учредительного Собрания», приступивший, опираясь на чехо-словаков, обещавших свое содействие, к организации собственной народной армии.

После занятия Омска волна чехо-словаков, очевидно, повинувшись указаниям Антанты, меняет направление своего движения.

Сибирская группа чехов главными своими силами начинает двигаться вдоль линий железных дорог на Екатеринбург, а бывшая пензенская группа от Самары стремится на Уфу в целях соединения со своей сибирской группой. Так возникает красный Восточный фронт. Выступление чехо-словаков создает обширный контр-революционный очаг в самых недрах советской страны. Отсутствие готовых подвижных резервов в распоряжении центральной власти и вообще медленность их переброски в силу неудовлетворительного состояния транспорта переносит всю тяжесть борьбы первоначально на самодеятельность мест. Они со всех сторон направляют к внешним обводам контрреволюционных очагов, разорванных чешским выступлением, свои свободные силы.

Руководящему центру остается ввести это стихийное стремление масс к вновь образовавшемуся очагу гражданской войны в определенное организационное русло.

Одним из первых мероприятий в этом отношении является стремление установить единство командования на Восточном фронте, и первым его главнокомандующим назначается известный по своим операциям на Украине, Муравьев, в распоряжение которого центральная власть начинает направлять подкрепления как с других фронтов, так и из своих тыловых формирований.

Пока главное командование успело проявить свое влияние на общий ход военных действий, местные военные командования задавались целями местного значения, в общем правильными по существу. Они, опираясь на местные силы, стремились положить предел распространению чехов в пространстве. Намечались уже рубежи сопротивления в виде Златоуст-Челябинского фронта и отдельные очаги сопротивления в виде районов Уфы и Оренбурга.

Однако, Златоуст-Челябинская группа в конце июня, действуя обособленно и не получая ни откуда поддержки, истощила свои боевые усилия и в начале июля, расплывшись на мелкие отряды, открыла путь на Екатеринбург, а Уфимский центр, несмотря на довольно значительное насыщение его войсками (в одной Уфе до 5 тыс. человек), проявил малую активность и под влиянием угрозы наступления чехов со стороны Самары очистил Уфу 3 июля. Уфимская группа советских войск, на судах отплыла по р. Белой и обосновалась в районе Сарапуль — Николо — Березовка, послужив основанием второй Красной армии. Таким образом, уже 8 июля Сибирская и Самарская группы чехов установили между собою связь в г. Уфе, закрепив этим за собой участок Сибирской магистрали.

Непосредственными результатами выступления чехо-словаков явилось усиление существовавших и взрыв новых контрреволюционных выступлений в районах, прилегающих к образованному их выступлением обширному контрреволюционному очагу.

При первых известиях о чехо-словацком мятеже началось массовое выступление оренбургских казаков, объявивших у себя общую мобилизацию. Воспользовавшись этим, загнанный в течение зимы вглубь Тургайских степей Оренбургский атаман Дутов с небольшим отрядом явился вновь в окрестностях Оренбурга; советские отряды, действовавшие в Оренбургских степях (Блюхера, Каширина и др.), оказавшись в кольце восставших казаков, вынуждены были оставить область и направились частью в Туркестан, Верхнеуральск и на Орск, окопавшись в котором в течение нескольких месяцев, выдерживали осаду, пока не получили возможности вновь перейти в наступление против Оренбурга уже осенью 1918 г. Следуя за отступающими советскими отрядами, Дутов 3 июля вновь занял Оренбург, после чего начал операции местного значения в пределах своей

области. Еще большее значение выступление чехов имело для контрреволюционных сил Сибири. Приведенные этим выступлением и действенное состояние, они быстро утвердились почти на всей огромной территории Западной Сибири, после чего при поддержке небольших чехо-словацких отрядов, действуя вдоль железной дороги Омск — Тюмень, они стремились продвинуться к Екатеринбург и, с другой стороны, продвигаясь по направлению к Владивостоку, распространяли свое влияние вдоль Сибирской ж. д. магистрали.

Под знаком столь успешных начинаний закладывалось второе основное звено интервенции.

27 июня 1918 г. в Мурманске высадился английский десант в количестве 2 тысяч человек. Совнарком предложил нарком по военным делам «направить необходимые силы для защиты беломорского побережья от захватов со стороны иностранных империалистов».

Высадкой своего десанта державы Антанты шли на открытый разрыв с Советской Россией. Тотчас после высадки своих войск представители Антанты склонили к явной измене президиум Мурманского Совета, который за денежную поддержку и доставку продовольствия и мануфактуры обещал не препятствовать формированию белогвардейских отрядов и фактически содействовать занятию края войсками Антанты. Итак, к началу июля отчетливо наметились основные линии плана интервенции. Оставалось связать в пространстве два основных звена противосоветского фронта.

За выполнение этой задачи взялся стоявший отдельно от московских контрреволюционных центров и даже своей партии видный эсер Б. Савинков, создавший из части офицерства свою организацию под именем «Союза защиты «Родины и Свободы». Он решил облегчить продвижение войск Антанты от Архангельска к Москве и чехо-словаков, к ней же от Самары контрреволюционным взрывом на верхней Волге. И вот в ночь с 2 на 3 июля в Ярославле вспыхнул мятеж, организованный правыми эсерами и подпольными офицерскими организациями. В связи с ним менее значительные выступления последовали в Муроме и Рыбинске. Последние мятежи были быстро ликвидированы в значительной мере местными советскими силами. Более значительный Ярославский мятеж удалось подавить через две недели при помощи сил, присланных центром. Благодаря быстрому своему подавлению, они не отразились на общем ходе военных действий. После их неудачи Антанте уже не удалось в дальнейшем прочно и надолго связать Северный и Восточный контрреволюционные фронты, что могло бы иметь большое значение для всего хода гражданской войны.

Вне идейной связи с этими мятежами, но, совпадая во времени с ними, стояла попытка левых эсеров к мятежу в Москве. Предпосылкой к нему явилось убийство левыми эсерами в Москве 5 июля германского посла графа Мирбаха, чем левые эсеры думали вызвать возобновление войны между Германией и РСФСР. Ошибившись в расчетах, они 6 июля подняли вооруженное восстание в Москве, которое на другой день, 7 июля, было подавлено.

Предпринимая его, они рассчитывали на помощь главнокомандующего Муравьева, который пытался было двинуть войска Восточного фронта на Москву, но эта попытка не удалась, и сам Муравьев пал жертвой своей измены. Мятеж левых эсеров имел косвенное влияние на ход военных действий — смена командования на Восточном фронте на некоторое время оставила войска без оперативного руководства.

На фоне этих событий на Восточном фронте обе стороны продолжили развертывать свои силы: внутренние контрреволюционеры и чехо-словаки путем местных мобилизаций; советское командование путем местных формирований и стягивания значительных подкреплений в том числе первых регулярных формирований Красной армии из различных мест страны. На Восточном фронте намечалось уже; образование первоначально четырех армий, которые в ближайшее время увеличились еще одной⁵

. В это время начала уже вырисовываться и линия боевого соприкосновения, сложившаяся в результате первых случайных столкновений; при чем намечалось глубокое

⁵ Их расположение и №№ смотри на схеме № 3. Н. Какурин.

вклинение противника в расположение советского фронта на самарском направлении.

Наступательный почин по прежнему оставался в руках противника. К 25 июля он занимал уже целиком Самарскую, Уфимскую и Екатеринбургскую губернии, овладел г. Симбирском⁶

и в некоторых местах выходил уже на р. Каму.

План противника, насколько можно судить по отрывочным указаниям в белых печатных источниках, заключался в нанесении главного удара в направлении Екатеринбург — Пермь — Вятка, чтобы таким образом установить связь с десантом Антанты, наступающим вглубь советской страны со стороны Беломорского побережья. Он отвечал пожеланиям Антанты, а также интересам чехо-словаков, который теперь с оружием в руках мыслили пробиться в целях скорейшего возвращения на родину к тем самым Беломорским портам, куда им так недавно вполне спокойно, и миролюбиво предлагало направиться советское правительство. Этот план настойчиво проводился командованием противника в последующий период войны. О его недостатках мы уже упоминали. Главным из них являлись то обстоятельство, что операционное направление не было ни кратчайшим, ни ведущим к важным для революции центрам. Выполнение этого плана привело к сильному массированию сил противника в сторону его правого фланга.

28 июля 1918 г. новый командующий советским Восточным фронтом т. Вацетис разработал свой план встречного наступления, сущность которого сводилась к захвату в клещи сил противника, действовавших на фронте Симбирск — Сызрань, двойным ударом по левому берегу реки Волги: с севера со стороны Чистополя на Симбирск и с юга со стороны Урбаха на Самару.

Выполнение этой задачи возлагалось на три армии (I, IV, V), тогда как остальные две (II и III) должны были наносить вспомогательные удары на Уфу и Екатеринбург.

Смелый по замыслу план Вацетиса требовал широкой маневренности от подчиненных ему войск, к чему они еще не были способны; кроме того, одна из числа его армий, а именно V, предназначенных для нанесения главного удара, только еще начинала сосредоточиваться. Тем не менее наступление было начато в начале августа. Оно не развилось в достаточной мере из-за неготовности армий к широким и согласованным маневренным действиям и малого количества сил, которые удалось выделить для этой операции. На него отозвались только II и III армии. II армия отрядом в 1000 штыков пыталась наступать на Бугульму, но это наступление уже 5 августа было ликвидировано противником. III армия действовала более решительно и успешно она почти вновь достигла Екатеринбурга, но неустойчивость одной из ее дивизий вынудила и ее начать отход назад. Во всяком случае, ее наступление имело известные стратегические результаты, так как принудило противника стянуть на это направление значительные резервы. В свою очередь, противник имел неожиданный и непредвиденный его высшим командованием успех. Благодаря частному почину и вне связи с общим планом действий, некоторые отряды противника устремились на Казань, где только что начинали сосредоточиваться части V советской армии и 6 августа овладели ею. Захват противником Казани имел не столько стратегические, сколько экономические последствия. В Казани был захвачен золотой запас РСФСР в количестве 651 ? миллиона рублей золотом, и, кроме того, 110 миллионов кредитными билетами. Этот запас переходил затем преемственно к уфимской директории, колчаковскому правительству и лишь при завершении гражданской войны часть его вернулась обратно в руки советского правительства.

Нам остается теперь обратиться к действиям сил внешней контрреволюции на севере, на которые возлагала столь большие надежды внутренняя контрреволюция.

Их результаты, как увидим ниже, не оправдали возлагавшихся на них ожиданий.

Причину этому следует искать, прежде всего, в отсутствии определенно проводимого плана действий у руководителей операций.

23 июня 1918 г. антантовские миссии, спешно уезжая из Вологды в Архангельск, в

⁶ Ныне Ульяновск.

своем воззвании объясняли цели мурманского десанта, как стремление спасти Мурманский край от захвата его германцами и финнами, защитить Россию от дальнейших оккупационных намерений Германии и искоренить «власть насильников».

Местное английское командование исходило в своей оценке целей экспедиции из разных точек зрения. Первый из английских командующих, генерал Пуль, объявил, что «союзники явились для защиты своих интересов, нарушенных появлением в Финляндии германцев»; появившийся вместо него осенью генерал Айронсайд ставил себе целью «наступление на Котлас и Вятку для соединения с Колчаком и передачи ему привезенного для его армии имущества».

Очевидно, в силу этих колебаний, заняв г. Мурманск в конце июня 1918 г., английский флот затратил целый месяц на медленную разведку Беломорского побережья, высадив десанты в Сороках и на Соловецких островах, после чего англичане начали готовиться к занятию Архангельска и медленно распространяться по Мурманской железной дороге.

Силы, которыми в это время располагало советское командование на севере, не превышали 4 тысяч человек, раскинутых на огромном пространстве; наиболее значительный гарнизон в Архангельске состоял из 600 человек. Медленность действий противника позволила красному командованию заблаговременно принять меры к вывозу ценного военного имущества по р. Сев. Двине на Котлас.

Только 2 августа 1918 г. английский десант при содействии белогвардейского взрыва изнутри занял Архангельск. Лишь после этого Антанта в несколько приемов, высадила в Мурманске 10 334 человека и в Архангельске 13 182 человека, при чем сил русских белогвардейцев хватило едва на образование двух небольших отрядов.

Для развития дальнейших действий английское командование располагало двумя операционными направлениями: на Вологду — Москву, совпадавшим с линией железной дороги, и на Котлас — Вятку, совпадавшим с р. Сев. Двиной (до Котласа). Последнее направление являлось весьма трудным в силу местных условий. Тем не менее, со времени вступления в командование генерала Айронсайда оно, в силу причин, отмеченных выше, привлекло его преимущественное внимание.

Действия противника на этом направлении развивались медленно и с большими усилиями, будучи, кроме того, преисполнены большой осторожности. В результате противник к осени сумел достигнуть лишь линии фронта, указанной на схеме № 3, начиная откуда он встретил уже упорное сопротивление частей Красной армии, силы которой возросли до 10 549 штыков, 210 пулеметов и 70 орудий и образовали VI армию. В дальнейшем операции на этом театре приобретают почти до самого конца войны исключительно местное значение, сводясь к борьбе за отдельные направления и местные пункты. Линия фронта обеих сторон испытывает частичные колебания, но события имеют чисто местный характер и не влияют на обстановку на других фронтах.

В этот период кампании захват Архангельска и Казани является пределом достижений совокупных усилий внешней и внутренней контрреволюции. Их первоначальные успехи далеко не соответствовали поставленным им себе целям. Относительная незначительность результатов объясняется отсутствием согласованности действий во времени, и пространстве, присущим всякой коалиции. Операции английского десанта запоздали на месяц и развивались крайне медленно. В силу этого восстание на Средней Волге явилось обособленным и было легко подавлено; оно также не могло быть поддержано и Восточным противосоветским фронтом, потому что чехо-словаки вместо быстрого захвата рубежей рр. Волги и Камы 2 месяца занимались укреплением своего положения на Урале.

Положительным результатом интервенции явился внутренний перелом в настроениях советской страны и армии, когда впервые все поняли, что страна стоит перед смертельной опасностью. Этот перелом настроений вызвал массовое движение на фронт сознательных пролетарских элементов в виде членов профсоюзов и членов компартии, которые и образовали из себя крепкий позвоночник Красной армии.

Попутно с оформлением Восточного и Северного фронтов происходило установление и

Южного фронта гражданской войны.

Здесь источником его образования также являлся казачий район — область войска Донского.

Надвигавшаяся на нее волна германской оккупации раздула тлевшие на Дону искры повстанчества, в большой пожар. Мы уже видели, как отходившим из Донбасса красным отрядам пришлось пробиваться сквозь районы, охваченные повстаньем казачества северной части Донской области.

Почти одновременно сильные повстанческие группы возникли в районе г. Александрова-Грушевского и г. Новочеркаска, а на левом берегу Дона начала действовать против ст. Тихорецкой задонская группа повстанцев.

С приближением германских войск к границам Донской области деятельность этих групп весьма оживилась; 6 мая восставшие казаки заняли Новочеркасск, 8 мая они совместно с германцами вступили в Ростов, 11 мая овладели гор. Александровом-Грушевском.

Таким образом, в их распоряжении оказалось свободное пространство, на котором они деятельно приступили к развертыванию своих сил, используя свою старую военную организацию и территориальное военное устройство.

В середине мая силы Донской армии достигали цифры 17 тысяч организованных бойцов при 21 орудии и нескольких десятках пулеметов.

Опирая свой левый фланг и тыл на благожелательно расположенные к ним германские войска и будучи обеспечены с правого фланга, со стороны Сев. Кавказа, активными действиями Добровольческой армии, которых мы коснемся ниже, донцы, имея возможность не разбрасывать свои силы, в течение лета 1918 г. распространились, почти по всей Донской области, соединившись с повстанцами северной ее части. В распоряжении советских войск оставалось лишь несколько станиц восточной части Сальского округа.

Вместе с тем при помощи мобилизаций Донская армия увеличилась в числе: в половине августа ее силы исчислялись в 40 тыс. бойцов при 93 орудиях и 28 пулеметах. Нарастание советских сил на южном участке нашей стратегической завесы шло гораздо медленнее; здесь в середине июля, не считая царицынского района, силы советских войск состояли из 17 502 штыков, 2 318 сабель, при 38 орудиях. Фланговое положение германцев в отношении Донской области, учитывая их благожелательное отношение к Дону, исключало возможность перенесения активных действий вглубь Донской области; из опасения получить удар во фланг; для обороны же этих сил было достаточно, тем более, что сами казаки пока не стремились к походу на Москву и в их массах были сильны стремления к мировому улажению спорных вопросов с советской властью. Стремясь к стратегическому обеспечению своих границ, поскольку административные границы области не давали никаких выгодных оборонительных рубежей, Донской «круг» 1 сентября издал «указ» о занятии Донской армией ближайших стратегических узлов за донской границей: Царицына, Камышина, Балашова, Поворина, Новохоперска, Калача и Богучара.

Стремление Донской армии к выполнению этих задач в связи с активностью, проявленной X Красной армией из царицынского района, придало большое оживление осенней кампании 1918 г. на Южном фронте.

X Красная армия образовалась из отрядов, отошедших в район Царицына с Украины и из Донбасса весной 1918 г. Ко времени начала ею активных действий ее численность достигала 39 465 штыков и сабель при 240 орудиях и 13 бронепоездах, т. е. свыше, чем вдвое, превосходила все прочие силы южной завесы. Эта мощная группа, располагаясь на подступах к Царицыну, занимала фланговое по отношению ко всему донскому фронту положение.

Сам по себе гор. Царицын с его районом являлся, благодаря обилию в нем рабочего населения, одним из жизненных революционных центров юго-востока России. Этим не исчерпывалось его значение; в экономическо-военном отношении он был важен для обеих сторон, как промышленный центр, а в стратегическом отношении, как узел железнодорожных, грунтовых и водных путей. Кроме того, благодаря его фланговому

положению, все успехи казаков на северных направлениях без предварительного овладения им, как показали дальнейшие события, являлись не прочными, а, обладая им, советские войска обеспечивали свое господство над нижней Волгой, связь с Астраханью и Северо-Кавказским театром.

Донской атаман Краснов усиленно приглашал Добровольческую армию сосредоточить свое внимание на Царицыне, вместо вторичного похода на Кубань, но руководство Добровольческой армии в лице генерала Деникина не согласилось на это. Генерал Деникин опасался за безопасность своего тыла, который в этом случае пришлось бы опереть на Украину и Дон. Обе области находились под германским влиянием, а Добровольческая армия в своей политической программе исключала всякое взаимодействие с германцами. В силу этих причин донское командование мыслило первоначально обезвредить царицынский район только заслоном в 12 тысяч человек. Главная масса Донской армии во исполнение поставленных ей задач сосредоточивалась в количестве 22 тысяч человек на балашовско-камышинском участке, намереваясь на нем нанести свой главный удар, и оставив на богучарско-калачском и поворинском участках 12 тысяч человек.

X армия предупредила наступление противника и сама 22 августа перешла в наступление на широком фронте, имея осями его три железнодорожные линии, сходящиеся к Царицыну. Заслон противника был сбит и части X армии вышли на линию рр. Дона и Сала, где наступление их приостановилось. Обеспокоенный этой угрозой всей своей операции, противник вынужден был обратить главное свое внимание на царицынское направление, стягивая к нему свои свободные силы как с фронта главной операции, так и с тыла.

Поэтому наступление на северных участках донского фронта не развилось в срок, предположенный донским командованием, а значительно запоздало.

В целях противодействия успехам X армии донское командование должно было затронуть свои резервные формирования, так называемую «постоянную» армию из казаков младших возрастов, насчитывавшую в своем составе 16-тысяч бойцов конницы и пехоты.

Введенные в дело на царицынском направлении в половине сентября эти силы вновь склонили успех на сторону донского командования, принудив X армию местами покинуть рубежи рр. Дона и Сала и осадить ближе к Царицыну. Лишь в октябре Донская армия в связи с этим получила возможность развить свое наступление на северных направлениях. Поэтому октябрь отмечается крайним напряжением сил Донской армии, которая начинает действовать активно в расходящихся операционных направлениях: на Воронеж и на Царицын.

На последнем направлении донские части вновь к 17 октября оттесняют X армию на ближайшие подступы к Царицыну, но здесь сами попадают под фланговые удары красных войск: с юга на них обрушивается конная дивизия Жлобы, оторвавшаяся от красных войск Северного Кавказа и направлявшаяся к Царицыну; с севера они подпадают под удары группы красных войск, наступающих со стороны т. Себряково.

Под влиянием этих обстоятельств царицынская группа донцов отходит на фронт Гнилоаксайская — Лятичев — р. Дон до устья р. Иловли, и здесь бои на некоторое время замирают.

На воронежском направлении обе стороны борются за обладание рокадной железнодорожной линией Балашов — Поворино — Новохоперск — Бобров — Лиски, при чем главный удар донское командование наносит на участок Таловая — Бобров — Лиски. Борьба носит упорный характер и проходит с переменным успехом. Только 23 ноября донские части захватывают у VIII Красной армии железнодорожную станцию Лиски, а 1 декабря в их руки переходит гор. Новохоперск.

Вместе с тем, развивая вспомогательный удар на камышинском направлении в разрез между IX и X Красными армиями, донские конные части почти успевают прорваться к гор. Камышину, что вынуждает красное главное командование стянуть часть сил с восточного фронта для обеспечения этого направления и указать командованию Южным фронтом на

важность обратного овладения железной дорогой Борисоглебск — Царицын. Таким образом, ценой больших потерь и усилий Донская армия только в начале декабря достигает разрешения части поставленных ей задач. Подрыв ее физических сил отразился и на ее нравственном состоянии; в армии все сильнее начинает развиваться взгляд о бесполезности дальнейшей борьбы, что вскоре приводит ее к полному разложению, совпавшему с нарастанием и укреплением сил Южного фронта.

Длительный и нерешительный по результатам характер последней операции со стороны Донской армии вызван был недостаточной оценкой царицынского направления и его значения для судеб всей Донской армии.

Учитывая соотношение сил, оно должно было явиться единственным для первоначальных действий Донской армии, после чего можно было приступить к разрешению дальнейших задач.

При тех ограниченных силах и средствах, которыми располагало советское командование в описанный период камлании, оно не могло задаваться обширными целями и все его усилия должны были свестись к сохранению занимаемого им положения. Активность X армии ему много помогла в этом и правильная оценка значения царицынского района, подкрепленная соответствующим распределением сил, является его положительной заслугой.

Тем временем события на Северном Кавказе постепенно разворачивались, и по своим результатам начинали уже выходить из рамок чисто местных столкновений. Принявшее острые формы классовое расслоение на Северном Кавказе в связи с тем обстоятельством, что солдаты развалившегося Кавказского фронта мировой войны не могли расплыться свободно по всем пространствам России, а оказывались зажатыми в районе между Доном и Кавказским хребтом, обусловило значительную численность советских войск на Северном Кавказе, Организация этих войск отражала на себе невыгодные стороны отсутствия политико-административного объединения, поскольку власть на Северном Кавказе разделяли три республики со самостоятельными ЦИК'ами: Кубанская, Черноморская и Ставропольская. Отсутствие единства политической власти оказывалось и на отсутствии единства военного управления. Отдельные советские военачальники враждовали не только между собою, во и со своим ЦИК, чем особенно отличался командующий северо-кавказской армией Сорокин.

Такое положение вещей сказалось в будущем и на согласованности боевых операций.

Внутреннее состояние северо-кавказских республик являло картину острой классовой борьбы, при чем определенно начинал выявляться отход от революции казачьей массы.

Признаки этого массового сдвига в настроениях казачества не замедлили сказаться.

Как только германцы оккупировали Крым и распространились до Керчи, казаки на Таманском полуострове подняли открытое восстание против советской власти и призвали к себе на помощь немцев, которые высадили на этом полуострове один пехотный полк.

Таманский полуостров явился, таким образом, местным очагом борьбы, приковавшим к себе значительные советские силы.

Прочие советские силы на Северном Кавказе располагались согласно схемы № 4.

Кроме того, во многих крупных городах и железнодорожных узлах располагались гарнизоны из всех родов войск.

В общей сложности численность всех советских вооруженных сил на Северном Кавказе достигала 80–100 тысяч бойцов.

Такова была обстановка на Северном Кавказе, когда командование Добровольческой армией в лице генерала Деникина, отвергнув предложение донского командования, о совместных действиях на Царицын, чтобы не ставить своего тыла в зависимость от немцев и учитывая внутреннее состояние Северного Кавказа, поставило себе частную задачу освобождения от советских войск Задонья и Кубани⁷

⁷ А.И. Деникин «Очерки русской смуты», том III, стр. 154.

. Выполнение этой задачи давало Добровольческой армии свободную от немецкого влияния, обеспеченную и богатую базу для дальнейшего движения на север. Силы Добровольческой армий в это время в своих рядах насчитывали от 8 до 9 тысяч бойцов⁸.

Замысел операции предусматривал предварительный захват станции Торговой для перерыва железнодорожной связи Северного Кавказа с центральной Россией, а затем удар на ст. Тихорецкую.

Захватив последнюю, генерал Деникин мыслил обеспечить операцию с севера и юга захватом ст. ст. Куцевки и Кавказской и тогда двинуться на Екатеринодар, как политический и военный центр всего Северного Кавказа.

Слабый заслон должен был обеспечивать эту операцию со стороны армии Сорокина.

Выполнение этого плана отмечено широкою маневренностью, проявленную обеими сторонами, что создало ряд чрезвычайно сложных и поучительных в тактическом отношении положений.

23 июня Добровольческая армия перешла в наступление (схема № 4).

25 июня она сосредоточилась под Торговой и овладела ею, после чего двинулась на Тихорецкую для обеспечения дальнейшей операции со стороны Царицына и содействия Донской армии по освобождению Сальского округа⁹

. Овладев Великокняжеской 28 июня, Добровольческая армия после двухнедельного отдыха, 10 июля повернула опять через Торговую на Тихорецкую.

В это время Сорокин неудачно пытался сбить заслон Добровольческой армии с фронта Кагальницкая — Егорлыцкая, а Калнин из района Тихорецкой перейти во встречное наступление, которое не увенчалось успехом.

После неудачи своего встречного наступления часть войск группы Калнина в количестве 11–12 тысяч человек сосредоточилась в районе

Тихорецкой, связываясь с армией Сорокина и ставропольским районом отдельными отрядами (как указано на схеме № 4).

Широко пользуясь для своего маневрирования подводами местных жителей, Добровольческая армия первоначально обрушилась на эти отдельные отряды, расположенные на фронте в 115 километров, и в 3 дня смяла их.

Тогда же был сбит отряд и в ст. Незамаевской. 13 июля, сосредоточив свою армию вновь на 66-километровом фронте, Деникин атаковал главные силы Калнина под Тихорецкой и нанес им сильное поражение, «при чем штаб Калнина рассеялся и сам он пропал. Взятие Тихорецкой-имело важные стратегические результаты: боеспособность 30-тысячной группы Калнина была окончательно подорвана; в руки Добровольческой армии переходил важный железнодорожный узел, дававший ей возможность развивать свои дальнейшие операции в трех направлениях; упрочивалось сообщение Добровольческой армии с тылом; окончательно разъединялись отдельные группы советских войск, при чем в особенно трудное положение попадала армия Сорокина.

После захвата Добровольческой армией Тихорецкой на эту последнюю предстояло направиться ее главным силам.

Группировка советских войск после взятия добровольцами ст. Тихорецкой усматривается из схемы № 4.

Заняв ст. Тихорецкую, командование Добровольческой армией большей части своих сил (8–10 тысяч человек) поставило задачу разбить армию Сорокина и овладеть ст. Куцевкой; отряд в 3–4 тысячи человек был двинут на ст. Кавказскую с целью овладения ею; наконец, группа Дроздовского в количестве 2–3 тыс. человек должна была образовать активный заслон против Екатеринодара.

Ко времени начала этой операции силы Добровольческой армии путем добровольных

⁸ Там же, стр. 156.

⁹ Там же, стр. 162.

казачьих мобилизаций возросли до 20 тыс. бойцов.

Расчет на успех операции строился, главным образом, в предположении на подавленность морального состояния советских войск и их дезорганизацию. Учитывая это обстоятельство, образованный в Екатеринодаре чрезвычайный военный комиссариат Кубанской области» принимал меры к сосредоточению в районе Екатеринодара наиболее боеспособных подкреплений с Саманского полуострова.

В свою очередь Сорокин сосредоточивал свои силы в Кушевке, снимая часть их с Донского фронта.

16 июля Добровольческая армия вновь перешла в наступление одновременно на кушевском, армавирском и екатеринодарском направлениях.

Наступление добровольцев на кушевском направлении развивалось успешно до района ст. Кушевки, где войска Сорокина оказали упорное сопротивление, ее главным силам, оставив Кушевку добровольно только 23 июля, после того, как к ним присоединились отряды с батайского и кагальницкого направлений.

Занятие Кушевки давало Добровольческой армии выход к Азовскому морю и обеспечивало ее операции с севера.

Главные силы армии Сорокина отходили на ст. Тимошевскую. В день падения Кушевки таманские подкрепления, прибывшие в Екатеринодар, остановили отряд Дроздовского у ст. Динской.

Овладев Кушевкой, Деникин направил кубанскую конницу на Ейск, конницу Добровольческой армии для параллельного преследования армии Сорокина на Тимошевскую, а свою пехоту начал перебрасывать через Тихорецкую на екатеринодарское направление.

Не менее успешно развивались операции и той группы Добровольческой армии, которая действовала в направлении ст. Кавказской. Она овладела ею 18 июля, стратегически разъединив, таким образом, Екатеринодар, Армавир и Ставрополь, который был захвачен 21 июля набегом партизанского отряда Шкуро, вошедшего вслед за тем в состав Добровольческой армии.

Развивая свой успех, восточный заслон Добровольческой армии 27 июля овладел гор. Армавиром.

В этот же день закончилось и сосредоточение главных сил Добровольческой армии на екатеринодарском направлении.

Предполагая армию Сорокина окончательно деморализованной и отходящей от Тимошевской также на Екатеринодар, командование Добровольческой армией, прикрывшись заслоном конницы со стороны Тимошевской, решило нанести главный удар на Екатеринодар, чтобы отрезать Сорокину пути отступления за Кубань.

27 июля во исполнение этого плана Добровольческая армия снова перешла в наступление и овладела ст. Динской.

Но в это же время Сорокин всю свою армию предпринял искусный маневр, в результате которого его главные силы оказались на тылах главных сил Добровольческой армии, отрезав им сообщения и связь со своим командованием.

Оставив у Тимошевской сильный заслон против кубанской конницы Покровского, наступавшей на Тимошевскую от Ейска, Сорокин двумя колоннами двинулся на ст. ст. Корневскую и Выселки и уже 28 июля оказался в тылу 1 и 3 Добровольческих дивизий, готовившихся от Динской продолжать наступление на Екатеринодар.

Эти последние, в свою очередь, вынуждены были, оставив заслон у Динской против Екатеринодара, обратиться на Корневскую и Выселки.

В результате маневра Сорокина для Добровольческой армии, по признанию самого ее командующего, создалось грозное положение¹⁰.

Командование Добровольческой армии начало спешно стягивать силы с

¹⁰ А.И. Деникин «Очерки русской смуты», том III, стр. 183.

ставропольского направления, а тем временем за ст. Корневскую загорелись упорные бои с переменным успехом. Положение Добровольческой армии еще больше осложнилось, когда вторая колонна Сорокина, сбив добровольческую конницу, заняла ст. Выселки.

В то же время заслон, оставленный Сорокиным в районе Тимошевской, продолжал упорно держаться, уступая противнику пространство с большим для него напряжением.

Только 6 августа ценой тяжелых потерь и крайнего напряжения всех своих сил Добровольческой армии удалось сломить сопротивление второй колонны Сорокина у ст. Выселки, после чего в тот же день она окончательно утвердилась на ст. Корневской.

Надорванные упорными боями колонны Сорокина начали отступать частью на Тимошевскую, в которой продолжал энергично обороняться оставленный Сорокиным заслон, а частью на Екатеринодар.

Возобновив свое продвижение к Екатеринодару, главные силы Добровольческой армии овладели им 16 августа, при чем на этот раз армии Сорокина, включая и ее части у Тимошевской, удалось отойти за рр. Кубань и Лабу, потеряв связь с советскими войсками на Таманском полуострове.

Пока происходили эти события под Екатеринодаром, советские войска ставропольского района своей активностью сковывали войска противника в этом районе, неоднократно угрожая самому гор. Ставрополю и оттеснили восточный заслон Добровольческой армии обратно к ст. Кавказской, отбив у него гор. Армавир.

Отрезанные от армии Сорокина отряды советских войск на Таманском полуострове вместе с беженцами достигали цифры 25 тыс. человек.

Эти силы, сформировавшись в колонны с выборными начальниками, решили кружным путем идти на присоединение к своим главным силам и двинулись в путь к Новороссийску, занятому германо-турецким десантом, который, пропустив часть их через город, погрузился затем на суда и оттуда наблюдал за их продвижением.

Дальнейший путь их следования лежал по берегу Черного моря на Геленджик — Туапсе. 1 сентября они выбили из Туапсе занимавший его грузинский отряд, овладев его артиллерией, после чего свернули вдоль по железной дороге на Армавир. После упорных боев с кубанской конницей генерала Покровского, высланной им на перерез из Екатеринодара, они пробились сквозь нее и 17 сентября под Армавиром присоединились к главным силам войск Сорокина. Однако, хотя Покровскому и не удалось задержать отступления таманцев, он все-таки достиг известного успеха, прочно овладев гор. Майкопом.

Таманские отряды своевременно присоединились к своим главным силам.

Добровольческо-кубанская армия, возросшая до 35–40 тыс. человек при 86 орудиях, имела теперь задачей всеми силами обрушиться на армию Сорокина, расположенную своими главными силами по рр. Кубани и Лаббе, зажав ее между кавказскими предгорьями и р. Кубанью.

Этот план приводился в исполнение постепенно. Сначала добровольцы прочно утвердились в ставропольском районе и занятием ст. ст. Проч-но-Окопской и Барсуковской охватывали с севера расположение Сорокина. Выход конницы Покровского в район Майкопа и на р. Лабу ставил главные силы армии Сорокина в положение почти стратегического окружения, для завершения которого генерал Деникин 14 сентября приказал своим частям перейти в наступление на Армавир и Невинномысскую, чтобы лишить армию Сорокина последнего железнодорожного сообщения.

Начатые с этой целью Добровольческой армией операции во времени совпали с подходом колонн таманской армии. Борьба за Армавир носила крайне упорный характер, при чем он несколько раз переходил из рук в руки. Падение Невинномысской, взятой штурмом (дивизией Боровского) 15 сентября, облегчило задачу по овладению Армавиром, который перешел в руки добровольцев 19 сентября.

Но в это время начало уже сказываться содействие таманской армии.

24 сентября она перешла в наступление на Армавир, а отряды Сорокина на Невинномысскую и Беломечетинскую, откуда партизан Шкуро угрожал им полным

окружением.

Эта общая контратака имела успех; 25 сентября Сорокин отбил обратно Невинномысскую, восстановив, таким образом, свое железнодорожное сообщение, а 26 сентября таманская армия вновь овладела Армавиром и утвердилась в нем, отбив трехдневные контратаки добровольцев. Равным образом добровольцам не удалось сбить советские части и в районе Михайловской и, таким образом, на этом участке фронт был восстановлен полностью. После этого советские войска обратились против конницы Покровского, перешедшей к тому времени на правый берег р. Лабы, и с упорными боями отбросили ее обратно за реку.

Таким образом, своевременное прибытие таманской армии избавило главные силы северо-кавказской советской армии от полного окружения.

Во время этой борьбы на Владикавказской железнодорожной магистрали, советские отряды, насчитывавшие до 23–25 тыс. человек и находившиеся в северной части Ставропольской губ., не оставались в бездействии, а все время нажимали на ст. Торговую, грозя сообщениям Добровольческой армии на главном направлении ее действий. В этом районе борьба шла с переменным успехом.

Затянувшаяся борьба с армией Сорокина вынудила добровольческое командование сосредоточить против нее все свои силы, употребив значительную их часть для борьбы со ставропольской группой советских войск в районе Торговой и оставив для обеспечения Ставрополя одну дивизию.

Тем временем, пользуясь временным затишьем, части северо-кавказской и таманской армий были реорганизованы и сведены в пять колонн, одну группу (ставропольскую) и кавалерийский корпус. Согласно наших источников, общая их численность определялась в 150 тысяч бойцов пехоты и кавалерии при 200 орудиях разного калибра. Они занимали фронт, показанный на схеме № 4, и готовились к общему переходу в наступление.

Командарм таманской — Матвеев — предлагал избрать направление главного удара на ст. Кавказскую с тем, чтобы в дальнейшем действовать на Екатеринодар, либо искать связи с X Красной армией в районе Царицына. Главком Сорокин, к мнению которого присоединился и РВС Северного Кавказа, считал необходимым овладеть Ставрополем и его районом и тем закрепиться в восточной части Северного Кавказа, держа связь с центром через Святой Крест на Астрахань.

Мнение Сорокина победило, при чем Матвеев был расстрелян за свое нежелание подчиниться этому распоряжению РВС, и 7 октября началась перегруппировка северо-кавказских советских армий, суть которой заключалась в том, что таманская армия, усиленная одной из колонн армии Сорокина, перебрасывалась в эшелонах на ст. Невинномысскую, откуда она походным порядком должна была наступать на Ставрополь, а вместе с тем фронт сокращался отходом войск на линию Армавир — Урупская — Упорная — Ахметовская. Расположение этих войск, числом 20 тыс. человек, обеспечивавших операцию на ставропольском направлении, по форме представлялось в виде острого исходящего угла с вершиной в Армавире между рр. Кубанью и Урупом. Южный фас этого угла находился под угрозой конницы Покровского, а в тылу из района Баталпашинска продолжал действовать партизан Шкуро,

23 октября таманская армия сосредоточилась в районе Невинномысской, откуда двумя колоннами двинулась на Ставрополь. Терпя недостаток в огнеприпасах и ведя преимущественно ночные бои, она сбила дивизию противника и в ночь на 30 октября овладела Ставрополем. Дальнейшего развития ее операции не получили, так как в течение 3 недель она оставалась без оперативного руководства. Это произошло из-за того, что в это время сам главком Сорокин возмутился против РВС Северного Кавказа, вероломно расстреляв несколько его членов, после чего, будучи объявлен вне закона, бежал, был арестован в Ставрополе и застрелен одним из командиров полков таманской армии до суда над ним.

Ставропольскую неудачу командование Добровольческой армии решило исправить

нажимом на советские войска, стоявшие заслоном по Кубани и Урупу. Прямой атакой Армавир по-прежнему взять не удалось. Тогда был усилен нажим на рубеж р. Урупа. Здесь после упорного сопротивления конница Покровского выдвинулась нар. Уруп, овладев Попутной и Отрадной, после чего, напрягая последние усилия, начала стремиться к Невинномысской, которой и 5 овладела лишь 31 октября. Однако, советские войска, отступая от Армавира, 3 ноября выбили Покровского из Невинномысской и прорвались на восток. Успех Покровского вдохнул энергию и в левый фланг Добровольческой армии, который 4 ноября возобновил безуспешные атаки на Ставрополь, и лишь угроза тылу со стороны Невинномысской заставила таманскую армию 14 ноября начать с боем выход из нового окружения. К 20 ноября таманская армия окончила свой отход и, расположилась на фронте, согласно схемы № 4. Южнее к ней пристроились части армии бывшей Сорокина, протянув свой левый фланг до ст. Минеральные Воды.

Таким образом, в результате осенней кампании 1918 г. советские войска Северного Кавказа оказались вплотную прижатыми тылом к песчаной и безводной степи, простиравшейся почти до Астрахани. Наступившая ненастная осень содействовала сильному распространению среди них эпидемий, которые начали уменьшать их численный состав. Частным успехом советских войск в это время явилось подавление контрреволюционного движения казаков Терской области, при чем ими были освобождены от осады гг. Кизляр и Грозный, мужественно обороняемые своим пролетариатом.

Ход дальнейших событий на Северном Кавказе по своим последствиям имел уже непосредственное отношение к событиям на прочих театрах гражданской войны. Наряду с примерами дезорганизованности и партизанщины, северокавказские советские войска дали образцы высокого мужества и упорства; в ходе борьбы постепенно выковалась боевая мощь таманской армии, которой отдавал должное сам противник. Оценивая этот период войны, не следует забывать, что формирующиеся силы революции имели все время дело с лучшими по организации и спайке войсками контрреволюции.

Таким образом, хотя осенью 1918 г., выяснилась неосуществимость, по крайней мере в ближайшем будущем, установления единого внутреннего контрреволюционного фронта, но вместе с тем сохранялась напряженность положения для советской стратегии на Южном и Северо-Кавказском фронтах борьбы при установившемся затишье на Северном фронте.

В более благоприятном свете начинало обрисовываться положение лишь на Восточном фронте (схема № 3).

Там, после захвата противником гор. Казани, борьба в течение месяца носила оживленный характер вокруг этого пункта, при чем силы обеих сторон не превосходили нескольких тысяч человек. Лишь в конце августа V Красная армия значительно усилилась прибывшими подкреплениями и передала в решительное наступление на Казань со стороны-Свияжска. Ей содействовала своим правым флангом II Красная армия, успевшая отойти под натиском белых с линии р. Камы на р. Вятку. Их совместными усилиями Казань была взята 10 сентября.

Взятие Казани обозначало поворотный момент кампании на, Средне-Волжском бассейне; V армия, вклинившись между II и I армиями, из которых последняя вела наступление на симбирском направлении, облегчила ей задачу, и Симбирск пал 12 сентября. II армия также развивала свое наступление и, очистив от противника низовья р. Вятки, к 24 сентября вышла вновь на низовья р. Камы. Тем временем I армия снизилась к югу и начала развивать нажим на самарском направлении. В войсках противника, особенно мобилизованной «народной» армии, начиналось сильное разложение; ее части быстро очищали фронт перед V Красной армией, двигаясь вверх по Каме и в направлении на Бугульму на присоединение к своей симбирской группе. Эта последняя, продержавшись на левом берегу Волги против Симбирска до 29 сентября, также быстро начала отход на восток. Таким образом, успех под Казанью разрастался до размеров стратегического прорыва фронта противника. Однако, это обстоятельство в силу пространственности театра не оказывало особого влияния на ход дел в бассейне верхней Камы.

Там, наоборот, противник, опираясь на охваченный упорным восстанием ижевско-воткинский район, насчитывавший 5 500 вооруженных бойцов и связывавший, оперативную свободу II Красной армии, продолжал накапливать свои силы на пермском направлении, сосредоточив в треугольнике Верхотурье — Сарапуль — Екатеринбург до 31 510 штыков и сабель при 68 орудиях. Эти силы стремились обойти левый фланг III Красной армии, действовавшей на пермском направлении со стороны Верхотурья. Однако, трудные местные условия театра в связи с активной обороной III армии обуславливали крайне медленное развитие операций противника на этом направлении. Положение этого участка красного фронта более упрочилось, когда в начале ноября II армии удалось сломить сопротивление противника в ижевско-воткинском районе и значительно продвинуться вперед.

Тем временем центральные армии Восточного фронта, развивая одержанный успех, в течение первой половины октября, овладели Сызранью и Самарой и, перенеся свои операции на левый берег Волги, широким фронтом наступали на уфимском направлении, выйдя к 25 октября на фронт Бугульма — Мензелинск и оказавшись, таким образом, на уступе вперед по отношению к III армии.

Это наступление проходило под знаком продолжающегося разложения в рядах противника, при чем развал особенно был заметен в его тылу, где мобилизации проходили неудачно, и большинство мобилизованных разбежалось.

Таким образом, обстановка на Восточном фронте начинала принимать определенно благоприятный оборот для советской стратегии и советское командование не считало пока нужным, учитывая обстановку на других фронтах, усиливать Восточный фронт, тем более, что приближались события, которые, в связи с коренными изменениями во внешней политической обстановке, обещали видоизменить относительное значение фронтов и общий ход нашей гражданской войны. Эти события явились следствием конца мировой войны с последовавшей за ним революцией в Германии.

Глава четвертая

Расширение театра гражданской войны в пространстве в связи с германской революцией и зимняя кампания 1918–19 гг. на Южном, Северо-Кавказском и Украинском театрах.

Конец мировой войны, с последующей революцией в Германии, выдвинул на первый план державы Антанты во внешнем окружении РСФСР.

Соглашательское правительство новой Германии не имело сил и возможности сохранить значение одной из действующих политических сил в нашем внешнем окружении. Свои задачи в отношении РСФСР оно ограничивало обороной против «русской пропаганды», сохраняя в то же время мирные отношения с советским правительством. В предвидении же борьбы между РСФСР и державами Антанты оно заранее заявляло о своем нейтралитете.

Крушение военной мощи центральных держав открывало державам Антанты те театры, на которых они могли проявить свое влияние на ход гражданской войны и на которые до сих пор в большей или меньшей мере распространялось влияние германского империализма: этими театрам являлись Украина, южный театр военных действий и Кавказ. Это одно обстоятельство раздвигало рамки деятельности советской стратегии. Ей предстояло «просунуться», по определению т. Троцкого, между

уходящим германским милитаризмом и приближающимся англо-французским милитаризмом и окончательно утвердиться в «Советском доме» мыслимом в пределах Северного Кавказа, Дона и Украины ранее появления в нем последнего.

Кроме этих задач, вызываемых переменами во внешне обстановке, уход германского империализма с территории Украины и России ставил перед нашей политикой и стратегией

ряд задач местного порядка.

Прекращение германской оккупации развязывало движущие силы революции и контрреволюции в занятых германцами областях; те и другие стремились к своему оформлению и сосредоточению.

Намечалось тяготение этих сил по своему политическому признаку либо к державам победительницам, ли к РСФСР.

Последнее обстоятельство определяло уже соглашательскую, а, следовательно, и враждебную РСФСР физиономию правительств окраинных новообразований, в виде Польши, Эстонии, Латвии и пр., возникавших в пределах оккупационной полосы.

То и другое заставляло заранее предвидеть оживление Западного театра нашей гражданской войны во имя поддержки местных революционных сил на нем. Такой же процесс происходил на Украине, почему необходимо было предвидеть направление части советских сил и на ее территорию.

В надежде на приход англо-французского империализма южная контрреволюция поднимала голову. Правительство ген. Деникина, вырабатывая свой проект для мирной конференции о восстановлении «единой и неделимой» России в пределах 1914 г. и, готовясь к занятию Крыма, более всего рассчитывало на поддержку себя в политическом и военном отношениях. И как бы в залог этой будущей поддержки русского империализма англо-французские эскадры поспешили появиться в водах Черного моря: 23 ноября 1918 г. суда англо-французского флота вошли в гавань Новороссийска, а два дня спустя бросили якорь на рейде Севастополя (схема № 5).

Однако, посещение эскадр не повлекло за собою появления тех крупных сухопутных союзных сил, о которых мечтали русские контрреволюционные деятели, собравшиеся на совещание о формах и размерах поддержки со стороны Антанты русской контрреволюции, происходившее при участии некоторых иностранных дипломатов в г. Яссах в Румынии.

Державы Антанты как бы колебались сделать дальнейшие решительные шаги в деле вмешательства во внутренние дела РСФСР.

Такие колебания, действительно, имели место. Их причину следует искать в том внутреннем состоянии вооруженных сил Антанты и общем внутреннем положении европейских стран, которые явились отражением нарастания революционного процесса в Европе.

Признаки его не замедлили сказаться в течение зимы и весны 1919 г. в виде ряда революционных выступлений, носивших определенную коммунистическую окраску в бывших срединных империях (коммунистические перевороты в Баварии и Венгрии). Подобные, же вспышки назревали и в странах Антанты, о чем свидетельствовали волнения на судах французского флота и в полках французской армии как на театре бывшей войны, так и внутри страны; Поэтому попытка правительства Антанты собрать на Принцевых Островах представителей всех правительств, образовавшихся на территории России с целью договориться с ними (25 января 1919 г.), может быть приписана лишь неуверенности в собственном завтрашнем дне и стремлению ввести в заблуждение собственные народные массы.

На это предложение согласием отвечало только советское правительство. Контрреволюционные правительства в России отказались вести с ним какие бы то ни было переговоры, переоценивая собственные силы и размеры той помощи, особенно живой силой, которую им могли оказать державы Антанты.

Очерченная обстановка определяла собою линию поведения советской стратегии на 1919 г. Из состояния активной обороны она должна была перейти к широким наступательным планам на главнейших театрах войны.

Но от такого же образа действий не отказывалась и стратегия противной стороны. Стремление искать разрешения своих целей одинаковым, образом действий определило тот напряженный и упорный характер операций, которым отмечается вся кампания 1919 г., а то значение, которое придавали обе стороны ожидаемому активному вмешательству держав

Антанты на Южном театре гражданской войны заставило их искать приложения своих свободных сил именно на этом театре. Кроме того, его экономическое значение для РСФСР требовало скорейшего занятия его советскими войсками.

Создавшееся на нем положение к концу 1918 г. можно охарактеризовать как состояние неустойчивого равновесия, которое могло измениться в пользу той или другой стороны в зависимости от более скорой подачи одной из них на этот театр новых сил и средств.

Обе стороны одинаково не были свободны в этом отношении, поскольку ни на одном из прочих театров гражданской войны они в течение кампании 1919 г. не достигли полностью разрешения своих задач.

Положение советской стратегии в этом отношении явилось бы более благоприятным, чем стратегии ее противников, поскольку ход дел на Восточном фронте развязывал руки советскому командованию в том отношении, что исключалась необходимость дальнейшего питания этого фронта резервами, формируемыми внутри страны. Кроме того, оно располагало более широкими возможностями в отношении внутренних формирований, чем его противники, так как мобилизации местного населения у него проходили успешно.

Но вновь обозначившиеся задачи на Украине и Западном театре войны выдвигали вопросы о выделении сюда части свободных советских сил.

Вышеуказанные условия обстановки выдвигали особое значение достижения успеха именно на Южном фронте и с конца ноября советское главное командование начинает настойчиво стремиться к этой цели, путем осуществления взаимодействия Южного и Северо-Кавказского фронтов, который был в это время образован и в состав которого вошли все войска, действовавшие на Северном Кавказе, сведенные в две армии (XI и XII).

Эти армии в связи с левым флангом Южного фронта X армия должны были перейти немедленно в наступление. Однако, поскольку общее положение дел на обоих этих фронтах делало невозможным выполнение этих указаний без подкрепления их свежими силами, в этом отношении был предпринят ряд мер, которые в конечном итоге свелись к тому, что Южный фронт усиливался за счет, так называемой, «продовольственной» армии Зусмановича, общию численностью до 15 тысяч человек и, кроме того, туда же перебрасывалась одна дивизия (Инзенская) с Восточного фронта.

Таким образом, хотя в оценке главного командования Южный фронт в данное время представлялся, как главнейший и в действительности являлся таковым, но усиление его производилось по частям и при том войсками второстепенного качества.

Произошло это в силу тех задач, которые одновременно возникли у советской стратегии на Западном театре, главным образом, на его Прибалтийском участке и на Украине, что потребовало насыщения их войсками. Так, наиболее боеспособные латышские полки с Восточного и даже Южного фронтов направлялись в Прибалтику, часть внутренних формирований на Западный фронт, а часть подкреплений, двигавшихся было на Южный фронт (Московская рабочая дивизия), была обращена на усиление групп войск, предназначенных для действий на Украине. В первоначальную их задачу входило впрочем содействие правому флангу Южного фронта, для чего, сосредоточившись на курском направлении, они должны были ударить в тыл красновских войск в направлении на Миллерово, прикрываясь Московской рабочей дивизией со стороны Харькова. Но ускоренный рост революционного процесса на Украине заставил не только расширить рамки первоначальных задач этой группы, но и изменить их характер. Возник вопрос об образовании особой украинской армии за счет резервных формирований и опять-таки части сил Южного фронта, при чем срок готовности ее к наступательным операциям намечался на 20 декабря. В связи с переброской подкреплений на Западный фронт и Прибалтийский участок Северного фронта им обоим ставились наступательные задачи. Командование Северным фронтом должно было двинуть VII армию (петроградский район) для овладения Псковом и Нарвою. Командованию Западным фронтом предлагалось предпринять глубокую разведку на Режицу, Полоцк, Борисов, Бобруйск, Гомель и тотчас по оставлении немцами оккупированной территории занимать ее. 18 ноября главное командование еще более

уточнило задачи Северного фронта, поставив ему конечной целью занятие Ревеля и Валка с одновременным продвижением на Крейцбург и Двинск и развитием активных действий на Архангельском направлении.

Таким образом, советская стратегия желала всюду и везде быть активной, что достигалось распределением ее свободных сил по всем театрам без достаточного накопления их на том, где надлежало в кратчайший срок стремиться к достижению решительного успеха.

Мы уже отметили в своем месте в силу каких причин для обеих сторон в описываемый период главным театром явился Южный театр.

Решительный успех на этом театре, тогда, когда главные силы южной контрреволюции были еще связаны борьбой на Северо-Кавказском театре, позволил бы по частям разгромить Донскую, а затем Добровольческо-кубанскую армии раньше, чем англо-французский милитаризм успел бы оказать им существенную поддержку (главным образом, материальную). Тогда явилась бы возможность перебросить освободившиеся силы на Западный театр, придав ему ударное значение.

Однако, значение Южного театра не было подчеркнуто соответствующей группировкой сил на нем, почему состояние неустойчивого равновесия с крупными, но местными успехами красных войск затянулось на нем до тех пор, пока силы южной контрреволюции окончательно не развязали себе рук на Северном Кавказе, и тогда появление их на Южном театре создало решительный перелом в пользу стратегии противной стороны.

Последнее же обстоятельство определило длительность и упорство борьбы на этом театре в течение всего 1919 г.

Действительный перелом кампании на этом театре имел место лишь в конце 1919 г. Все предшествующие колебания в относительном превосходстве сторон по существу имели то же значение, какое в болезни имеют ложные кризисы. К изложению первого из этих кризисов мы сейчас и переходим.

Начало декабря на Южном театре, как известно, ознаменовалось захватом донской армией участка железнодорожной линии Новохоперск — Лиски, успехами ее на вспомогательном направлении Елань — Саратов и прочным ее положением в районе Царицына, где она сковывала силы X Красной армии. Эти успехи, достигнутые путем крайнего напряжения ее сил, оспаривались у нее армиями Южного советского фронта, которые, вводя в дело по частям, прибывавшие в их распоряжение резервы, добивались временами местных успехов, однако, развить их не могли за недостатком свободных сил.

Но это нарастание успехов Донской армии скоро должно было прекратиться и смениться обратным явлением не столько в силу прибытия новых советских резервов, сколько в силу причин внешнего и внутреннего порядка, возникших в это время на самом театре военных действий и в рядах Донской армии. Внешней причиной, ухудшавшей общее стратегическое положение Донской армии, являлся уход немцев с территории Украины, чем обнажался левый фланг всего Донского фронта. Это явление пока носило незаметный характер, но уже со второй половины ноября, части правофланговой VIII Красной армии начали просачиваться на освобождаемую территорию, постепенно окрыляя левый фланг воронежской группы Донской армии и выйдя на фронт Острогжск — Коро-тояк, уже 29 ноября захватили ст. Лиски, откуда, впрочем, были выбиты резервами воронежской группы. Однако, к 3 декабря они уже распространились до гор. Валуйки, заняв его. В это же время X армия начала продвижение своим правым флангом на ст. Иловля. В свою очередь, противник, недооценив еще значения обнажения своего левого фланга, ослабив свои силы на воронежском направлении, сосредоточил кулак на царицынском направлении против центра этой армии и теснил его по направлению к Царицыну.

Но в это время начало сказываться действие той внутренней причины, которая подорвала все предшествующие успехи Донской армии и заключалась в начавшемся разложении ее частей.

Это разложение совпало с приливом на советский Южный фронт той первой волны

резервов, о которых мы упоминали, почему уже с 10-х чисел декабря 1918 г. обозначился перелом в пользу Красных армий, и они начали успешное продвижение на бобровском, новохоперском, ка-мышинском и иловлинском направлениях. Донская армия сохраняла в своих руках почин действий только на царицынском направлении.

К этому времени Донской фронт противника состоял из двух групп: слабейшей воронежской и сильнейшей царицынской, повернутых тылами друг к другу; численность первой распределялась от 18 до 22 тысяч бойцов при 16 орудиях, вторая доходила до 50 тысяч человек при 63 орудиях¹¹

. Обе группы связывались между собой тонкою нитью кавалерийской завесы.

Главное командование Красной армии решило довершить наметившийся успех нанесением решительного удара Донской армии.

Оно ставило главной ближайшей целью командованию Южным фронтом разгром воронежской группы противника, тотчас по сосредоточении на фронте всех направляемых туда резервов в том числе и группы Кожевникова (20 тыс. бойцов, 20 орудий) с Восточного фронта; последняя являлась тем ударным кулаком, который, развернувшись на фронте Валуйки — Купянск, должен был выйти в тыл противнику на фронт Миллерово — Богучар. С фронта воронежскую группу противника должны была атаковать VIII армия и, таким образом, для действий против нее предназначалось до 50 тыс. бойцов, т. е. около половины всех сил Южного советского фронта, численность которого к концу декабря была уже доведена до 117 тыс. штыков и сабель при 2 тыс. пулеметов и 450 орудиях.

В дальнейшем главное командование предполагало разгромить остальные силы Краснова и Деникина на правом берегу р. Дона.

Сущность плана сводилась к крутой перемене всего Южного Красного фронта в Царицынском направлении с попутным уничтожением слабейшей воронежской группы противника и сосредоточением главной массы советских сил в царицынском районе, откуда она должна была вновь переменить свой фронт в направлении Ростов — Новочеркасск.

Положительной стороной плана являлось обеспечение первоначального успеха сосредоточением подавляющих сил против воронежской группы, но двойная перемена фронта делала выполнение плана сложным и была сопряжена с большой затратой времени, в силу слабой обеспеченности железнодорожными сообщениями восточной части театра по сравнению с западной.

Условия обстановки, т. е. спешное очищение германцами Украины и Донецкого бассейна с родственным Красным армиям по классовому признаку и политической идеологии населением, давали возможность принять более простой по выполнению и решительный по результатам план действий, направив ударный кулак непосредственно через Донецкий бассейн.

Тогда последний был бы надежнее связан с остальной советской территорией, охват получился бы глубже и противник не имел бы возможности выскользнуть из под занесенного над ним удара, и было бы достигнуто сбережение времени. Последнее обстоятельство имело весьма важное значение не только в видах возможности появления на Южном театре Добровольческой армии и войск Антанты, но и в силу климатических условий. В начале марта следовало ожидать вскрытия рек и распутицы, что очень затруднило бы операции против Ростова и Новочеркаска.

Во всяком случае, с началом операции надлежало спешить, так как добровольческое командование уже перебрасывало одну свою дивизию в Донецкий бассейн по просьбе атамана Краснова, совершенно не имевшего свободных сил для образования нового 600 км фронта по западным границам Донской области, обнажавшимся с уходом немцев, а разложение донской армии начинало принимать уже весьма ощутительные формы. В конце декабря целые донские части начинали покидать фронт, некоторые станицы (Вешенская,

¹¹ Общую численность Донской армии в это время Донской атаман Краснов определяет 76 тыс. штыков, сабель при 79 орудиях; наши источники определяют Донскую армию в 85 тыс. бойцов. Н. Какурин.

Казанская) устанавливали у себя советскую власть и, наконец, донские части Хоперского округа откатились назад без всякого сопротивления.

Командование Южным фронтом преподанные ему указания осуществило постановкой 4 и 8 января 1919 г. следующих задач своим частям: группа Кожевникова к концу дня 12 января должна была выйти на фронт Кантемировка — Митрофанове; VIII армия должна была вести наступление по обоим берегам Дона; IX армия направлялась на участок р. Хопер между Новохоперском и Урюпинской, выставляя заслон против царицынской группы противника у Бударино (схема № 6).

В начавшемся наступлении наибольшие успехи первоначально выпали на долю группы Кожевникова; ее движение к совершалось почти без всякого сопротивления со стороны противника; небольшой бой произошел лишь у гор. Старобельска, которым она и овладела 10 января. Она тянула за собой и правый фланг VIII армии, который был уже 8 января на р. Черная Калитва. Но зато противник нанес короткий удар по стыку VIII и IX армий на воронежском направлении, отбросив их внутренние фланги от ст. ст. Абрамовка и Поворино. Однако, IX армии удалось восстановить положение, заняв 15 января Новохоперск, а 21 января станицу Урюпинскую. Только тогда воронежская группа противника, угрожаемая охватом с трех сторон, начала отходить к югу. На царицынском направлении донская группа оттеснила X Красную армию почти к самым предместьям Царицына, отрезав от нее ее камышинскую группу.

Командование Южным фронтом стремилось развить успех группы Кожевникова обозначением более глубокого охвата ею, для чего она должна была своими главными силами сосредоточиться в район Кантемировки, выделив одну дивизию на Луганск (21 января) и наступать затем на Миллерово. IX армия должна была перестроить свой фронт на юго-восток и наступать вдоль железной дороги Поворино — Царицын; большая часть сил VIII армии также должна была действовать по левому берегу Дона.

Таким образом, этими распоряжениями от 17 и 21 января ясно определилось сосредоточение главных сил Южного фронта в царицынском районе. Это сосредоточение совпало с тем временем, когда уже окончательно, определился развал донской армии, что выразилось в количестве пленных и трофеев, попадавших в руки советских войск и массовой сдаче в плен или самовольном расхождении по домам целых казачьих полков. 8 февраля на ст. Арчеда сдались 7 донских полков с артиллерией; 11 февраля на ст. Котлубань частью сдались, частью рассеялись еще 5 полков.

Таким образом, перед командованием Южным фронтом по существу оставалась лишь задача преследования остатков донской армии, и 1 февраля оно отдало соответствующую директиву, направляя центральные армии (VIII и IX) прямо на юг; группу Кожевникова в целях завершения охвата на фронт Каменская — Миллерово, а X армию вдоль железной дороги на Калач под прямым углом к оси движения IX армии.

8 и 9 февраля части обеих армий вошли в соприкосновение друг с другом в районе ст. Арчеда, чем в сущности и закончилась операция по разгрому Донского фронта, но за то центр тяжести событий переносился в Донецкий бассейн, куда прибыла свежая дивизия Добровольческой армии и связала оперативную свободу группы Кожевникова.

Высадившись в Мариуполе 25 января, эта дивизия уже 27–28 января повела, правда, отбитое, наступление на Луганск, но зато задержала продвижение частей Кожевникова на участке Никитовка — Дебальцево. 5 февраля она прервала связь между Луганском и Бахмутом, захватив ст. Попасную, а на следующий день ударом вдоль линии железной дороги в направлении на Миллерово принудила осадить назад левый фланг группы Кожевникова, которая, таким образом, лишилась возможности выполнить основную свою задачу.

Так завязались бои за Донецкий бассейн, борьба за который является основным содержанием следующего периода кампании на Южном фронте. Напряженность этой борьбы обусловилась освобождением значительной части сил противника с Северо-Кавказского театра, вследствие достижения им решительного успеха на этом театре.

Поэтому и представляется уместным теперь же остановиться на тех событиях, которые определили столь благоприятную перемену обстановки для сил южной контрреволюции. После вторичного очищения Ставрополя силы обеих армий (таманской и бывшей Сорокина), сведенные в одну XI армию, располагались и группировались согласно схемы № 6.

8 декабря 1918 г. XI армия и части, действовавшие в Терской области и по северному побережью Каспийского моря, образовавшие XII армию, вошли в состав отдельного Каспийско-Кавказского фронта (штаб Астрахань). Общее положение и группировка всех его сил усматриваются на схеме № 6.

Общее количество своих сил само командование фронтом определяло в 150 тыс. бойцов, из них на фронте до 160 тыс., в обозах, тыловых гарнизонах и на военных дорогах до 30 тыс.; больных и раненых 40 тыс. и, наконец, в бегах числилось до 20 тыс.

Наиболее сильной по численности являлась XI армия, против которой располагались главные силы Кубанско-добровольческой армии в количестве до 25 тыс. бойцов, при 75 орудиях; общая их группировка усматривается из схемы № 6. Меньшее количество сил противника, притом не входивших в состав вышеупомянутой армии, а именно — 4–5 т. бойцов в первой линии и около 6 тыс. местных формирований и английских оккупационных войск в тылу, было сосредоточено против XII армии.

Флот последней группы войск противника господствовал на Каспийском море, вместе с тем обладая лучшими якорными стоянками, каковыми являлись Петровск и Баку.

Для оценки стратегического положения Кавказско-Каспийского фронта, пологой дугой огибавшего Прикаспийскую пустыню, упирая в нее свой тыл, следует иметь в виду особенности этой песчаной и безводной пустыни, исключавшие всякую возможность довольствия войск местными «средствами». Войска в случае отхода в нее в отношении довольствия ставились в исключительную зависимость от организации подвоза с тыла.

Трудность положения увеличилась тем обстоятельством, что как раз главная масса сил фронта, т. е. XI армия отделялась этой пустыней от своей основной базы Астрахани, связываясь с ней военной дорогой, протяжением 400 км проходившей сначала параллельно фронту армии через Георгиевск — Святой Крест — Яшкуль и далее на Астрахань. Правильного кругооборота транспортов на этой дороге остановить не удалось. В отношении своих тыловых сообщений XII армия находилась в лучших условиях, поскольку они шли вдоль берега Каспийского моря (Астрахань, Алабушская, Кизляр, Черный Рынок) по более населенной и обладающей кое-какими средствами местности и на них опиралось меньшее количество сил. Но правильного оборудования не получила и эта дорога.

Отсутствие прочной связи обеих армий с их основной базой и свойства пустыни в их тылу довели последующую боевую неудачу фронта до размеров катастрофы. Противник находился в совершенно обратном положении в отношении условий своего тыла, опираясь на богатейшие области Северного Кавказа и обладая достаточно развитою сетью коротких железнодорожных и грунтовых путей.

Численно превосходя противника, командование фронтом предполагало вывести свои армии из опасного положения переходом в наступление XI армией на Тихорецкую и XII армией на Петровск.

Эти предположения совпали и с намерениями главного командования, о которых мы уже упоминали и которое 19 декабря 1918 г. поставило задачу фронту: развить наступление на тихорецком и Владикавказском направлениях, окончательно закрепить за собою кизлярский район, послечего, опираясь на поддержку флота, развивать наступление на Петровск — Темир-Хан-Шура и Дербент, вступив в соглашение с горскими племенами. Кроме того, надлежало развивать операции от Астрахани на Гурьев для восстановления советской власти на юге Уральской области.

Силы фронта, а, главное, их группировка, позволяли сосредоточить все внимание лишь на выполнении первой из указанных операций, в отношении приведения в исполнение которой и была сделана действительная попытка, тогда как на прочих направлениях особой активности проявлено не было.

Подготовка к операции продолжалась всю вторую половину декабря, при чем в это время войсковые части XI армии были сведены в дивизии, окончательная группировка и численность которых усматривается из схемы № 6.

Общее протяжение фронта, наиболее плотно занятого частями XI армии, равнялось 250 км при общей численности армии в 88 тыс. бойцов.

Командование XI армии предполагало главный удар нанести в обход правого фланга противника в общем направлении на Баталпашинск — Невинномысскую, чтобы отрезать главные силы противника от района Армавир — Ставрополь. Однако, эта мысль не была подчеркнута соответствующей группировкой сил. Большая их часть (дивизии 3 и 4) получала задачу пассивного характера, сводившуюся к сковыванию противника на своем фронте; одна дивизия собиралась в резерв и, таким образом, для нанесения главного удара предназначалась только одна дивизия (? всех сил армии) и конница.

XI армия не могла спокойно подготовиться к наступлению, так как в течение всего декабря противник вел ряд атак из ставропольского района против правого фланга армии, при чем ему удалось несколько потеснить его в районе Маныча.

Начавшееся 2 января 1919 г. наступление левым флангом армии дало первоначально чисто местный успех в виде занятия Баталпашинска, но оно скоро приостановилось как по недостатку огнеприпасов, так и под влиянием контратак противника, и XI армия снова отошла в исходное положение и 14 января пыталась закрепиться на фронте: Св. Крест, Минеральные Воды, Кисловодск. В это время правофланговая (4) дивизия, получив сильный удар от противника в районе с. Благодарное, оторвалась от своих главных сил направилась частью своих сил в район Элисты, а частью на Яшкуль. Части ее, шедшие на Элисту, соединились там с войсками степного участка.

Неудача наступления еще более ухудшила внутреннее состояние войск XI армии и их общее стратегическое положение.

Расстройство управления выявилось не только в дивизионном масштабе, но пошло глубже; две бригады — соседней с юга с 4 дивизией — 3 стр. дивизии также отходили I самовольно в расходящихся направлениях на Благодарное и Саблинское, открыв направление на Св. Крест, что дало противнику возможность развить первоначальный успех своей контратаки в общее поражение XI армии;

На фронт Святой Крест — Георгиевск он направил свой главный удар группой генерала Врангеля в составе 13 тыс. штыков и сабель при 41 орудии, стремясь разрезать на двое XI армию, отбросив часть ее в пески и затем разгромить ее разъединенные крылья. На этом фронте его главные удары направлялись от Благодарного на Св. Крест и через Георгиевск на Государственную и Курскую.

В результате этих ударов остатки 3 дивизии были отброшены в пустыню, после чего противник обратился против левого крыла армии (2 и 1 дивизии), отходившего вдоль Северо-Кавказской железной дороги на Прохладную и Моздок и дважды окружал его. Хотя этим дивизиям и удалось пробиться из окружения, но в район Яндык — Лагань пришли только остатки их в количестве не свыше 13 тыс. бойцов пехоты и кавалерии.

Поражение XI армии вызвало отступление XII армии на Астрахань, так как противник начал угрожать ее сообщениям со стороны Моздока. Результат зимней кампании 1919 г. на Северном Кавказе был неблагоприятен для советской стратегии. Крупные силы Северо-Кавказского фронта на долгое время перестали существовать как организованное целое, и это обстоятельство, освободив сильную кубанско-добровольческую армию, отрицательным образом в дальнейшем отразилось на ходе кампании на Южном театре.

Таким образом, частный успех советских армий на Южном театре полностью поглощался их поражением на Северо-Кавказском театре.

Но значение этой неудачи выявилось позднее, пока же ее горечь смягчалась теми успехами на новых театрах гражданской войны, возникновение которых явилось следствием очищения германцами оккупированной ими территории.

Непосредственное отношение к ходу событий на Южном театре имели операции,

которым предстояло развернуться на Украинском театре.

Задачи советской стратегии на Украинском театре определялись теми целями, которые преследовала на нем советская политика. Последние же вытекали из самой сущности Октябрьской революции и заключались в необходимости сбросить местную слабую и еще не успевшую организовать буржуазию и привести к власти местный пролетариат.

По своему роду эти цели требовали наступательного, образа действий, тем более, что, уже начиная с декабря, движение народных масс в Слободской Украине происходило под советскими лозунгами.

Продвижение советских частей вглубь Украины началось по мере освобождения ее от германских войск, и уже 3 января 1919 г. гор. Харьков был вновь занят советскими войсками.

4 января 1919 г. главное красное командование ставило командованию Украинским фронтом в лице тов. Антонова-Овсеевко вполне определенную задачу на местности, которая сводилась к продвижению его сил до левого берега, Днепра с захватом на нем главнейших пунктов и переправ в виде гг. Екатеринослава, Кременчуга, Черкасс, Канева и Киева (схема № 5).

Осторожность в постановке первоначальной цели объясняется как малочисленностью организованных сил, которыми располагал Антонов-Овсеевко после того как первоначально предназначавшаяся в состав его сил группа Кожевникова: была использована для усиления Южного фронта, так и неизвестностью, в какие формы и размеры выльется вооруженное вмешательство держав Антанты на Украине.

Эта задача главного командования была выполнена движением войск Украинского фронта двумя основными группами: одной в общем направлении на Киев (киевская группа) и другой (харьковская) в общем направлении на Лозовую, а оттуда частично на Екатеринослав и главную ее массу к портам Черного и Азовского морей.

Ничтожность сопротивления мелких отрядов украинской директории обусловила быстроту продвижения обеих групп.

20 января их главные силы были уже на фронте Круты — Полтава — Синельникове, а 5 февраля после небольшого сопротивления пал Киев, после чего командование украинским фронтом предполагало закрепиться киевской группой в районах Киева и Черкасс, а частями харьковской группы прочно занять районы Кременчуга, Екатеринослава, Чаплино и Гришино, обеспечивая свой фланг со стороны Донецкого бассейна.

Но ходом последовавших событий обе группы были вскоре увлечены в дальнейшее движение вперед, следуя стихийному стремлению масс от революционных центров к окраинам страны.

Противная сторона ничего не могла противопоставить этому стихийному стремлению в силу крайней слабости собственных сил, разделяемых к тому же глубокими внутренними противоречиями, слабости и недостаточности сил держав Антанты, предназначенных для активных действий на территории Украины и пассивности их задач. Внутренние противоречия местных контрреволюционных сил на Украине обуславливались коренным расхождением их политических программ, поскольку одни являлись сторонниками самостийной Украины, а другие «единой и неделимой» России. Те и другие стремились к исключительной полноте власти на побережьях Черного моря, при чем сторонники «единой» России мыслили осуществить свои цели вне зависимости от командования Добровольческой армии, которое также выдвигало свои требования в отношении суверенитета.

Но борющиеся за власть стороны не располагали достаточными силами, чтобы решительно взять власть в свои руки. Некоторое преимущество принадлежало украинской директории, отряд которой, продвигаясь к Одессе и портам Черного моря, теснили мелкие отрядики добровольцев, собранные сторонниками единой России.

Англия и Франция заняты были распределением полос своего влияния, причем Кавказ и Закавказье переходили выведение англичан, а Крым, юг России и Украина оставались за французами, так как именно, в этих областях был преимущественно заинтересован

французский капитал, связанный крупными местными предприятиями. Но Англия и Франция не располагали свободными силами, чтобы сразу проявить там свое влияние. Восточный французский фронт демобилизовался; настроение оставшихся войск заставляло опасаться влияния на них агитации большевиков. Внутреннее положение Румынии было очень напряжено, а в Константинополе приходилось держать большой гарнизон.

Таким образом, только в начале декабря с трудом была найдена свободная французская дивизия, которая на судах была отправлена в Одессу. Она подошла к ней в то время, когда местные добровольцы в количестве 1.500 человек, погрузившись на пароход, очистили Одессу, перед которой появились войска украинской директории. Последние медлили захватом всего города в свои руки, чем воспользовались французы, высадив обратно добровольцев и, заставив их двигаться впереди себя, заняли город. Войска украинской директории отошли, и она вступила с французами в переговоры; приведшие впоследствии ее к сдвигу на сторону Франции. Только 20 января 1919 г. десант французов усилился греческими войсками, и тогда они расширили свою полосу оккупации до ст. ст. Раздельная и Колосовка, заняв Херсон и Николаев, на чем и закончилась их активность. Силы оккупантов вместе с местными формированиями и отрядом поляков в половине февраля достигали 12 тыс. человек.

Между тем, волна революционных отрядов продолжала катиться к югу, смывая перед собой слабые отряды директории или вызывая их переход на свою сторону. В конце февраля одна из таких волн, в виде принявших советскую окраску отрядов атамана Григорьева, докатилась до передовых пунктов французской оккупации в гг. Вознесенске и Тирасполе и после небольшой стычки принудила их гарнизоны к отходу. 2 марта Григорьев взял Херсон, нанеся крупный урон оборонявшим его греческим войскам, а 14 марта французы поспешили очистить Николаев.

Эти обстоятельства определили дальнейшее поступательное движение войск украинского фронта, решенное Антоновым-Овсеенко 17 марта.

Главная масса сил киевской группы направлялась на Жмеринку — Проскуров, поскольку на этом направлении продолжали удерживаться еще более значительные силы украинской директории. Харьковская группа главной частью своих сил нацеливалась на Одессу. 27 марта киевская группа нанесла решительное поражение войскам директории, отбросив их к границам Галиции, а задача по овладению Одессой облегчилась добровольным очищением ее греко-французскими войсками, вследствие крайней непопулярности активного вмешательства французских войск в русские Дела в самой Франции. В силу чего одним из первых распоряжений нового французского министерства, сменившего павшее французское министерство Клемансо, было распоряжение об очищении Одессы. Большевизация французских войск и флота заставляла торопиться с выполнением этой меры. 6 апреля Красные войска вступили в Одессу, 17 апреля они заняли Севастополь в то время как киевская группа окончательно распространилась до границ Галиции и линии р. Днестра.

Результатом этих операций явилось значительное увеличение Украинского фронта в пространстве; его северо-западный участок находился в непосредственном соприкосновении уже с польскими войсками, а юго-западный с румынскими по р. Днестру, тогда как южная его граница упиралась в Черное море. Лишь Донецкий бассейн, в котором не превращалась ожесточенная борьба, глубоким клином вдавался в его расположение, вызывая растяжку его сил для своего обеспечения со стороны этого клина.

Вместе с территориальными успехами преобразилась и физиономия войск Украинского фронта; они потеряли свой регулярный облик, впитывая в себя массы местных формирований партизанского типа с их колеблющейся и часто анархической идеологией.

Эта причина обусловила в дальнейшем разложение этого фронта изнутри, что в то время, когда неудачи Южного фронта открыли широкий коридор для вторжения на Украину сил Добровольческой армии, определило собою новое течение событий, идущих не в пользу советской стратегии на этом фронте.

Глава пятая

Зимняя и весенняя кампания 1918–1919 гг. на Западном, Северном и Восточном театрах.

Признак единства цели действий заставляет рассматривать в совокупности операции собственно Западной армии, — образованной 15 ноября 1918 г. из войск западного района обороны и левого фланга Северного

фронта — VII армии еще до времени их фактического объединения в составе единого Западного фронта, что было осуществлено лишь 19 февраля 1919 г. Особенности обстановки, своеобразие театра и доступность его влиянию внешних политических сил в виде Германии и Англии усложняющим образом действовали на ход военных действий в Прибалтике, тогда как операции на Литовско-Белорусском участке Западного театра развивались в рамках весьма несложной обстановки и вполне нормально до вступления в соприкосновение советских войск с враждебными им силами молодой польской государственности, после чего события и на этом участке примяли течение, неблагоприятное для советской стратегии.

Простота первоначальных задач, стоявших перед Западной армией на значительной части ее операционной полосы и заключавшихся в занятии вслед за уходившими германцами очищаемой ими территории, позволила приступить к их выполнению, не дожидаясь особого ее усиления. Она начала кампанию, числя в своих рядах 9 453 штыка, 2 эскадрона конницы и 38 орудий.

Тогда же в ее составе начала намечаться и образовываться «особая группа», имевшая осью своих действий двинское направление, из которой в ближайшем будущем образовалась отдельная латвийская советская армия.

Успех первоначального продвижения Западной армии при полном почти отсутствии сопротивления со стороны противника позволил главному командованию уже в начале декабря поставить обеим армиям расширенные в пространстве задачи, которые сводились к овладению всем Рижским побережьем и к выходу на фронт Митава — Вильно — Барановичи — Пинск. Выполняя поставленную ей задачу, Западная армия 28 декабря 1918 г. достигла фронта, указанного на схеме № 7, при чем в этот день «особая группа», состоявшая из латышских полков, собранных с различных театров гражданской войны, вышла из ее подчинения и получила самостоятельную полосу для боевых действий.

13 января 1919 года Западной армии приказано было выйти на рубеж западных этнографических границ Литвы и Белоруссии (см. схема № 7) и укрепиться на нем, доведя свою разведку до нижнего Немана, границ Восточной Пруссии и линии Белосток — Брест-Литовск.

На пути к этому конечному рубежу Западная армия имела уже более оживленные стычки на своем левом фланге с отрядами Украинской директории и на фронте с отрядами польских легионеров, которые впервые были обнаружены на волковысском направлении 28 января 1919 г.

Операции в Прибалтике тем временем также начали развиваться под знаком нарастающих успехов, чему много способствовали условия крайнего распыления сил противника, вследствие усложнения их классовых

взаимоотношений еще национальной рознью и соперничеством в Прибалтике побежденной Германии и победительницы Англии. Первая стремилась к сохранению своего влияния в Прибалтике, закладывая ячейки вооруженной силы в виде формирований фон-дер-Гольца для борьбы с надвигающимся с востока большевизмом; вторая всемерно противодействовала этим начинаниям, стремясь полностью держать в плоскости своего влияния государственные новообразования в Прибалтике, главным образом Эстонию.

Наличие же национальной розни в тех контрреволюционных силах, которые

складывались на территории Прибалтики, отрицательно отзывалось на успехе их формирований.

В силу этих причин внутреннее положение местных контрреволюционных правительств в Прибалтике, особенно Латвийского, крайне непопулярного в широких народных массах, являлось весьма шатким и вызывало советскую стратегию на энергичные и скорые действия, что и нашло отражение в тех решительных задачах, которые главное советское командование ставило своим войскам на этом участке.

Из-за условий местности, а именно наличия длинной водной преграды в виде озер Чудское и Псковское, соединявшихся между собой, командование Северным фронтом, которому в начале кампании подчинялась VII армия, могло осуществить ее продвижение в глубь Прибалтики только по двум направлениям: северному, ревельскому и южному нековкому; обходя с обеих сторон упомянутую озерную преграду (схема № 7).

Для действий на каждом из этих направлений оно располагало силами до 6 тысяч бойцов, которые в дальнейшем могли быть усилены еще одной дивизией полного состава, перебрасываемой из Вятки.

Эстонская армия первоначально не превышала нескольких тысяч бойцов, сосредоточенных главными своими силами в районе Ревеля.

План действий командования северным фронтом диктовался местными условиями и сводился к нанесению главного удара на нарво-ре-вельском направлении со вспомогательным ударом на псково-валкском направлении с охватом г. Ревеля с юга.

Северная группа VII армии быстро миновала лесисто-болотистый промежуток между Балтийским морем и Чудским озером и подошла, к Талсу. В то же время ее южная группа легко преодолела сопротивление только что начавшей свое формирование при содействии германцев, так называемой, северной русской армии (впоследствии переименованной в северозападную), овладела Псковом и начала продвигаться к Изборску, действуя в связи с правым флангом Западной армии, двигавшимся на Двинск.

Угрожаемая этим движением потерять связь с Ригой, северная русская армия свернула на фронт Валк — Юрьев, открыв прямые пути на Ригу, а в дальнейшем вошла в состав эстонской армии.

Преследуя северную русскую армию, южная группа VIII армии в конце декабря овладела фронтом Валк — Юрьев.

Такова была общая обстановка на рижском направлении, когда в дело вступила в качестве самостоятельной группы советская латвийская армия.

Основанием ее явились, как мы уже указывали, четыре латвийских полка, направленных главкомом Вацетисом с прочих фронтов гражданской войны в район Двинска.

Образованный в Валке «военный комиссариат Латвии приступил к развертыванию новых частей путем набора.

Однако, организационные рамки для этого набора не являлись достаточно крепкими, так как латвийская армия в своем внутреннем устройстве не изжила еще комитетского начала в ней, наряду с командными и политическими органами существовал «исполнительный комитет стрелков Латвии», стремившийся к участию в управлении армией наряду с ее Реввоенсоветом.

Это обстоятельство отразилось впоследствии и на боеспособности латвийской армии. Пока же операции ее весьма облегчались успешными действиями соседних с нею армии и работой внутренних революционных сил в Латвии, которые 5 января 1919 г. взрывом, изнутри овладели г. Ригой. К половине января латвийская советская армия вышла на фронт Тукум — Титава — Бауск — Поневеж, заслонившись на валкском направлении со стороны Эстонии особой группой. Последнее мероприятие обуславливалось неблагоприятной для нас переменной обстановки на эстонском участке.

Эстонская армия, усилившись отрядами русской северной армии и финскими добровольцами и опирая свои фланги на Рижский залив и Чудское озеро, имела преимущества более сокращенного фронта, прорезанного несколькими железнодорожными

линиями, по радиусам отходившими от г. Ревеля.

Действуя от него, как из центра, и широко пользуясь бронепоездами, эстонская армия в конце января отбросила северную группу VII армии за р. Нарову, а затем обратилась против южной группы VII армии, перемешавшейся с частями латвийской советской армии в районе Валка, при чем их общая численность не превосходила 7 500 бойцов, и в течение нескольких дней (с 25 по 31 января) отбросила эти советские силы с линии единственной исправной железной дороги, соединявшей непосредственно Ригу с Псковом, и утвердилась на ней.

Эти события на эстонском участке неблагоприятно отозвались на положении латвийской советской армии. Она, начиная с этого времени, вынуждена была действовать на два фронта, растянув свой заслон против

Эстонии на 180 километров от Мариенбурга до Вольмара, при чем противник не переставал оказывать давление на вольмарском направлении, что вынуждало ослаблять силы, действующие на либавском направлении.

В таком положении на прибалтийском участке наступило временное затишье в операциях обеих сторон, не прерывавшееся до весны.

После установления относительного равновесия на северном участке своего фронта латвийская советская армия продвинулась еще несколько вперед на своем западном участке, выйдя на фронт Виндава, Гольдинген, Шруден, Тельни, где она натолкнулась на организованное сопротивление местных контрреволюционных сил, нашедших сильную поддержку в лице германских добровольческих формирований фон-дер-Гольца.

Этот фронт она держала до половины марта, когда наметился общий переход в наступление против советских армий, успевших укрепить за зиму войск государственных новообразований в виде Польши, Литвы и Латвии. Таким образом, задачи советской стратегии в Прибалтике не достигли своего окончательного разрешения в течение зимней кампании. Одним из непосредственных последствий этой отсрочки решения была возможность для русской контрреволюционной северной армии найти на территории Эстонии убежище и опору для своих будущих действий, которые она, укрепив и пополнившись, начала развивать в течение летней и осенней кампании 1919 г. на путях к Петрограду.

Основной причиной, повлиявшей на такое положение дел, явилась невозможность для советской стратегии восстановить утраченное положение в Прибалтике направлением туда свежих сил изнутри страны и с других фронтов, после того как надежды на советскую латвийскую армию не оправдались.

Невозможность же эта находит себе объяснение в том напряженном положении, которое создалось на внутренних театрах гражданской войны к весне 1919 г. Заминка в Прибалтике первоначально не отразилась на операциях западной армии. Им суждено было задержаться в своем размахе в силу появления на ее участке, как это уже нами отмечено, передовых отрядов молодой польской армии.

Правительство польской республики в лице кабинета Морачевского с первых же своих шагов заняло определенно-враждебное положение в отношении Советской России.

Стремясь к осуществлению своих территориальных воцелений на востоке, заключавшихся в достижении молодой польской государственностью границ 1772 г.¹²

оно тем самым покушалось на независимость и целостность дружественных и союзных советской России братских республик Литвы и Белоруссии. Эти истинные стремления польского правительства, пока силы его не достаточно окрепли, что случилось не ранее весны 1919 г., прикрывались маской лицемерных жалоб на империалистические стремления советского правительства. Избегая вооруженного столкновения с Польшей, советское правительство не прерывало переговоров с польским правительством до тех пор, пока не была утрачена надежда на возможность мирного улажения всех недоразумений.

¹² Согласно этих границ в пределы Польши должны были войти Литва, Белоруссия и вся правобережная Украина. Н. Какурин.

Поэтому первые столкновения советских и польских войск развернулись на фоне продолжающихся дипломатических переговоров между обоими правительствами.

К 13 февраля Западная армия тремя своими дивизиями занимала фронт в 500 километров от Поневежа до Пинска, загибая далее свой фронт на Сарны против войск украинской директории (схема № 7).

Севернее ее участок Рига — Поневеж столь же слабо был занят частями латвийской советской армии. Внимание командования Западным фронтом было привлечено операцией против Валка, который предполагалось отбить обратно совместными усилиями частей латвийской и VII армий, но эта операция не увенчалась успехом, а тем временем противник начал уже оказывать давление на западный участок латвийской армии и на всю Западную армию.

В предвидении этого нажима главное советское командование наметило главным рубежом для обороны Западного фронта линию Рига, Якобштадт, Двинск, Молодечно, Минск, Бобруйск, Гомель, рассматривая достигнутую к началу марта 1919 г. линию, как передовой рубеж.

Особенно сильно начал сказываться нажим противника на западном участке латвийской советской армии, где действовали германские добровольческие части. В течение марта они уже овладели фронтом Тукум — Митава — Бауск — Поневеж. На участке Западной армии, которая 13 марта 1919 г. была переименована в Литовско-Белорусскую армию, польские легионеры развивали наступление на барановичском и пинском направлениях.

Прибытие из Франции в Польшу первых эшелонов армии Галлера, сформированной Францией из польских выходцев с главной задачей борьбы с большевизмом, сильно содействовало оживлению на участке Литовско-Белорусской армии в апреле. К половине апреля польские войска овладели фронтом Лида — Барановичи, а 19 апреля ворвались в г. Вильно и после упорного трехдневного уличного боя заставили советские войска очистить город. Только явно враждебные действия польских войск вынудили советское правительство предложить польскому дипломатическому представителю покинуть пределы Советской России.

Суровые климатические условия Северного театра в Мурманском и Архангельском районах определили приостановку на нем крупных боевых операций; наиболее значительным событием там в течение зимы явилась борьба за обладание Шенкурском, который 25 февраля 1919 г. перешел в руки красных войск (схема № 8).

Несравненно более живой характер в течение зимы 1919 года носили операции обеих сторон на Восточном театре. Там они проходили под знаком углубления того первоначального успеха, который красные войска одержали на Уфимском направлении и сопровождалась все увеличивающимся развалом в рядах «Народной армии» противника. Вместе с тем на крайнем левом фланге Восточного фронта — в пермском направлении — начинал намечаться уже более сильный нажим противника, который пока успешно сдерживаемая III советской армией (схема № 8).

Такое положение дел на Восточном фронте вселяло равному командованию уверенность в дальнейшем успешном ходе дел на этом фронте и побудило его, начиная с конца октября 1918 г. приступить к снятию с него целых войсковых частей для отправки их на другие фронты.

Вместе с тем обнажались и тылы этого фронта от производившихся там формирований, и укомплектования изнутри страны изменили направление своего течения, двигаясь преимущественно на Южный и Западный фронты.

Все это вместе взятое содействовало значительному ослаблению Восточного фронта, но в течение некоторого времени это обстоятельство не отражалось на положении дел. В силу закона инерции войска противника на уфимском направлении продолжали катиться назад, преследуемые центральными и южными армиями Восточного фронта. Перелом же событий на пермском направлении назревал весьма медленно.

В течение ноября правый фланг и центр Восточного фронта значительно продвинулись по направлению к Уральскому хребту, причем II Красная армия, окончательно закрепившись в Ижевско-Воткинском районе, успешно переправилась через р. Каму (схема № 8).

В начале декабря начали более определенно обозначаться признаки перелома на пермском направлении: 11 декабря части III Красной армии оставили Лысьвенский район; Главное командование, в предвидении неустойки на пермском направлении, приказывало командованию Восточным фронтом облегчить положение III армии маневром в северо-восточном направлении соседних ей с юга II и V армий, но эти армии, не меняя направления своего движения, продолжали стремиться прямо на восток.

Наконец, моральная и боевая упругость III армии исчерпаны, и, начиная с половины декабря, она быстро начала отходить по направлению к г. Перми. Последующие попытки упрочить положение III армии соответствующим маневрированием II армии не увенчались успехом предоставленная собственным своим силам, она уступил 24 декабря 1918 г. г. Пермь противнику, после чего продолжала свой отход на г. Глазов.

Только тогда главное командование более энергично вмешалось в оперативную работу фронта, приказав II армии прекратить свое движение на восток и круто свернуть на север для действий во фланг и тыл пермской группы противника.

Захват г. Перми имел значение чисто местного успех для противника. Он осуществился ценой введения в дело на пермском направлении главной массы сил противника был достигнут им тогда, когда выяснилось в полной мере второстепенное значение Северного театра, на котором десант Антанты был осужден на бездействие в течение долгих зимних месяцев. Однако, само по себе, падение Перми было немаловажно для обеих сторон: противник получал в свои руки важнейший узел водных и железнодорожных путей, крупный военный завод (Мотовиловский), а советская власть теряла последний крупный рабочий центр на Урале.

Таким образом, к концу 1918 г. задачи антисоветской стратегии на Северном и Восточном фронтах не были разрешены, и местный успех на пермском направлении был куплен дорогой ценой неправильной группировки сил и ослабления своего положения на главнейших и жизненных для себя направлениях, за что противник и был чувствительно наказан в течение той же зимней кампании.

Действительно, несколько дней спустя после падения Перми, советские войска, в свою очередь, в начале января 1919 г. заняла Уфу, а 22 января части I Красной армии, наступавшие с запада, соединились в г. Оренбурге с Туркестанской армией (насчитывавшей, впрочем, в своем составе не более 10 тысяч бойцов) тов. Зиновьева, наступавшей из Туркестана. Наконец, 24 января 1919 г. войска IV Красной армии овладели г. Уральском. Стратегические последствия всех этих успехов покрывали (полностью неустойку под Пермью).

Главная масса сил Восточного фронта приблизилась к Уральскому хребту, последнему местному рубежу, который надлежало преодолеть им, чтобы затем широкою волною разлиться по равнинам Сибири и докатиться до жизненных политических центров противника.

Непосредственная угроза Сибири заставила противника изменить план своего первоначального развертывания и прибегнуть к спешным перегруппировкам и переброске, еще не закончивших формирования, резервов на южные операционные направления, на что он затратил весь февраль. В свою очередь советские армии временно задержались с преодолением Уральского хребта, занявшись упрочением своего положения в Оренбургских и Уральских степях. К концу февраля они выдвинулись в этих областях на фронт Лбищенск — Илецк — Орск.

Таким образом, в конце зимней кампании 1918–19 гг. на Восточном фронте общее стратегическое положение советских армий складывалось следующим образом:

Численно слабейшие (83 970 бойцов против 143 290 бойцов противника), эти армии выиграли значительное территориальное пространство, вырвали из рук противника почин

действий на главнейших операционных направлениях и принудили его вместо того, чтобы пользоваться своим численным превосходством для решительных действий, тратить время на новое развертывание своих сил.

Реальными последствиями успешной работы советской стратегии в течение свыше чем годичной кампании на всех фронтах, явились 850 тысяч кв. километров освобожденного пространства с населением свыше чем в 40 миллионов человек.

В плоскости экономической работа советской стратегии открывала уже широкие ворота к богатым хлебом областям юга и востока, богатым ископаемыми областям Дона и Урала и к туркестанскому хлопку. Лишь неудача на Северо-Кавказском театре оставляла на долгое время под вопросом снабжение страны жидким топливом.

Работа советской стратегии проходила в условиях тяжелого экономического положения внутри страны, что в первую очередь отражалась на состоянии и росте ее вооруженных сил.

В силу экономических причин ее формирования не были доведены до предположенного первоначально размера, и к весне 1919 г. общая численность советских войск на фронте и внутри страны определялась в 400 тысяч штыков, около 40 тысяч сабель, при 2 тысячах орудий и 7 200 пулеметах.

Программа формирования не была выполнена в отношении пехоты на 41%, конницы на 31%, снабжения пулеметами на 65% и снабжения артиллерией на 60%.

Однако, главное командование рассчитывало ценою полного напряжения своих усилий довести к половине мая вооруженные силы страны до 700–720 тысяч штыков и сабель при 2.500 орудий и 10 тысяч пулеметов.

Создание новых резервов внутри страны являлось вполне уместным, учитывая невыясненность размеров и форм вмешательства Антанты и то нарастание сил противника, которое могло последовать на Западном фронте. Между тем успехи советской стратегии на всех фронтах, хотя и значительные, но не решительные ни на одном из них, были достигнуты израсходованием большинства стратегических резервов, формировавшихся внутри страны. Из одиннадцати дивизий, начатых формированием летом 1918 г., в распоряжении главного командования оставалось всего три.

Оценивая собственное свое положение, главное командование придавало в это время особое значение Западному театру и Украине, все еще ожидая выступления на Украинском театре значительных сил Антанты.

На обоих этих театрах мыслилось сосредоточить до 300 тысяч штыков и сабель, оставив остальные 300 штыков и сабель для борьбы с контрреволюционными армиями на Северном, Восточном и Южном фронтах.

Не трудно видеть, что главное советское командование недооценивало значения внутренних контрреволюционных, вооруженных сил, которые были частично разбиты, но не добиты и имели еще источники для своего усиления. В частности, значение северо-кавказской неудачи, невидимому, мало учитывалось главным командованием так же, как и роль и боеспособность Кубанско-добровольческой армии. С другой стороны, преувеличенное значение придавалось возможности активных действий Антанты на Украинском театре, хотя слабость ее внутреннего положения и нарастание революционных настроений в Европе, не благоприятствовавшие особой активности держав Антанты в пределах советской России, в это время могли быть уже известны главному советскому командованию. Но даже, если допустить противное, то намечаемая им группировка сил опять-таки сводилась к равномерному почти распределению их по фронтам без подчеркивания преимущественного значения какого-либо одного фронта.

Последующая кампания доказала, наоборот, живучесть внутренних контрреволюционных сил, перенеся центр тяжести событий на внутренние фронты гражданской войны и потребовав как раз обратной перегруппировки сил советской стратегии.

Пока же советское главное командование, основываясь на благоприятной для себя оценке общего положения, доставляло в силе активные задачи для Восточного и Южного

фронтов и стремилось создать благоприятное для себя исходное положение для возможной борьбы на Украине против соединенных сил Антанты и Добровольческой армии и борьбы на Западном театре против соединенных сил Финляндии, Эстонии, Латвии, Германии и Польши.

Новая вспышка энергии противника на Восточном фронте привлекла к нему преимущественное внимание и силы главного советского командования; последнее обстоятельство отразилось на обстановке других фронтов и выполнении ими поставленных им задач.

Первоначальной целью тех перегруппировок, которые производил противник в течение февраля, являлось, по-видимому, стремление образовать достаточно мощный кулак для того, чтобы предотвратить вторжение советских армий за Уральский хребет.

Благоприятно сложившиеся для противника условия обстановки в виде растяжки фронта V советской армии, на которую обрушился первый удар противника, обратили этот маневр с ограниченной целью чуть ли не в стратегический прорыв центра всего Восточного советского фронта.

В результате предшествующих операций расположение сил Восточного красного фронта представлялось в виде двух массивных группировок на флангах: 49 800 бойцов III и II армий на пермско-вятском и сарапульском направлениях и 36 000 бойцов I и IV армий в оренбургско-уральском районе при слабом и растянутом центре, занимаемом 11 тысячами бойцов V армии.

После произведенных им перегруппировок положение противника, наоборот, отличалось весьма сильным центром на самарском направлении, где ему удалось сосредоточить до 40 тысяч штыков и сабель против нашей V армии; достаточно, сильным правым флангом, где он, располагая 53 тысячами бойцов, все-таки несколько превосходил силы наших II и III армий и ослабленным левым флангом, состоявшим из 19 тысяч бойцов оренбургского и уральского казачьих войск, которые, очевидно, временно представлялись исключительно собственным своим силам.

Положение V Красной армии являлось тем более опасным, что внутренний фланг соседней с севера II армии оторвался от нее километров на 60, так как она для содействия III армии сосредоточивалась к своему левому флангу и готовилась переменить направление своих действий круто на север.

Кроме того, в тылу V армии в Сызрано-сенгилеевском районе разгорелось кулацко-эсеровское восстание, беспокоившее ее тыловые сообщения.

Тем не менее командование Восточным фронтом само готовилось к продолжению своих активных действий, решив уничтожить пермско-сарапульскую группу противника.

Для этого III армия должна была действовать против нее с фронта, II армия содействовать ей охватом этой группы с юга, а V армия, нанося удар в направлении на Златоуст — Челябинск, должна была преодолеть Уральский хребет и выйти на тыловые сообщения пермско-сарапульской группы противника, содействуя ее полному стратегическому окружению; в то же время правофланговые армии фронта (IV и I) должны были завершить разгром оренбургских и уральских казаков. Таким образом, в замысле всей операции на V армию возлагалась наиболее решительная роль, что не соответствовало ни ее силам, ни обстановке, поскольку для выполнения своей задачи она предварительно должна была преодолеть сопротивление противника, вчетверо превосходящего ее в силах.

Этому плану, начало выполнения которого намечалось 7 марта, не суждено было осуществиться, так как противник 6 марта сам перешел в наступление.

Его ударный кулак в 40 тысяч бойцов обрушился своими главными силами на V армию, вклиняясь между нею и правым флангом II армии, резервы которой, как мы уже указывали, были в это время оттянуты к северу.

В результате 4-дневных боев оперативное взаимодействие частей V армии было нарушено, и ее остатки, разбившись на две группы, стремились только прикрыть два важнейших направления на ее участке: мензелинское и бугульминское.

Неустойка на фронте V армии отозвалась, прежде всего, на положении I армии (соседней справа), которой вместо выполнения активных, задач по борьбе с оренбургским казачеством пришлось начать стягивать свои фронтовые части и резервы к своему левому флангу.

Главному командованию пришлось затронуть свой последние стратегические резервы, заканчивающие свое формирование внутри страны; часть из них была направлена на усиление V армии. Пользуясь их прибытием, она в конце марта пыталась восстановить свое положение, но эта попытка не удалась. Противник все еще обладал превосходством в силах, действуя двумя сильными группами на бугульминском и белебеевском направлениях. Истощив свои последние усилия этой попыткой наступления, V армия начала ускоренно откатываться назад в двух расходящихся направлениях: на Самару и Симбирск, при чем противник устремился в разрез между этими двумя направлениям; 6 апреля он занял уже г. Белебей.

Развивая энергичное наступление против группы V армии на симбирском направлении, противник грозил выйти вновь на рубеж р. Волги, а приближение его к Чистополю выдвигало на очередь вопрос и об угрозе Казани.

Вместе с тем, глубокое вжатие внутрь общей линии фронта участка V армии заставило II армию начать отход на красно-уфимском направлении, чтобы путем сокращения фронта выделить достаточные резервы для обеспечения своего правого фланга.

Таким образом, к середине апреля контрманевр противника на уфимском направлении начинал принимать формы и размеры стратегического прорыва центра Восточного советского фронта.

Работа советского командования в создавшемся положении была направлена к образованию сильных группировок на флангах прорыва и к непосредственному усилению V армии.

В результате этой работы общая группировка сил обеих сторон в середине апреля рисовалась уже следующим образом: на пермском и сара-пульском направлениях против 37 тысяч бойцов красных войск действовало 33 тысячи бойцов противника; в районе прорыва противник располагал по-прежнему 40 тысячами бойцов против 24 тыс. бойцов красных войск, и, таким образом, здесь численное неравенство в силах вместо четверного, бывшего в начале операции, уменьшилось до почти двойного. Это было достигнуто путем внутренних перегруппировок и, на самом Восточном фронте; его командование ослабило свою группировку в Оренбургских и Уральских степях, доведя ее до 23 тыс. бойцов против 19 тысяч противника.

Однако общее численное взаимоотношение сил красного и белого восточных фронтов оставалось все-таки пока не в пользу первого: 88 тысяч штыков и сабель советских войск при 252 орудиях имели против себя 112 тыс. штыков и сабель войск противника при 246 орудиях¹³.

Однако, на Восточный фронт уже двигались последние стратегические резервы главного командования изнутри страны (около 2 стрелковых дивизий) и обильные укомплектования. Те и другие должны были в скором времени увеличить силы Восточного советского фронта на 50 тысяч штыков и сабель и на 100 орудий.

Но пока происходило их сосредоточение, неудачи V армии успели уже отразиться на всем положении Восточного фронта, а, главное, на характере задач его отдельных участков.

Так, южной группе, образованной из I и IV армий, пришлось ограничить ее первоначальную активную задачу лишь задачей удержания уже занятой ею территории в Оренбургской, Уральской и Тургайской областях, так как все ее свободные силы пришлось обратить, путем последовательной их передвижки справа налево на усиление I армии, на которую с 25 марта непосредственно начал давить противник, и на образование резервов в ее

¹³ Хотя эта цифра орудий противника и взята на основании наших советских разведывательных сводок, но она возбуждает сильное сомнение. По-видимому, орудий у противника было значительно меньше. Я. Какурин.

тылу.

Дальнейшее углубление прорыва на участке V армии вынудило южную группу, в свою очередь, приступить к сокращению своего фронта, отводя сначала I, а затем левый фланг Туркестанской армии на рубеж, указанный на схеме № 8.

Сокращение фронта южной группы позволило ей выделить одну дивизию в свой групповой резерв, первоначально располагавшийся согласно схеме № 8.

Вместе с тем согласно предположений командования Восточным фронтом I армия, сосредоточившись в пределах разграничительных линий, указанных на схеме № 8, должна была вся ударить на противника, наступающего в направлении Бугуруслан — Самара. Общее руководство контрманевром армий Восточного фронта предполагалось возложить на командующего южной группой тов. Фрунзе с подчинением ему и V армии 10 апреля план контрманевра армий Восточного фронта вылился в следующую форму: командованию южной группой ставилась задача разбить ударом с юга на север силы противника, продолжающего теснить V армию, собрав для этого кулак в районе Бузулук — Сорочинская — Михайловская (Шарлык). Этот план неделю спустя, т. е. 18 апреля, был дополнен постановкой задач II и III армиям, которым указывалось прикрывать пути на Казань и Вятку.

Командование южной группой в развитие указаний фронта решило, сдерживая противника на фронте, образовать ударную группу в районе гор. Бузулука и ударить ею в левый фланг противника, отбрасывая его к северу: V армия тем временем должна была остановить продвижение противника в направлении на Бугуруслан и вдоль Бугульминской; железной дороги, прикрыв тракт Бузулук — Бугуруслан — Бугульма. В состав ударной группы предназначались 6 стрелковых и одна кавалерийская бригада из состава I и Туркестанской армий и группового резерва. Одна бригада этого резерва в Самаре являлась поддержкой всей ударной группы.

Тем временем противник, продолжая свое наступление, овладел 25 апреля на участке II армии гор. Чистополем, а на участке V армии вышел к ст. Челны. В связи с этим возникало опасение, что противник, выйдя через гор. Сергиевск, непосредственно к Самаре, сорвет весь маневр южной ударной группы, прервав ее единственное железнодорожное сообщение с тылом.

Эти успехи являлись уже последними в ряду предшествующих успехов противника.

Глубоко врезавшись в общее расположение Восточного фронта, он тратил силы на обеспечение головы своего клина с флангов, и теперь его активные кулаки насчитывали не более 35 тысяч бойцов севернее Камы и 25 тысяч бойцов южнее ее, т. е. на симбирском и самарском направлениях.

Ко времени начала общего контрманевра этим активным группам противника Восточный фронт мог уже противопоставить 40 тысяч бойцов на вятском и казанском направлениях, группировка которых была отнесена более к северу, почему противник и добился временного успеха на чистопольском направлении, и не менее 35 тыс. бойцов на симбирском и самарском направлениях.

Успехи противника на Сергиевском направлении заставили командование Восточным фронтом дополнить свой основной план организацией маневра против трех дивизий противника, действовавших на сергиевском направлении, каковой должен был начаться совместно с действиями южной ударной группы. Суть этого маневра заключалась в двойном охвате сергиевской группы противника со стороны железной дороги Мелекес — Бугульма и Кротовка — Сергиевск, для чего предназначались только что прибывшая из резерва главкома 2 стр. дивизия и последний фронтовой резерв в виде частей 35 стр. дивизии, сформировавшихся в районе Казани. Главное командование на усиление фронта направляло еще около двух дивизий, но на прибытие их требовалось еще около месяца, почему решено было перейти в наступление, не ожидая их.

В свою очередь, командование южной группой внесло изменение в свой первоначальный план действий, заключающееся в постановке активной задачи V армии в целях ликвидации Сергиевской группы противника.

V армии, которая усиливалась еще двумя бригадами 25 стр. дивизии, ставилось задачей перейти в наступление и овладеть районом Бугуруслана; ударная группа должна была перейти в наступление в общем направлении на фронт железной дороги, ст. Заглядино — Бугуруслан, с целью совместно с V армией разбить противника и отбросить его бугурусланскую группу к северу, отрезав ее от сообщения с Белебеем. I армия в это же время должна была переходом в решительное наступление связать находившегося перед ней противника.

Общее наступление началось 28 апреля и сопровождалось успехом на правом фланге V армии и на фронте ударной группы, при чем две дивизии противника понесли в этот день поражение.

В последующие дни наступление продолжало развиваться успешно, при чем командование Восточным фронтом, для скорейшего воздействия маневра ударной группы на силы противника на симбирском и самарском направлениях, распорядилось уклонить ось наступления ударной группы несколько более к западу, нацелив ее на гор. Бугульму.

Покончив с заслонами противника, ударная группа и V армия нанесли поражение и его Сергиевской группе, после чего ударная группа нацелилась на гор. Белебей, где противнику удалось собрать некоторые резервы, которые 11 мая вошли уже в боевое соприкосновение с наступающими частями южной группы.

Таким образом, в центре Восточного фронта начинал уже намечаться благоприятный перелом в операциях, но на соседних участках противник продолжал еще одерживать успехи. На участке II армии противник принудил ее начать отступление за р. Вятку. В Оренбургской и Уральской областях, пользуясь ослаблением действовавших там войск, противник также проявлял усиленную деятельность: он неудачно пытался овладеть Оренбургом и временно утвердился в гор. Александрове-Гае.

11 мая командование фронтом вновь изъяло V армию из состава южной группы, поставив ей задачей овладение Бугульмой, а южной группе наступление левым ее флангом на Белебей — Стерлитамак для оказания содействия V армии: кроме того, южная группа должна была прочно

обеспечить оренбургское направление и положить предел успехам противника в Уральской области.

В дальнейшем в целях возвращения оперативной свободы своим северным армиям (II и III) командование Восточным фронтом предполагало дать V армии более северные операционные направления. Первоначально предполагалось даже всю ее переправить через Каму для нанесения удара во фланг группе противника, действующей севернее Камы, однако, эта мысль была оставлена, так как вскоре противник вынужден был начать свой отход и на северных операционных направлениях.

Новая группировка противника в районе Белебея оказалась корпусом генерала Каппеля, переброшенным по частям в этот район после выяснившегося поражения ударной группы противника. Уничтожение этой группы выпало на долю южной группы, для чего она была усилена двумя дивизиями из состава V армии.

Белебеевская операция была проведена южной группой с неменьшим успехом, чем предыдущие.

Нацелив I армию на Стерлитамак и действуя против Белебея Туркестанской армией с охватом его с севера одной дивизией из состава этой армии, командование южной группой принудило противника к поспешному отступлению, и 17 мая Белебей перешел вновь в руки советских войск. После взятия Белебея, противник поспешно и беспорядочно отходил на р. Белую по направлению к Уфе.

Белебеевская операция являлась успешным завершением контрманевра Восточного фронта.

Дальнейшая кампания на Восточном фронте характеризуется переходом почина в действия в руки красного командования. Теперь предстояло обратиться к использованию и расширению успеха, одержанного на центральном участке фронта. Командование

Восточным фронтом в первую очередь имело в виду группу противника, действовавшую севернее Камы, атаковать которую должны были III и II армии, а V армия должна была подготовить в низовьях р. Белой переброску двух своих дивизий на правый берег Камы для содействия этим армиям; остальные же ее дивизии, переправившись через р. Белую, должны были содействовать южной группе в овладении уфимским районом. Южная группа должна была овладеть уфимским районом и энергично подавить наступательные попытки оренбургских и уральских казаков. Эти последние, пользуясь материальной поддержкой англичан из Персии через Гурьев, обложили уже Уральск, а оренбургские казаки подступали к самому Оренбургу.

Благополучное завершение белебеевской операции развязало руки командованию южной группы в этом отношении. Оно получило возможность усилить войска, действующие в Оренбургской и Уральской областях, тремя бригадами пехоты и начать энергичные операции против повстанцев в районе Оренбург — Илецкий городок и против уральских казаков в районе Новузенска и Александрова-Гая.

В то же время начали сказываться результаты совместного маневрирования II и III армий против северо-камской группы противника. Решительный успех обозначился на участке II армии 29 мая, что послужило началом общего сдвига всего фронта противника в восточном направлении.

Дальнейший ход кампании на Восточном фронте характеризуется несколькими тщетными попытками противника добиться перелома ее в свою пользу и нарастанием успехов советских армий.

Размеры первоначального успеха противника были обусловлены растяжкой и слабостью центра восточного советского фронта.

Условия дорожной сети театра не позволяли с достаточной быстротой исправить первоначальную группировку, почему в течение почти двух месяцев противник имел возможность использовать это первоначальное преимущество.

Равным образом, пространственность театра отражалась и на медленности подготовки контрманевра.

Во всяком случае, осуществление его совпало со временем истощения усилий противника, сила первоначального удара которого в значительной мере была уже поглощена пространством.

Разгром ударной группы противника знаменовал в свою очередь прорыв центра противника; при этом следует отметить стремление советского командования сейчас же принять меры к расширению основания клина прорыва поворотом V армии в северо-восточном направлении.

Действия южной группы в этом прорыве центра противника имели решающее значение; они расчлениются на три последовательные операции: бугульминскую, сергиевскую и белебеевскую, в течение которых были последовательно разгромлены заслон противника и две наиболее активные его группы.

Глава шестая

Борьба за Донецкий бассейн. — Начало общего отступления советских армий на Южном театре. Положение на Украине весной 1919 г. — Летняя кампания 1919 г. на Южном театре и на Украине. — Летняя и осенняя кампании 1919 г. на Западном театре. — Кампания 1919–1920 гг. на Северном театре.

Мы оставили армии обоих противников на Южном театре в момент завязки борьбы за Донецкий бассейн. Последовательное введение в дело обоими противниками своих сил на этом участке обусловило длительный характер этой борьбы. Оно было вызвано причинами одного и того же порядка. Советское командование, по выяснении значения для него

Донецкого бассейна, в силу условий времени и пространства только постепенно могло изменить первоначальное развертывание своих сил, командование же противника, правильно оценивавшее его значение с самого начала, в силу также условий времени и пространства, могло только постепенно сосредоточить на этом участке главные силы Добровольческой армии.

До наступления разлива рек и весенней распутицы обе стороны находились в одинаковых условиях маневрирования. Весенний ледоход рек стеснил оперативную свободу красных войск в том отношении, что создал преграду между, ними и Донецким бассейном, обособив на время действовавшие на нем силы. Наоборот, это же обстоятельство являлось выгодным для противника, позволяя ему, заслонившись р. Донцом, как преградой, свободно маневрировать на его южном берегу, направляя все свои свободные силы в Донецкий бассейн.

Поэтому время весеннего половодья отмечается особым напряжением боевой обстановки в Донецком бассейне. Борьба за Донецкий бассейн в феврале проходила под знаком начавшего усиления на нем обоих противников и стремления каждого обеспечить в нем за собой наилучшее исходное положение.

При первых известиях о боевом соприкосновении группы Кожевникова с авангардами Добровольческой армии, советское командование Южного фронта приняло меры к усилению ее частями с Украинского фронта (бригада Махно) и из фронтового резерва. В свою очередь и противник к концу февраля путем перебросок с Кавказа довел силы Добровольческой армии в Донбассе до 17–18 тысяч человек.

Кроме непосредственного усиления группы Кожевникова, командование Южным фронтом стремилось установить более тесное ее взаимодействие с соседними с нею армиями VIII и IX, для чего оси движения последних оттягивались более к западу: VIII армия своим центром нацеливалась на Миллерово, а IX направлялась по обоим берегам Дона прямо на юг. Вскоре согласно указаний главного командования командование Южным фронтом решило более четко выразить преимущественное значение фланговых операционных направлений растяжкой боевого участка IX армии до 200 километров с сокращением за ее счет фронтов: X армии, VIII армии и группы Кожевникова.

В задачу последней входило овладение всеми узловыми пунктами Донецкого бассейна и овладение совместно с VIII армией районом Миллерово.

Выполнение этих задач привело группу Кожевникова и VIII армию к упорным боям с передовыми частями противника, и после местных

колебаний успеха в ту и другую сторону фронт советских войск продвинулся к 23 февраля на линию, указанную на схемах №№ 9 и 10. До начала ледохода VIII армия имела еще один частный успех, выразившийся в очищении от противника к 8 марта левого берега Донца в районе ст. Луганская. Начавшийся в это время ледоход на Донце надолго разъединил главные силы обоих противников. Их относительное положение усматривается на схемах №№ 9 и 10.

Начиная с этого момента операции на Южном театре развиваются на трех обособленных участках: Донецком, центральном между рр. Донцом и Доном и восточном на тихорецком направлении.

Командование Южным красным фронтом, осторожно меняя свою первоначальную группировку, не закончило ее до наступления ледохода; главная масса сил Южного фронта наступала в пустую, и в результате своего наступления уперлась в разлившийся Донец. Благоприятное время для нанесения поражения противнику до окончательного сосредоточения его сил было почти упущено, хотя и теперь еще Южный советский фронт обладал абсолютным численным превосходством над противником, а именно: 62 тысячи штыков и сабель советских войск имели против себя 41 тысячу штыков и сабель противника.

Этот численный излишек командование Южным красным фронтом решило сосредоточить на Донецком бассейне, поскольку его нельзя было использовать в виду разлития рек на тех направлениях, где он первоначально имелся. Таким образом, только

теперь идея о решительной перегруппировке южных советских армий получала свое законченное выражение.

Она сводилась к использованию, в свою очередь, разлившегося Донца, как опоры для ослабленного и растянутого центра Южного красного фронта, который должна была образовать IX Красная армия, заняв фронт по р. Донцу и сменив VIII армию на ее участке.

Эта последняя перебрасывалась на правый берег реки Донца в район Веселогорск — Луганск, откуда она должна была атаковать противника совместно с группой Кожевникова, получившей для своего усиления еще дивизию украинского фронта (9 стрелковая) и преобразованной в XIII армию. Эти перегруппировки заняли весь март; они проходили на фоне боев XIII армии в Донецком бассейне, имевших чисто местное значение, но истощавших ее силы. Главное командование, относясь неодобрительно к этой перегруппировке, как влекущей за собой потерю драгоценного времени, и считавшее возможной попытку форсирования Донца силами VIII и IX армий, тем не менее не останавливало ее.

С окончанием этой перегруппировки в конце марта 1919 г. в Донецком бассейне получилось следующее соотношение сил: VIII и XIII армии вместе с партизанами Махно располагали 39 300 штыков и сабель; эти силы могли быть поддержаны ожидаемой от ст. Каменской 12 стрелковой дивизией в количестве до 10 тыс. штыков. Против них располагалась в двух группах Кубанско-добровольческая армия: группа генерала Май-Маевского — 6 тыс. штыков и 14 тысяч сабель к югу от Луганска и корпус генерала Покровского 12 тыс. штыков и 7 500 сабель к востоку от него. В свою очередь, против 22 500 штыков и сабель IX Красной армии противник на южном берегу р. Донца держал заслон в 14 тысяч штыков и сабель.

Таким образом, в конечном итоге советское командование, достигло, небольшого численного перевеса в Донецком бассейне.

Оно решило использовать его для окончательного овладения Донецким бассейном. Главный удар предполагалось нанести по группе Май-Маевского, действуя против нее с фронта лучшими силами VIII армии (около 10 тысяч штыков и сабель), с запада охватывая ее XIII армией (10 х/2 тысяч штыков и сабель) и с тыла действуя партизанами Махно. Резервом всех этих сил должна была явиться сильная 12 стрелковая дивизия в Луганске. Со стороны корпуса Покровского вся операция обеспечивалась заслоном в 8 100 штыков и сабель. План был очень смел, но не трудно видеть, что весь успех его зиждился на предположении о полной пассивности корпуса Покровского; в противном случае, вся операция была бы сорвана. Так оно и случилось. Тем более что главное командование торопило с началом операции, не дождавшись; окончательного сосредоточения всех сил (12 стрелковой дивизии).

Но еще до начала операции, которая была назначена на 29 марта, корпус Покровского 27 марта обрушился на выставленный против него заслон и в трехдневных боях разгромил его, притянув на себя по частям и главные силы VIII армии, которые в результате горячих встречных боев были отброшены на Луганск, где оперлись на только что подошедшую к нему 2 апреля 12 стрелковую дивизию. Не развивая дальнейшего успеха, корпус Покровского отошел в исходное положение.

В свою очередь, наступление XIII армии и партизан Махно против группы Май-Маевского не развилось, и первая попытка командования Южным фронтом окончательно утвердиться в Донецком бассейне закончилась неудачей.

Командюж Гиттис решил повторить ее, на этот раз менее благоприятных для себя условиях, так как сильное восстание казаков в районе ст. Вешенской начинало уже разъедать тыл IX и отчасти VIII армий, отвлекая часть сил этих армий для своего подавления. Тем не менее IX армию решено было частично использовать в новой операции. IX армия должна была сосредоточить 2 своих дивизии на своем правом фланге (район Гундоровской и Божедаровки), оставив на фронте Каменская — устье Донца только одну дивизию, и этими силами совместно с VIII армией, действующей от Луганска, атаковать группу противника в

Донецком бассейне в правый фланг и тыл.

В это время относительное соотношение сил складывалось уже не в пользу советского командования: против 77 тысяч штыков и сабель противника оно располагало всего — 54 тысячи штыков и сабель. Этот наступивший перевес в силах противника произошел вследствие понесения в боях потерь, не пополняемых своевременно из тыла; в виду необходимости отвлечения всех свободных сил страны и укомплектований на Восточный фронт; снятия части сил с фронта для борьбы с казачьим восстанием и, наконец, начавшимся дезертирством.

Содействие IX армии в новой операции в силу изменнических действий ее командарма Всеволодова вылилось в формы, которые никто не мог предвидеть. Он, в целях отдельного поражения своей армии, перебросил свой ударный кулак на правый берег Донца не там, где ему было указано, а на 100 километров юго-восточнее и действительно подверг одну из своих дивизий отдельному поражению, после чего операции на участке IX армии приостановились. Наступление начала одна VIII армия, так как XIII армия не поддержала его в силу полной потери ею к этому времени боеспособности, явившейся результатом начавшегося в ее рядах разложения. Предпринятое 13 апреля наступление VIII армии 15 апреля было уже приостановлено противником на фронте ст. Колпаково — р. Сев. Донец и в дальнейшем развивалось медленно и с упорными боями. Однако к 25 апреля она все-таки достигла линии, указанной на схеме № 10. На этом фронте она была атакована маневренной группой противника, образованной им на луганском направлении, и отброшена на Луганск, перешедший в руки противника 5 мая.

Вторичная попытка IX армии, растянутой на 170-километровом фронте, обозначить наступление своего правого фланга к железнодорожным узлам Звереве и Лихая для помощи VIII армии была легко приостановлена противником еще 30 апреля. Две недели спустя (11–14 мая) противник сам прорвал ее центр, стремясь выйти в охваченный восстанием район ст. Вешенской. XIII армия все это время бездействовала в силу своей внутренней слабости, а операции X армии, хотя и развивались успешно, поскольку она 20 апреля овладела уже ст. Торговой и вышла на линию р. Маныча, происходили в столь удаленном районе от главного очага борьбы, что не могли иметь непосредственного влияния на ход борьбы в нем.

Мысль о более тесном оперативном взаимодействии X армии с прочими армиями фронта принадлежала главному командованию. Оно предполагало использовать часть ее сил для набега на Новочеркасск, чтобы таким образом отвлечь часть сил противника от Донбасса на ростовское направление. Командюж Гиттис осуществил эту мысль, дав X армии задачу перерезать к 6 мая железную дорогу Ростов — Тихорецкая, что и было ею выполнено. Но для противодействия ей противник снял часть сил участка IX армии, а не из Донецкого бассейна, присоединив их к тем частям Кубанско-добровольческой армии, которые еще оставались на северном Кавказе. В совокупности они образовали заслон в 7 тыс. штыков и сабель, который и приостановил дальнейшие операции X армии.

Тем не менее, решено было в третий раз попытаться восстановить положение в Донецком бассейне. Политические и экономические причины заставляли Совет Труда и Оборона усиленно настаивать на удержании луганского района в руках советских армий.

Пользуясь временным затишьем в Донецком бассейне, пока внимание противника было привлечено активностью X армии, командование Южным фронтом вновь усилило VIII армию теми резервами, которые главное командование могло уделить ему (2 стрелковых полка) и предприняло новое концентрическое наступление VIII, XIII и II украинской армиями (II украинская армия образовалась из партизанских отрядов Махно и советских отрядов, действовавших в Крыму).

Начало этого наступления во времени совпало, по-видимому, с крупной перегруппировкой сил противника, которые, оттягиваясь с запада на восток, сосредоточились против IX армии и поэтому первоначально сопровождалось крупным успехом. 14 мая VIII армия вновь овладела Луганском, а XIII и II украинская армии глубоко проникли внутрь Донбасса и, захватив ст. Кутейниково, оказались даже в тылу у тех сил

противника, которые задерживались еще перед фронтом VIII армии. Но Южный советский фронт не располагал уже свободными силами для развития и закрепления этого успеха. Не мог этих сил дать ему и украинский фронт, передавший уже в распоряжение Южного фронта до 1 мая 11 тыс. штыков и сабель и теперь связанный в своих действиях мятежом атамана Григорьева, вспыхнувшим в тылу II украинской армии и также требовавшим значительного количества сил для борьбы с ним.

Опасность глубокого проникновения в его тыл II украинской армии была учтена командованием противника. Временно отказавшись от активных операций на фронте IX армии, начавших обозначаться нажимом против ее правого фланга, противник обрушился значительными силами на II украинскую армию, главным образом, на правый фланг XIII армии и на отряды Махно. Боеспособность последних к этому времени, в виду неопределенного отношения, которое начал проявлять Махно к советской власти, начала падать.

Контрманевр противника, начатый 19 мая в направлении на ст. Еленовка, полного своего развития достиг к 23 мая, когда части Махно откатились уже на 100 километров назад. Заслонившись от них небольшим отрядом у ст. Гришине, противник, пользуясь преобладанием в составе своих сил конницы, быстро перегруппировавшись к северу, обрушился на XIII армию, занимавшую в это время фронт ст. Дружковка — ст. Никитовка, и в течение 5-дневных боев с 27 по 31 мая окончательно смял ее. 1 июня она оставила гор. Бахмут и начала быстро откатываться к северу, остановившись лишь месяц спустя в районе гор. Нов. Оскола и отдав за это время противнику пространство глубиной в 250 км.

Поражение XIII армии во времени совпало с развитием противником наступательной операции и против IX армии. 24 мая, противник крупными силами переправился через р. Донец на участке Калитвенская — Екатериновка и, развивая свой успех в направлении на ст. Миллерово, к которой его части подошли уже 29 мая, углубившись в расположение IX армии на 75 километров, стремился соединиться с очагом повстанческого движения в районе ст. Вешенской, что ему и удалось осуществить 7 июня.

Наконец, 22 мая начал обозначаться успех противника и на царицынском направлении против X Красной армии. Угрожая ее сообщениям с Царицыном глубоким обходом ее левого фланга со стороны с. Ремонтное, он принудил ее начать спешный отход на Царицын.

Успех этого общего наступления противника обуславливался, в первую очередь, тем численным соотношением сил, которое в это время создалось на Южном фронте, а именно против 100 тысяч штыков и сабель противника южные советские армии располагали теперь только 73 тысячами штыков и сабель. Второй причиной успеха противника являлась быстрота его маневрирования, обуславливаемая преобладанием конницы в составе его сил. Наконец, третьей главной причиной, влияние которой отразилось на общей неудаче первой наступательной операции всего Южного фронта, являлось его первоначальное развертывание и та медленность, с которой оно затем выправлялось.

Наконец, четвертой причиной неустойки Южного красного фронта явилась неустойчивость партизанских частей Махно и измена самого Махно.

В свою очередь, общее значение успеха Южного белого фронта в рамках всей гражданской войны в значительной мере ослаблялось тем обстоятельством, что он обозначился тогда, когда восточные армии противника получили уже решительный удар от командования Красной армии, от которого им не суждено было оправиться. Таким образом, тесное взаимодействие обоих главнейших контрреволюционных фронтов уже не могло иметь места.

Поскольку украинский театр не явился театром действий вооруженных сил Антанты, его самостоятельное оперативное значение было целиком поглощено соседним Южным театром, поглотившим также значительное количество его сил.

Оперативные задачи местного порядка командованием Украинского фронта к середине мая были успешно разрешены, при чем армии его располагались, согласно схемы № 9. В конце мая выяснилось определенное оперативное тяготение западного участка этого, фронта

к Западному фронту, а южного участка к Южному фронту, почему 4 июня 1919 г. украинский фронт, как самостоятельный, был упразднен, и I и III его армии, сведенные в одну XII армию, были подчинены Западному фронту, а II украинская армия, переименованная в XIV армию, осталась в подчинении Южного фронта.

Общая неустойка армий Южного фронта поставила перед советским главным командованием вопрос о временном отказе от наступательного почина на этом фронте для сохранения его сил до того времени, когда явится возможность нового наступления, что зависело от возможности накопления на нем новых сил.

Переломный период кампании на Южном фронте длился с 19 по 24 мая, после чего обозначился общий сдвиг всего советского фронта к северу.

С наибольшим успехом развивалось наступление противника на участке IX армии. Здесь, очевидно, сказывалась вся совокупность неблагоприятных для нее условий в виде восстания¹⁴

, разведывающего ее тыл, и изменнических действий ее командующего, который продолжал оставаться во главе ее. Быстрый же отход центра Южного советского фронта заставлял и фланговые армии торопиться с отходом и отражался на глубине его.

К 18 июня расстроенные и постоянно тревожимые с тылу части IX армии сосредоточивались уже в районе ст. Арчединской, но и здесь она не удержалась, отойдя к 23 июня на линию рр. Терса и Елань.

Глубокий отход IX армии вынудил, в свою очередь, и X армию, угрожаемую охватами с обоих ее флангов, к половине июня отойти в свое исходное положение на позиции перед Царицыном.

Таким образом, не исключалась возможность, если операции противника будут развиваться столь же успешно, непосредственной угрозы тылу Восточного красного фронта с саратовского направления.

Советское главное командование спешило усилить царицынское направление подкреплениями с Восточного фронта; благоприятны для советского оружия поворот кампании на этом фронте позволял это сделать.

Не менее энергичную деятельность развивал противник и на своем противоположном фланге, действуя в разрез внутренних флангов XIV и XIII армий, заставляя откатываться первую в западном, а вторую в северном направлении.

И здесь успехам противника в значительной мере содействовала измена в рядах красных войск, о которой мы уже упоминали. Партизан Махно открыто встал на сторону врагов советской власти, вызвав раскол в подчиненных ему войсках и совершенно обнажив фронт на своем боевом участке. Измена Махно повлияла и на неустойчивые и колеблющиеся головы в войсках XIII и XIV армий. Началось массовое дезертирство, ослабившее боеспособность обеих этих армий. В результате всех этих причин они вынуждены были быстро откатываться назад, увлекая за собой и VIII армию, и уже к половине июня фронт этих армий проходил, примерно, по линии Волчанск — Валуйки — Павловск. Наконец, 30 июня пал под ударами противника гор. Царицын. В то же время части Добровольческой армии очистили территорию Крыма от красных войск и, выйдя через Перекопский перешеек, направлялись к низовьям Днепра на фронт Херсон — Николаев. Успешный захват Крыма позволял командованию противника более энергично вести борьбу с казачьей оппозицией, так как оно получало возможность перенести свою базу на Крым или Одессу, овладение которой являлось его целью после овладения Крымом.

К 1 июля фронт противника тянулся по линии, указанной нами в схеме № 9, при чем из этой же схемы усматривается и группировка его сил на различных участках фронта.

Обращаясь к этой группировке, мы видим, что наибольшей плотностью в это время

¹⁴ Вешенское восстание явилось результатом работы контрреволюционных сил, использовавших колеблющиеся настроения казачьего населения, не могшие сразу улечься в рамки советского строительства. Анархо-эсеры приложили свою руку и к этому восстанию, выставив лозунг «советы без коммунистов» и пр. Н.Какурин.

отличалась группировка противника на царичинском направлении. Последующие месяцы характеризуются последовательным перемещением центра тяжести группировки вооруженных сил противника на запад, что явилось следствием тех новых задач, которые поставило перед собою командование этими силами.

Достигнув значительных территориальных успехов, командование «вооруженными силами юга России» после некоторых колебаний в отношении того, с какого именно направления: саратовского или харьковского наносить главный удар на Москву, остановилось на первом, приказав генералу Врангелю, командарму Кавказской белой армии, начать развильных направлениях, усиливая украинское направление за счет сил, действовавших на центральном участке.

28 июля на саратовском направлении противник овладел г. Камышином, отбросив Х армию на фронт Борзенково — Матышево — Красный Яр — Бородачи — Каменка — Банное; в то же время в пределах Украины части «вооруженных сил юга России» к 1 августа вышли на фронт Полтава — Верхнеднепровск — Екатеринослав — Никополь — Алешки, главный удар противника намечался от Полтавы на Киев; вместе с тем он распространялся и по Черноморскому побережью по направлению к Херсону и Одессе, готовясь к захвату их.

Такова была обстановка на Южном и Украинском фронтах к тому времени, когда активность южных советских армий явилась содержанием следующего периода кампании, отмеченного упорной борьбой за инициативу обеих сторон. Но прежде, чем перейти к его изложению, мы остановимся на событиях летней кампании 1919 г. на тех фронтах, соподчиненное значение которых главным театрам борьбы в это время успело уже окончательно выявиться.

Поскольку Западный и Северный театры являлись ареной действий не только внешних, но и внутренних контрреволюционных сил, то операции на обоих этих театрах, не будучи объединены ни единым руководством, ни единством общей цели со стороны противника, не имели одинакового отношения к ходу событий на главных театрах гражданской войны. Операции вооруженных сил государственных новообразований (Латвии, Эстонии, Польши и др.), преследовавших ограниченные в пространстве цели, имели косвенное влияние на ход нашей гражданской войны, отвлекая на себя часть сил советского командования. Боевая деятельность русских вооруженных контрреволюционных сил имела непосредственную идейную связь с деятельностью на новых же на Южном и Восточном театрах, а потому и непосредственное отношение к ходу событий на них. Она протекала в рамках боевой деятельности армий окраинных государств, при чем русские контрреволюционные силы являлись иногда в силу территориального признака, несмотря на разницу политических целей, попутчиками последних.

Учитывая все сказанное, можно наметить на вышеуказанных второстепенных театрах следующие очаги борьбы в течение летней и осенней кампании 1919 г., заслуживающие особого нашего внимания: Северный театр, Ямбургско-Петроградский район, Белорусско-Литовский участок Западного театра (схема № 9).

Оживление первых двух явилось следствием той общей обстановки, которая сложилась для противосоветской стратегии весной 1919 г. до счастливого для нее временного перелома кампании на Южном фронте.

Тогда в представлении руководящих политических противосоветских кругов за границей главные надежды по-прежнему возлагались на армии Колчака. «Вооруженные силы юга России» расценивались только, как призванные сыграть вспомогательную и ограниченную в пространстве роль, а именно восстановить разрушенный Южный казачий фронт и связаться на Поволжье с левым флангом сибирских армий. Еще меньше; значение уделялось северной белой армии, пределом достижений которой мыслилось установление связи с правым флангом сибирских армий при наступлении их вдоль Вятской железной дороги. Но для выполнения сибирскими армиями своей главной роли мыслилось необходимым образовать новый вспомогательный фронт, который в лучшем случае «дал бы возможность нанести существенный удар большевикам», а в худшем оттянуть часть

советских сил от сибирских армий Колчака:

Таким фронтом должен был явиться финляндско-эстонский фронт, при чем в задачу ему вменялось овладение Петроградом.

Неудача попытки вовлечь в это предприятие Эстонию и Финляндию отразилась лишь а размерах замысла. Новый фронт был образован северо-западной русской белой армией, выделившейся из состава эстонской армии при дипломатической и материальной поддержке держав Антанты, главным образом, Англии. В командование этой армией официально вступил проживавший в Финляндии генерал Юденич, в действительности же руководителем остался бывший командир русского северо-западного корпуса генерал Родзянко.

Как уже указывалось, конец зимы 1919 г. в приморской части прибалтийского участка после отхода частей VII Красной армии в исходное положение на линию р. Наровы и Чудского озера характеризовался затишьем в боевых действиях. Противнику удалось в течение зимы овладеть лишь г. Нарвой и небольшой полосой местности по правому берегу р. Наровы. На этом участке в начале мая 1919 г. развернулся северо-западный корпус, готовясь к переходу в наступление. В задачи его командования первоначально входило лишь стремление захватить такое пространство, которое дало бы ему возможность производить формирования на собственной территории. Удачное развитие операций позволило значительно расширить эти задачи в пространстве, захватив Ямбург и Псков,

Тщательно подготовив свое наступление и обосновав его успех на внезапности, северо-западный корпус 13 мая прорвал расположение красных войск на р. Плюссе, после чего начал развивать свои действия на Ямбург, охватывая его с тыла через ст. Веймарн и продвигаясь в то же время на Гдов. Захватив эти пункты, противник начал с одной стороны усиленно продвигаться на г. Гатчину, дойдя до ст. Кикерино, а с другой

стороны от Гдова он стремился на Псков, на который с запада надвигался правый фланг эстонской армии.

Этот последний получил оперативную свободу в связи с неустойкой латвийской советской армии. Эта неустойка явилась следствием причин внешнего и внутреннего порядка. Первые обуславливались развитием активных действий противосоветских латвийских сил, нашедших сильную поддержку в добровольческих германских формированиях генерала фон-Дер-Гольца. Эти силы 22 мая овладели г. Ригой, заставив латвийскую советскую армию начать отход в реижском направлении, при чем противник, преследуя ее, к концу мая достиг. Альт-Шванненбурга. Внутренние причины значительных успехов противника заключались в крайне низкой боеспособности латвийской советской армии вследствие ее разложения; оно же обуславливалось как слабостью ее организационных рамок, не могших охватить той массы крестьянских резервов, которые влились в ее ряды, так и многочисленными изменами и переходами на сторону противника ее командного состава. Так, за время своего трехдневного отхода в реижском направлении латвийская армия, не оказав почти сопротивления противнику, уменьшилась с 70 тыс. бойцов до 10–15 тысяч бойцов. После обширной продолжительной реорганизационной работы эта армия была переформирована в XV Красную армию и дальнейшие ее действия в описываемый период имели уже соподчиненный характер операциям VII Красной армии.

Как мы уже отметили, ее неустойка отразилась на соседнем эстонском участке в том отношении, что эстонским и русским контрреволюционным силам была облегчена задача по овладению Псковом, который и был ими совместно занят 25 мая.

Связанное на прочих фронтах, советское командование только в начале июня могло собрать достаточные силы для активного противодействия продвижению противника на петроградском направлении. Они, образовали ударную группу ямбургского направления силою до двух стрелковых дивизий с одной отдельной стрелковой бригадой и бригадой конницы. Предполагалось, развернув их на фронте Петергоф — Красное Село — Гатчина и опирая их правый фланг на форт «Красная Горка», действовать их флангами в охват группы противника на ямбургском направлении. Это наступление не развилось в силу непредвиденных причин. На действия этой группы оказали неблагоприятное влияние

последствия обширного заговора командного состава, разветвления которого охватывали собою Кронштадт, Ораниенбаум, Красную Горку и Красное Село. Заговорщики рассчитывали на помощь английской эскадры в Финском заливе и на содействие части судов Балтийского флота. Измена выявила свое лицо во фланговых частях советской ударной группы Красной армии. Удар левого фланга не развился вследствие перехода на сторону противника бывшего гвардии Семеновского полка¹⁵

; удар правого фланга не состоялся, вследствие мятежа гарнизона форта «Красная горка», который был, однако, подавлен 16 июня. Поэтому все операции ударной группы свелись к затяжным боям с переменным успехом, и единственными их результатами явилось прекращение продвижения противника на петроградском направлении, но зато противнику удалось несколько расширить область своего господства в псковском районе.

Такой же нерешительный характер носили действия на этом фронте и в течение июля. Только в августе удалось вновь усилить VII армию, а вместе, с тем закончила свою реорганизацию и XV армия, что дало VII Красной армии возможность перейти вновь к активным действиям против северо-западной белой армии совместно I с правым флангом XV армии. Обеим армиям была поставлена задача разбить противника, овладеть Псковом и восстановить свое положение на р. Нарове и Чудском озере. Операции на этот раз облегчались расколом, происшедшим в стане противника. В то время как две дивизии XV армии начали операции против Пскова, стремясь обойти его с юга, эстонская армия, обнажив правый фланг северо-западной армии у Пскова, начала отходить на Из-борск. Этот отход являлся следствием не стратегических, а политических причин. Эстонское правительство опасалось возрастания военной мощи северо-западной армии, служебным лозунгом которой являлась единая и неделимая Россия, что шло вразрез с целями эстонской политики, а в рядах эстонской армии идея борьбы с советской Россией не пользовалась популярностью. Открытое признание советским, правительством независимости всех малых народов вскоре толкнуло эстонское правительство на путь прямых мирных переговоров с советской Россией.

Угрожаемые глубоким охватом своего правого фланга, части северозападной белой армии вынуждены были оставить Псков, который 26 августа вновь был занят Красными войсками, при чем противник отошел за р. Желчу, а на петроградском направлении был оттеснен за р. Плюс-су. На этом узком пространстве северо-западная армия вновь остановилась, спешно реорганизуясь, пополняясь присланной из Англии материальной частью и готовясь к новому удару на Петроград.

Боевые действия враждебных флотов в Финском заливе в это время не получили большого развития. Советский флот был слаб, чтобы предпринять самостоятельные операции, и против английского флота. Последний же держался в общем пассивно, преследуя частную задачу срыва морского могущества России вне зависимости от ее политической окраски. Поэтому все его операции свелись к нескольким набегам, впрочем, малоуспешным, на кронштадтский рейд в целях взрыва минами стоявших на нем советских кораблей.

Летняя кампания 1919 г. на литовско-белорусском участке Западного фронта, на котором действовала литовско-белорусская армия, переименованная вскоре в XVI, прошла под знаком упорного стремления противника утвердиться в пределах всего участка и такой же упорной и активной обороны XVI армии. Особенно оживленный характер приняли действия на этом участке с 1 июля, когда на нем почти полностью сосре —

-доточилась вся польская армия генерала Галлера, сформированная французами. Противник упорно стремился захватить рокадную железную дорогу Вильно — Лида — Барановичи — Лунинец, что, наконец, ему и удалось сделать, только лишь в половине июля. Тогда после небольшой передышки в начале августа все его усилия сосредоточились против столицы Белоруссии г. Минска, который и был захвачен после упорного боя 8 августа.

¹⁵ Кадры этого полка вошли в свое время в состав формирующихся частей Красной армии Петроградского района. Н. Какурин.

Дальнейшие операции противника уже не носили такого решительного характера, возможно, в силу нежелания оказать этим помощь армиям «вооруженных сил юга России».

Начиная с осени 1919 г., операции польских войск на их правом фланге замирают совершенно, а в центре и на левом фланге носят характер действий по улучшению и выправлению своего стратегического положения; в результате их линия советского фронта еще несколько уклоняется к востоку и к осени 1919 г. проходит по линии, указанной на схеме № 9.

Активность обороны XVI армии имела свой результат: в течение 1919 г. польская армия, несмотря на чрезвычайно благоприятные для нее условия обстановки, не выполнила задач своей политики по выходу на рубеж политических границ 1772 г. Выполнить их в следующем году она уже не могла, поскольку в 1920 г. Западный театр явился сосредоточением главной массы вооруженных сил РСФСР.

Если операции XVI армии на литовско-белорусском участке в течение всей летней и осенней кампании сохраняли один и тот же оборонительный характер, то операции XII армии, входившей в состав Западного фронта, с начала июня, по конец июля носили двойственный характер.

Пока она имела дело только с разбитыми войсками украинской директории и на нее еще не успело обозначиться давление белой армии со стороны Полтавы и Крыма, она успешно продвигалась в западном направлении, несмотря на, бандитские выступления, сильно беспокоившие ее тыл. 14 июля она вытеснила остатки войск украинской директории в пределы Восточной Галиции, овладев на территории последней г. Волочиском. Но обстановка изменилась, когда против нее на ковельском и ровненском направлениях начали действовать части той же Галлеровской армии, а в районе Каменца-Подольска появилась армия восточно-галицкого правительства, вытесненная из пределов Галиции польскими армиями и вовлеченная украинской директорией, под влиянием угроз в отказе в продовольствии и средствах, в борьбу на Украинском театре.

Это случилось в конце июля, когда начало сказываться уже влияние наступления частей Добровольческой армии с левобережной Украины.

Вынужденная с этого времени действовать на два фронта, XII армия в дальнейшем, ведя оборонительные бои, шаг за шагом уступала занятую ею предварительно территорию. 27 июля она вышла из состава армий Западного фронта, будучи непосредственно подчинена главному командованию и, поскольку в дальнейшем ее оперативное тяготение вновь направилось к Южному фронту, мы рассмотрим ее последующие действия в связи с операциями Южного фронта.

Взаимное положение обоих противников на Северном театре не претерпело существенных изменений в течение ранней весны 1919 г.

Попытка местных противосоветских сил при поддержке финляндского правительства утвердиться в апреле в районе Олонца и распространить свое влияние на Лодейное Поле была быстро подавлена советскими войсками при поддержке Онежской озерной флотилии.

Лето 1919 г. на главных направлениях театра архангельском и мурманском прошло под знаком сильного разложения в частях контр-революционной русской северной армии, что одно само по себе исключало возможность активных действий с ее стороны. Это разложение выражалось в восстаниях целых войсковых частей, в переходе их на сторону красных войск и в очищении ими целых боевых участков. В результате одного из таких восстаний г. Онега 2 июля 1919 г. перешел в руки красных войск. Разложение сильно затронуло и войска Англии, сражавшиеся на Северном фронте. С другой стороны, в самой Англии раздавались голоса об оставлении английским десантом, беломорского побережья. Этот вопрос был в принципе решен в августе 1919 г. Но английское командование решило для облегчения отступления своих войск предварительно нанести короткий удар VI Красной армии. Соотношение сил обеих сторон позволяло ему предпринять эту операцию. В то время как силы противника на архангельском направлении достигали 32 тысяч бойцов, а на мурманском исчислялись в 14 тысяч человек, VI армия могла им противопоставить на обоих

этих направлениях только 22 700 бойцов. Наступление противника началось в десятых числах августа и было направлено вверх по р. Сев. Двине. Советские части были отброшены на котласском направлении, после чего англичане приостановили свои операции и предложили русским контрреволюционным частям эвакуироваться на другие фронты гражданской войны¹⁶

. Русское контрреволюционное командование в лице генерала Миллера отказалось от этого и, в свою очередь решило собственными уже силами перейти в наступление на вологодском и онежском направлениях. Перегруппировки заняли весь август, при чем двинское направление было сильно ослаблено противником, и второе его наступление началось в начале сентября. На этот раз противник опять-таки добился чисто местных успехов в виде обратного занятия им г. Онеги и захвата ст. Плесецкой, после чего его наступление замерло, а тем временем английские войска 27 сентября покинули Архангельск, а 1 октября и г. Мурманск, предоставив северную армию противника ее собственным силам; ее численность теперь не превышала 25 тысяч бойцов и она вынуждена была оборонять огромный фронт от финляндской границы до Уральских гор. Попытки усилить себя за счет мобилизации местного населения не дали благоприятных результатов; жители Онежской Карелии подняли даже вооруженное восстание при попытке мобилизовать их, и генералу Миллеру пришлось уступить им.

Таким образом, в результате летней кампании на Северном фронте выяснилась полная его безопасность для Советской стратегии; ей оставалось ждать лишь полного его самоуничтожения. Оно опять-таки явилось следствием того процесса разложения, который с новой силой вспыхнул в войсках Северного противосоветского фронта в начале 1920 г. Сознание бесполезности дальнейшей борьбы в это время настолько прочно утвердилось во фронтовых частях, что на провозглашенный земским собранием, заседавшим в Архангельске, лозунг «укрепления фронта для продолжения борьбы» они ответили целым рядом новых восстаний и открыли на главнейших направлениях целый ряд свободных промежутков, которые нечем было заполнить.

Командование VI Красной армии использовало это положение, перейдя в энергичное наступление, и в течение недели с 8 по 16 февраля 1920 г. все три главных участка фронта противника были ликвидированы и дороги на Архангельск и Онегу открыты. Правительство Северной области бежало из Архангельска, бросив своих защитников на произвол судьбы. При известии о его бегстве власть в г. Мурманске 19 февраля была захвачена местными рабочими путем взрыва изнутри.

В силу этого обстоятельства группа войск противника, еще державшаяся на мурманском направлении, начала спешно отступать в пределы Финляндии, не дождавшись присоединения к себе отрядов противника с онежского направления, которые вынуждены были капитулировать.

Дальнейшее продвижение красных войск к побережью Белого моря и Ледовитого океана происходило беспрепятственно; 21 февраля 1920 г. Красные войска вступили в Архангельск, 26 февраля заняли г. Онегу, а 13 марта были в Мурманске; лишь в пределах Карелии — в районе Ухты удержались небольшие контрреволюционные силы, образовавшие ячейку того повстанческого движения, вспышка которого охватила Карелию осенью 1921 г.

Лишенный своей единственной подпорки в виде иностранных войск, Северный контрреволюционный фронт угас так же незаметно, как он существовал; это служит лучшим доказательством его малой органической связи с тем населением, интересы которого он брался представлять и защищать.

Следствием его ликвидации явилось возвращение под советскую власть берегов Северного Ледовитого океана с двумя незамерзающими портами и с территорией в 640

¹⁶ Это предложение явилось следствием решения английской политики коренным образом изменить свои отношения к советской России, втянув ее в орбиту коммерческих и деловых отношений. Заботы о судьбе русских белогвардейцев являлись, очевидно, уступкой консерваторам и сторонникам продолжения интервенции. Н. Какурин.

тысяч кв. километров при населении в 640 тысяч человек.

Глава седьмая

Общий перелом кампании 1919 г. на Восточном фронте. — Операции советских армий в Сибири. — Ликвидация Восточного контрреволюционного фронта.

Удары маневренной группы Восточного фронта в течение мая надломили наступательный порыв армий противника, но еще не имели своим результатом их разгрома.

Неудача центральной уфимской группы противника не могла в силу пространственности театра непосредственно отразиться на действиях его фланговых групп. В условиях общей стратегической обстановки лета 1919 г. особое значение для советского командования приобретали действия именно южной группы противника, которые могли повлечь за собой смычку Южного и Восточного контрреволюционных фронтов где-нибудь в районе Саратова.

Учитывая это обстоятельство, советское командование должно было, как мы видели, усилить войска, действовавшие в Оренбургской и Уральской областях, частью сил южной группы.

Всякие дальнейшие перегруппировки повлекли бы за собой излишнюю потерю времени, почему за южной группой по-прежнему оставалась задача по преследованию противника и углублению результатов первоначального ее успеха.

Поэтому именно на нее возлагалась теперь задача по овладению районами Уфы и Стерлитамака при поддержке V армии.

В свою очередь, командование южной группой возлагало задачу по овладению районом Уфы на Туркестанскую армию, нанося вспомогательный удар левым флангом I армии в направлении на Стерлитамак, при чем Туркестанская армия должна была развить удар своим правым флангом в охват Уфимского района с юго-востока.

Таким образом, центр тяжести группировки советских сил относился к правому флангу Туркестанской армии.

Противник для организации контрманевра предполагал использовать сильный естественный рубеж р. Белой, относя также центр тяжести своей группировки к своему правому флангу, где в низовьях р. Белой у него сосредоточивалась ударная группа в 6 полков.

Таковы были оперативные предпосылки уфимской операции, в которой со стороны советских войск приняли участие V и Туркестанская армии в количестве 49 тысяч штыков и сабель (за округлением) при 92 орудиях, а со стороны противника, так называемая, Западная армия генерала Ханжина в количестве 46–47 тысяч штыков и сабель (за округлением) при 119 орудиях.

Прологом к уфимской операции послужило встречное сражение V Красной армии с ударной группой противника, успевшей выполнить свою перегруппировку и переправиться через р. Белую, так как главные силы южной группы временно прекратили свой нажим на уфимском направлении, будучи на три дня задержаны в своем поступательном движении командованием южной группы по распоряжению командования фронтом.

Встречное сражение V армии с ударной группой противника, начавшись 28 мая, уже на следующий день закончилось серьезным поражением этой группы, отброшенной обратно за р. Белую, и V армия в своем поступательном движении увлекала уже за собой левый фланг Туркестанской армии (схема № 11). Но продвижение ее центра и правого фланга Туркестанской армии встретило упорное сопротивление противника, успевшего организовать оборону, опираясь на р. Белую. При этом противник, отходя с фронта V армии, которая направлялась на г. Бирск, перебрасывал свои части в район к югу от Уфы, удлинняя

таким образом свой фронт за р. Белой.

Однако, первоначальное предположение об охватывающем маневре правым флангом Туркестанской армии, несмотря на значительное усиление против него противника, осталось в силе, и первая его попытка переправиться через р. Белую в ночь с 7–8 июня закончилась неудачей.

В порядке частного почина эта неудача была исправлена переправой части сил левофланговой дивизии. (25-ая стр.) Туркестанской армии севернее Уфы, куда и были затем брошены армейские резервы; противник был сбит, и 9 июня красные войска вновь вступили в г. Уфу. Однако, до 16 июня противник продолжал еще упорно держаться на р. Белой против правого фланга Туркестанской армии; лишь с этого времени началось общее его отступление к востоку.

Завязка уфимской операции происходила под знаком начавшегося сдвига фронта противника на Северных операционных направлениях. II Красная армия, преодолев сопротивление противника, успешно теснила его в направлениях на Ижевский завод и Сарапуль.

И Уфимская операция являлась последним звеном в том обширном контрманевре, который был предпринят красными армиями Восточного фронта в апреле — мае 1919 г.

Ее начало отмечается попыткой командования противника вновь захватить в свои руки почин в действиях и постигшую эту попытку неудачу, происшедшую не только в силу причин материального порядка, но и морального надлома войск противника. В дальнейшем эта данная начинает все более выступать на первый план, и последующие операции проходят под знаком господства почина (инициативы) командования Красной армии в тех операциях, которые имели своей целью окончательный разгром материальной и моральной мощи противника на Восточной фронте.

О размерах морального надлома армий противника свидетельствует общее количество пленных со времени начала контрманевра и кончая уфимской операцией, исчисляемое в 25 ? тысяч человек.

Стратегическая неудача контрреволюционных армий не оправдывала принесения в жертву ради нее последних боеспособных резервов сибирских армий; теперь в распоряжении адмирала Колчака оставались в качестве стратегических резервов только три дивизии, едва начатые формированием в Омске и Томске. В экономическом отношении утрата Уральских заводов знаменовала для противника утрату тех заказов по снабжению этих армий, которые были размещены там; наконец, с потерей уфимского района противник лишился и значительных собранных в нем продовольственных запасов.

Затяжка уфимской операции почти на месяц в основной своей причине зависела от задержки наступления южной группы; что дало возможность противнику организовать не только наступление, но и контрманевр; преследование его по горячим следам несомненно отразилось бы и на скорости проведения всей операции. Методизм в наступлении в данном случае не отвечал обстановке, а явился следствием указаний, данных командованием Восточного фронта южной группе.

Еще в момент развития уфимской операции главное командование предполагало, что своими дальнейшими действиями командование Восточным фронтом придется развязать свои отстающие фланги, обратив в свою очередь р. Белую в опору центральных армий. Эти предположения являлись следствием того напряжения в обстановке, которое продолжало существовать в Оренбургской и Уральской областях, особенно в последней.

Здесь, несмотря на частичное усиление IV армии, перевес в силах продолжал оставаться за противником; он располагал 21 тысячью штыков и сабель против 13 тысяч штыков и сабель IV армии, почему продолжал одерживать частные успехи над отдельными группами и нанес чувствительный удар одной из них у ст. Шипово. Командованию южной группы пришлось еще раз усилить свой правый фланг, выделив из состава Туркестанской армии еще одну дивизию (25-ю) и направив ее в район Бузулука, после чего Туркестанская армия была расформирована и части ее распределены между V и I армиями. Но размах

наступления центральных армий Восточного фронта не остановился на рубеже р. Белой. V армия с влившимися в ее состав частями расформированной Туркестанской армии продолжала теснить разбитую армию Ханжина, насчитывавшую теперь только 18 тысяч штыков и сабель, и отбросила ее за р. Уфу.

Наступление соседней слева II армии развивалось медленнее; она только готовилась перебросить свои главные силы на левый берег р. Камы в районе г. Буя, имея против своих 26 000 штыков и сабель группу противника в 15 тысяч штыков и сабель.

Наконец, определенный успех обнаружился и на участке III Красной армии, которая в количестве 29 200 штыков и сабель выходила на рубеж р. Камы, имея перед собой отступающую группу противника в количестве 23 500 штыков. Соотношение этих сил показывает, что отход противника на вятско-пермском направлении являлся не столько вынужденным операциями III армии, сколько неудачами на его центральном участке.

Таким образом, левофланговые армии Восточного фронта получили оперативную свободу действий без непосредственного изменения операционного направления центральных армий, но нахождение их на уступе сзади по отношению к V армии вынудило последнюю для связи с ними образовать уступ силою 13 100 штыков и сабель на низовьях р. Белой.

Перед началом операции по овладению Уральским хребтом советские армии центра и левого фланга; Восточного фронта располагали в совокупности 81 тысячей штыков и сабель против 70 ? тысяч штыков и сабель противника, характеризуемых нашим командованием Восточного фронта, как уже мало боеспособные.

Командование Восточным фронтом в порядок дня ставило вопрос о захвате наиболее удободоступного участка Уральского хребта с г. Златоустом, являвшимся ключом к равнинам Сибири.

Владея Златоустом, противник опирался на сравнительно густую железнодорожную сеть этого участка. Учитывая это обстоятельство и заваленное назад по отношению к центру положение левого фланга Восточного фронта, командвост эту задачу предполагал выполнить в следующей осторожной группировке: на фронт Златоуст — Красноуфимск — Кунгур из уступов справа нацеливались восемь дивизий V и II армий; уступную группу на златоустовском направлении образовывали две дивизии V армии; три дивизии этой армии и II армия составляли маневренную группу в промежутке между златоустовским и красноуфимскими направлениями, которая, выдвинувшись на одну высоту с златоустовской группой, в дальнейшем могла быть обращена для усиления войск, действующих либо на златоустовском, либо на красно-уфимском направлении. Это последнее, захватывая и г. Кунгур, предоставлялось остальным дивизиям II армии (двум), усиливаемыми дивизией из фронтового резерва.

Левый фланг южной группы должен был содействовать выполнению операции, развивая наступление на Верхнеуральск и Троицк. III армия выполняла свою прежнюю задачу на пермском направлении. Таким образом достигался обход главными силами Восточного фронта — наиболее труднодоступной южной части Уральского хребта.

Выполнение плана требовало предварительного исправления направления и ускорения движения II армии, которая опять обнаруживала оперативное тяготение к более северным направлениям, стремясь полностью очистить от противника правый берег р. Камы и стягивая свои резервы к левому флангу. Только 20 июня она переправилась через р. Каму, оказавшись все-таки в двух переходах сзади V армии, что вынудило последнюю вновь осадить на уступ назад одну из своих дивизий для связи с нею и для оказания содействия ей. Таким образом, вопреки выше приведенному нами плану, выполнение всей операции своею тяжестью легло, в сущности, на одну V армию.

Быстрая развязка златоустовской операции явилась результатом искусства командования V армии в лице тов. Тухачевского, построившего свой маневр на тонком учете элемента местности (схема № 12).

Златоустовское плоскогорье, с лежавшим на нем важным стратегическим узлом

Златоустом, прикрывалось с запада недоступным лесистым хребтом Кара-Тау, прорезываемым узкими теснинами, по которым пролегали железная дорога Уфа — Златоуст ближе к правому флангу V армии и тракт Вирск — Златоуст, отходивший от левого фланга V армии. Последний являлся более коротким путем для достижения Златоуста. Кроме того, узкие долины рр. Юрезань и Ай, выходящие под углом к железнодорожной магистрали, также могли быть использованы, хотя и с трудом, для движения войск.

Оценивая эти местные условия, противник располагал свои силы в двух равных группах на Бирском тракте и железнодорожной магистрали, имея на первом наименее боеспособный Уральский корпус (1 пех. и 3 кав. дивизии) и на второй — две пехотных дивизии и одну кав. бригаду. В пяти переходах за обеими этими группами в качестве резерва на отдыхе располагались еще 2 пех. дивизии.

Учитывая выше указанные свойства местности, командование V армии направляло вдоль железнодорожной магистрали сравнительно слабую группу в количестве одной стрелковой и одной кавалерийской бригады, совершенно оголяло свой фронт на остальном участке хребта Кара-Тау на протяжении 90 км и главную массу своих сил в количестве пяти стр. бригад сосредоточивало на своем левом фланге, седлая его Бирский тракт, имея, как мы уже упомянули, две бригады на два перехода уступом назад для связи с II армией. Заняв такое исходное положение, командарм V предполагал выйти в тыл железнодорожной группе противника Бирским трактом и долиной р. Юрезань и окружить ее; на каждом из этих направлений должно было действовать по дивизии из состава ударной группы. Операция началась в ночь с 23 на 24 июня успешной переправой правой колонны ударной группы V армии и ее южной группы через р. Уфу, при чем южная группа противника отходила под натиском слабой южной группы V армии; левая колонна ударной группы V армии задержалась переправой на сутки.

Преодолевая трудные условия местности, колонны ударной группы сбили уфимский корпус противника, и левая колонна, наступавшая по Бирскому тракту, подходила к златоустовскому плоскогорью, запоздав на двое суток из-за сопротивления противника, тогда как правая колонна той же группы, шедшая без боя по ущелью р. Юрезань, уже вышла из него 1 июля и вступила в соприкосновение с широко разбросанными на отдыхе резервами противника. Эта колонна по частям выходила из теснины р. Юрезань; кроме того, ослабила себя выделением части своих сил в помощь той группе V армии, которая наступала вдоль железнодорожной магистрали. Поэтому, будучи атакована 3 июля успешными сосредоточиться в районе с. Нисибаш резервами противника, она была почти окружена ими и вынуждена была начать отход в горы на свой резервный полк, но в это время начал сказываться уже нажим на противника левой колонны ударной группы, и положение было восстановлено.

Однако, эта заминка в течение двух суток дала возможность южной группе противника благополучно вытянуться из гор, после чего в операциях обоих противников установилось на некоторое время равновесие, пока командованию V армии не удалось подтянуть ту дивизию, которую оно оставило в виде обеспечивающего уступа слева. Теперь надобности в нем не было, так как 4 июля II армия овладела Красноуфимском. Уже 10 июля V армия вновь перешла в наступление, нанося на этот раз удар в центр расположения противника по кратчайшему направлению к Златоусту, и 13 июля этот важный стратегический узел был занят ею.

Группировка сил противника в период златоустовской операции исключала возможность полного окружения всей его Западной армии, но окружения его южной группы (корпус Капелля) можно было достигнуть, если бы не произошло заминки при выходе на Златоустовское плоскогорье. Эта заминка явилась следствием разрозненности в действиях колонн ударной группы V армии, что чуть не повлекло за собой частного поражения ее правой колонны. Командование армией, само собой разумеется, не могло распространить своего влияния на все частности выполнения операции, которая тем не менее является поучительным образцом искусного маневрирования.

В результате златоустовской операции Западная армия Ханжина быстро катилась к Челябинску, угрожая открыть последнее железнодорожное сообщение армии противника (Белова), действовавшей на оренбургском направлении. Моральные ее результаты были еще более значительны; военный министр Колчака определял уже состояние своего фронта, как фронта совершенно разложившегося.

Решительный успех в районе Златоуста являлся вполне своевременным, учитывая угрозу стыку Южного и Восточного советских фронтов со стороны группы противника от Царицына и со стороны Уральской области. Главное командование уже 4 июля приказывало командованию Восточным фронтом обеспечить свой тыл на правом берегу р. Волги и железную дорогу Саратов — Кирсанов. В развитие этих указаний командование Восточным фронтом намечало сосредоточение в районе Саратов — Аткарск в середине августа двух стрелковых дивизий и двух отдельных бригад.

Развал фронта противника достигал таких размеров, что Восточный советский фронт мог прибегнуть к перегруппировкам такого рода, а главное командование к использованию излишка его сил на других фронтах. Сибирская армия (северная) противника числила в своих рядах только 6 тысяч бойцов, хотя в июне требовала довольствия для 350 тысяч ртов; состав прочих армий был немногим более. Попытка вновь двинуть на фронт чехо-словацкий корпус, пребывавший в тылу, окончилась ничем. Он уже разложился настолько, что внушал опасения представителям держав Антанты. Колчаковское командование вводило в дело свои последние резервы в виде трех еще не сформированных дивизий. 26 июля оно переформировало остатки своих армий в три армии, с которыми пыталась предпринять еще какой-то маневр, очистив предварительно для лучшего разбега Челябинский узел; этот маневр не успел даже обозначиться, и армии противника быстро покатались за р. Тобол, при чем кроме Челябинска, в руки советских войск перешли Ирбит — Алапаевск и Верхотурье (схема № 13). В то же время начало сказываться увеличение сил IV армии в Уральской области и ее ударные колонны успешно продвигались на Илецкий городок и Лбищенск.

30 июля командование Восточным фронтом ставило в задачу своим III и V армиям выход на линию р. Тобола; в это время обнаружился отход противника частью своих сил (южная армия Белова) в юго-восточном направлении, что в связи с наличием местных сил противника в Оренбургской и Уральской областях вызвало образование 13 августа из войск южной группы особого Туркестанского фронта с оставлением в состав Восточного фронта только III и V армий. В задачу Туркестанского фронта входило утверждение советской власти в Оренбургской и Уральской областях и продвижение в Туркестан. На армии Восточного фронта возлагалась задача уничтожения сибирских армий противника и овладения Западной Сибирью.

Последующие операции армий Восточного фронта по существу являются широко веденным преследованием противника. То обстоятельство, что он, опираясь на местные водные рубежи в виде рр. Тобола, Ишима, Иртыша, пытался еще бороться за свое существование, переходя в наступление на коротке и даже временами добиваясь частных успехов, не меняет в общем их характера. Эти временные вспышки наступательной энергии сибирских армий являлись не более как судорогами агонии, окончательно истощавшими их надорванный организм. Разложение белых восточных армий продолжало углубляться, отражая на себе ту картину общего разложения тыла, которая свидетельствовала об общей смертельной болезни колчаковского режима.

Одним из ближайших следствий этого разложения являлся, кроме падения боеспособности армий, еще и угрожающий упадок их численности. Ко времени отхода за р. Тобол сибирские белые армии насчитывали не более 50 тысяч бойцов при 300 тысяч ртов. Источники пополнения иссякали, так как мобилизации в стране, потрясаемой волнами крестьянских восстаний, не давали никакого успеха. Призыв к стране о добровольчестве, несмотря на поднятую вокруг этого дела шумиху, дал всего 200 человек.

В таком положении командование сибирскими контрреволюционными армиями избрало единственно правильное решение скорейшего отхода за р. Тобол и далее за р. Ишим,

чтобы, опираясь на сильный оборонительный рубеж последней, прикрыть свой политический центр — Омск и, разорвавшись с преследующими Красными армиями, привести войска в порядок и дать им оправиться. Этому единственно благоразумному в такой обстановке решению не суждено было осуществиться. Колчаковское правительство требовало немедленного перехода в наступление для сохранения своего пошатнувшегося внешнего и внутреннего политического положения.

Таким образом, предпосылками единственно крупной операции этого периода на р. Тоболе являлись требования политики противника, шедшие в данном случае вразрез с интересами его стратегии.

Наоборот, интересы политики и стратегии советского правительства совпадали в стремлении к скорейшей ликвидации Восточного контрреволюционного фронта, а численность советских армий и их внутреннее состояние после одержанных успехов допускали постановку им широких наступательных задач и принятие смелых решений.

5 августа армии обоих противников вошли вновь в тесное боевое соприкосновение на линии р. Тобола. При этом советские армии Восточного фронта оказались сильно на уступе вперед по отношению к войскам Туркестанского фронта, связанным еще на фронте отрядами оренбургских казаков и частью Южной армии противника; почему правофланговой V армии Восточного фронта пришлось обеспечить свой правый фланг выделением особого заслона на кустанайское направление, что ослабляло ее силы. Для обеих сторон особое значение приобретал участок, по которому проходила сибирская железнодорожная магистраль (Челябинск — Омск); поэтому он являлся наиболее насыщенным войсками обоих противников. С советской стороны здесь действовала V армия в количестве 24 тысяч штыков и сабель при 84 орудиях; противник стянул против нее 29 тысяч штыков и сабель при 60 орудиях.

Эти силы противника по своему внутреннему состоянию и по количеству не позволяли рассчитывать на длительный успех наступления. Роль ударного кулака в плане командования противника возлагалась на конный корпус сибирских казаков в количестве до 7 тысяч сабель, поднятый по всеобщей мобилизации. Этот корпус должен был действовать во фланг V армии, в то время как Петропавловская группа противника (III армия) должна была атаковать ее с фронта.

Однако, сборы конного корпуса происходили очень медленно, а тем временем V Красная армия с боем переправилась через Тобол и 20 августа развивала уже наступление на Петропавловск. В то же время III Красная армия, переправившаяся также через Тобол, шла на Ишим. Встречное наступление противника началось только 1 сентября уже под самым Петропавловском, при чем противнику, давя все время на правый фланг V армии, удалось 3 сентября принудить V армию к частичному отступлению. В дальнейшем операция развивалась под знаком борьбы за почин в действиях на правом фланге V армии, куда стягивалась дивизия фронтового резерва, заслоны V армии и ее частные резервы. Все эти силы вступали в бой по частям, почему Сибирский конный корпус, также с запозданием вступивший в дело, имел над ними несколько частных успехов, но не смог прорваться на тылы V Красной армии. Введение в дело обеими сторонами сил по частям предопределило длительный и малорешительный характер боев в течение всего сентября на подступах к Петропавловску. В конечном их итоге V армия потеряла значительную часть выигранного ею первоначально пространства, и ее командование, не желая иметь непосредственно в своем тылу сильную водную преграду в виде р. Тобола, 1 октября отвело, ее обратно за р. Тобол.

Временный успех противника обошелся ему дорого. Наступательная его энергия окончательно выдохлась на р. Тобол, преодолеть которую он уже не смог. А тем временем силы V армии, благодаря местным мобилизациям, возросли, до 37 тысяч штыков и сабель при 135 орудиях, в то время как силы противника не превышали 31 тысячи штыков и сабель при 145 орудиях.

Поэтому 14 октября V армия вновь перешла в наступление и успешно переправилась через р. Тобол. Двигая на уступе вперед свой правый фланг, V армия грозила тыловым

сообщениям противника и принудила его спешно отходить, за р. Ишим. Эта водная преграда также была преодолена 1 ноября после незначительного сопротивления противника.

Конец тобольской операции знаменовал собою конец, организованного сопротивления противника. Его войска потеряли уже всякую боеспособность и в дальнейшем армиям Восточного фронта предстояло преодолевать не сопротивление противника, а пространство. Пока V армия успешно преследовала противника вдоль главной железнодорожной магистрали по направлению к Омску, III Красная армия, овладев г. Ишимом, также спускалась к Омску вдоль северной сибирской железнодорожной магистрали, противник быстро уходил за Иртыш, сдав без боя г. Омск с огромными запасами имущества разного рода и оставив свыше 10 тысяч человек, не пожелавших далее разделять судьбу контрреволюционного движения.

Остатки сибирских контрреволюционных армий имели в своем распоряжении теперь в качестве единственной оси движения только главную сибирскую магистраль; они еще ранее лишились своей базы в южной Сибири, так как большая часть Южной армии Белова, будучи приперта тылом к степям, еще в начале сентября капитулировала, а небольшие ее остатки рассеялись, либо присоединились к отрядам атамана Дутова, отошедшим в район Кокчетав — Акмолинск. Хотя эта группа и числила до 30 тысяч конного и пешего народа, но была настолько мало боеспособна, что командование Восточным фронтом, выделив для преследования ее особую кокчетавскую группу (одна дивизия пехоты, одна дивизия конницы и две отдельных стрелковых бригады), отвело Щ армию в тыл на работы и дальнейшее преследование главных сил Колчака возложило на одну V армию.

Отходившие армии Колчака разбились на несколько групп, охватываемых кольцом местных партизанских отрядов. Южная из них устремилась по тракту Барнаул — Кузнецк — Минусинск, средняя, несколько более устойчивая, двигалась вдоль сибирской магистрали, и, наконец, северная отходила вдоль речных систем севернее сибирской магистрали; перейдя на параллельное преследование, части V армии, выходя на пути отступления противника, захватывали крупные трофеи, внося полное расстройство в отступающие колонны противника. 22 декабря 1919 г. был занят г. Томск; еще раньше этого, благодаря энергичному преследованию кокчетавской группы и взрыву изнутри в г. Семипалатинске, были окончательно разгромлены остатки войск Дутова. В то же время средняя колонна V армии упредила под г. Красноярском южную группу остатков Колчаковских армий и 6 января 1920 г. заняла г. Красноярск, что повлекло за собою сдачу в плен большей части этих армий в количестве до 20 тысяч человек. Только небольшие остатки их продолжали свой путь в Забайкалье. Всего же пленными в боях и сдавшимися за время преследования сибирские контрреволюционные армии потеряли до 100 тысяч человек. Военный разгром Колчаковских армий совпал и с его политическим крахом. В начале января в Иркутске в качестве руководящего органа повстанчества против Колчака образовался «политический центр», разогнавший после небольших боев в самом Иркутске Колчаковское правительство. Сам Колчак, отказавшись от власти и искавший убежища в чехо-словацких эшелонах, был выдан ими «политическому центру», как выкуп за свободный уход в Восточную Сибирь, и расстрелян еще до вступления советских войск в Иркутск¹⁷.

В марте 1920 г. согласно переговоров с чехо-словаками при участии представителей Антанты возникло буферное государство — Дальне-Восточная республика, продолжавшее борьбу с остатками контрреволюционных вооруженных сил в пределах Восточной Сибири. Эта борьба относится к числу последствий гражданской войны, почему и не рассматривается в нашем очерке.

Капитуляция значительной части Южной армии Дутова и развал вооруженного сопротивления оренбургского казачества губительно отразились на положении дел противника в Уральской области и облегчили задачи туркестанского фронта. Его силы преследовали противника двумя группами: IV армия двигалась вдоль тракта Лбищенск — Гурьев,

¹⁷ Советские войска вступили в Иркутск 7 марта 1920 г. Н. Какурин.

I армия шла через Туркестан и далее вдоль железной дороги Асхабад (Полторацк) — Красноводск. IV армия заняла Гурьев 5 января 1920 г.; в нем сдалась большая часть Уральской казачьей армии; ее жалкие остатки после изнурительного похода вокруг Каспийского моря сдались советскому флоту в форте Александровском 3 месяца спустя. 6 февраля 1920 г. занятием Красноводска закончились успешные операции I армии по ликвидации противосоветских отрядов в Закаспийской области.

Глава восьмая

Осенняя кампания 1919 г. на Украине. — Переход в наступление советских армий Южного фронта. — Контрманевр противника. — Решительное сражение на орловском направлении. — Перелом кампании на Южном фронте и начало отступления «вооруженных сил юга России». — Последняя наступательная попытка противника на петроградском направлении и ее ликвидация.

Прологом к решительному столкновению обеих сторон на Южном фронте, определившему собою окончательный исход кампании на нем, явились операции на Украине.

Обстановка на этом участке Южного театра являлась весьма, сложной для тех контрреволюционных сил, которым пришлось на нем действовать из-за непримиримости их интересов и взаимной враждебности, что повело даже к прямым столкновениям между некоторыми из них. Это обстоятельство шло целиком на пользу XII Красной армии, без чего ее стратегическое положение явилось бы чрезвычайно трудным, поскольку ей приходилось действовать на три фронта. С запада ей угрожали польские силы и войска украинской директории; с юга приходилось учитывать возможность покушений противника на Черноморском побережье, на юго-востоке действовали мятежные банды Махно; со стороны Полтавы Киеву угрожали части Добровольческой армии. Наконец, внутреннее пространство между ее тремя различными фронтами было охвачено рядом анархо-кулацких восстаний.

Линия фронтов XII армии и общая группировка ее сил усматриваются из схемы № 14. Таким образом, XII армия являлась как бы глубоко вклиненной в сжимавшие ее с запада и востока враждебные армии, при чем главные удары их были направлены по основаниям ее клина, грозя срезать его верхушку в районе Одессы.

Однако, выравнивание ее фронта признавалось не желательным по политическим соображениям, почему главное командование шло на риск обособленного пребывания в этом районе советских сил, если бы противнику удалось срезать клин XII армии у его основания и сомкнуть вокруг

него кольцо. Это решение основывалось на допущении возможности совместных, а не взаимно враждебных действий войск украинской директории и «вооруженных сил юга России».

Результаты нажима противника с противоположных сторон в киевском направлении сказались в конце августа. Украинские войска прорвали расположение западного участка XII армии на винницко-казатинском направлении, а войска Добровольческой армии сбили части XIV армии на полтавском направлении и обе стороны 30–31 августа сошлись в Киеве. Однако, между ними не последовало соглашения о совместных действиях, но чуть было не произошло вооруженного столкновения, и по почину своих начальников они разошлись, оставя между собою небольшую нейтральную полосу, при чем Киев остался в руках добровольцев. Части XII армии из киевского района отошли вверх по Днепру, вскоре они очистили и Житомир, который был занят самостоятельно действовавшими на правобережной Украине польскими войсками.

Падение Киева во времени почти совпало с захватом частями Добровольческой армии

ударом с суши и с моря г. Одессы.

В результате падения Киева и Одессы войска южного участка XII армии в составе остатков трех дивизий (45,47, 58) оказались стратегически окруженными в районе Балты, и, объединившись в группу под командованием т. Якира, вынуждены были пробиваться из окружения в северном направлении на присоединение к своим главным силам.

Пока разворачивались эти события на Украине, главные силы южных контрреволюционных армий не предпринимали решительных операций на остальной части Южного театра. Однако, очевидно, в предвидении готовящегося наступления Красных армий, в целях срыва его, командование «вооруженными силами юга России» организовало рейд конного корпуса Мамонтова по тылам центральных Красных армий.

Этот корпус 10 августа прорвался в районе Новохоперска на стыке VIII и IX Красных армий и сразу глубоко устремился в тыл Красного фронта, взяв направление на Тамбов, которым он и овладел 18 августа. Глубокое проникновение этого корпуса в тыл не отразилось непосредственно на войсках Красного фронта, поскольку противник не искал столкновений с ними, но имело косвенное неблагоприятное влияние на развитие последующих его операций, так как для борьбы с ним была сильно ослаблена ударная группа на направлении главного удара (IX и X армии); последовательно из ее состава для этой цели были взяты две стрелковых дивизии и конный корпус Буденного, что не могло не отразиться на силе ее удара.

Таким образом, рейд Мамонтова не сорвал намечавшегося наступления армий Южного фронта. Оно началось в половине августа.

Ударная группа под командованием т. Шорина (IX и X армии) имела наибольший успех на участке X армии; развитие наступления на участке IX армии обозначилось только 21 августа.

31 августа обе армии значительно продвинулись вперед, овладев г. Алексиковом и участком железной дороги Себряково — Зеленская. Однако, и в этом положении ударная группа оказывалась еще на уступе позади вспомогательной группы Селивачева (XIII и VIII армий), которая к 1 сентября достигла уже фронта Волчанск — Купянск — ст. Подгорная, непосредственно, угрожая Белгороду и Харькову.

Такое положение являлось следствием первоначального развертывания обеих групп с осаживанием уступом на 200 километров назад главной ударной группы, почему согласования в действиях между ними не удалось достигнуть в течение всей операции, несмотря на последующие попытки командования сблизить маневренные оси обеих групп, нацеливанием правого фланга группы Шорина на г. Павловск и дальнейшим установлением ее операционного направления на Донецкий бассейн.

Наиболее чувствительными для противника оказались успехи группы Селивачева, так как они грозили утратой Белгорода и Харькова, а, следовательно, возможностью отрезания сил противника, действующих на Украине.

Поэтому первый свой удар противник направил против этой группы, ослабив свой нажим на фронте XIV армии, которую ему удалось припереть к р. Сейму.

Путем частной перегруппировки противник создал ударные группы на белгородском и бирючском направлениях для удара по флангам и тылу наиболее выдвинувшейся вперед группы Селивачева. Основным ядром Белгородской группы явился конный корпус Шкуро, снятый с киевского направления, а Бирючская группа была создана из 2*/2 донских дивизий, снятых с фронта IX советской армии.

Под влиянием контрманевра этих групп части XIII армии оставили г. Нов. Оскол, а части VIII армии г. Волчанск. 5 сентября, развивая этими группами наступление в северо-восточном и северо-западном направлениях, противник принудил XIII армию вновь отойти на фронт, указанный на схеме № 15, при чем особенно заметно развивался успех противника на курском направлении.

Попытка XIV армии, в это время отошедшей за р. Сейм, помочь группе Селивачева, наступлением своего правого фланга после кратковременного его успеха, выразившегося в

занятии 13 сентября фронта Борзна — Бахмач, не дала решительных результатов, так как в связи с общей неустойкой на курском направлении правофланговые части XIV армии также вынуждены были отойти в исходное положение.

В отношении маневренной группы Шорина противник поступил иначе. Убедившись в ее первоначально значительном численном превосходстве, он начал преднамеренно отходить на линию Хопра, Дона и Царицынского укрепленного района, короткими контрударами отбиваясь от особенно нападавших на него частей группы Шорина.

Опершись на линию рр. Хопер, Дон и Царицынский укрепленный узел, противник в районе Качалинская — т. Котлубань образовал сильную маневренную группу из своих трех кубанских корпусов и одной пехотной дивизии и обрушился ею на X армию, наступление которой до сих пор развивалось наиболее успешно. 9 сентября бои на участке этой армии приняли упорный встречный характер, при чем вскоре в боевых действиях обеих сторон установилось известное равновесие, свидетельствовавшее о том, что наступательный порыв группы Шорина выдохся; здесь сказалось значение ослабления ее выделением сил для борьбы с рейдом Мамонтова.

Этот последний между тем продолжал свой рейд в тылу центральных советских армий. Двигаясь через Козлов, он занял 27 августа Раненбург, после чего свернул на Елец, который занял 4 сентября; от Ельца тремя колоннами он направился на Липецк — Грязи — Усмань, которых и достиг между 6 и 7 сентября, после чего, ища выхода на присоединение к своим силам он двинулся на Воронеж, которым пытался овладеть 9–11 сентября, но 12 сентября был выбит оттуда и отошел к северу от него, ожидая приближения линии своего фронта.

Успех действий Мамонтова объясняется тем, что борьбу с ним вели, хотя и значительные, но преимущественно пехотные силы, которые первоначально только шли по его следам, а затем ходами пытались охватить его расположение с разных сторон, но также не успевали в этом, благодаря медленности своих движений. Непосредственным результатом рейда Мамонтова была основательная порча железных дорог в тылу Южного советского фронта; ко времени выхода корпуса Мамонтова в район Воронежа в расположение Южного фронта для подвоза с тылу остались неиспорченными только путь Тула — Орел — Курск и путь Орел — Верховье — Мармыжи. Но рейд Мамонтова не оправдал главных ожиданий командования противника — ему не удалось поднять на борьбу с советской властью широкие массы местного населения. Последнее в общем враждебно отнеслось к нему и дало целый ряд партизанских отрядов для борьбы с ним. Враждебному отношению населения много способствовало поведение корпуса Мамонтова, отмечавшего свой путь грабежами и насилием, что, в свою очередь, повлекло и разложение корпуса.

В то время как корпус Мамонтова бродил по советским тылам, ища выхода к своим главным силам, в таком же положении находилась и

группа советских дивизий на Украине под начальством т. Якира в количестве 5 тысяч бойцов в тылу украинского фронта противника.

Избегая полного окружения и обходя линии железных дорог, чтобы не встретить многочисленные бронепоезда противника, она направлялась на г. Умань, Христиновку и Сквирку, выбивая из этих пунктов мелкие украинские гарнизоны; у ст. Попельня она пересекла железную дорогу в пределах демаркационной полосы, установленной соглашением начальников добровольческих войск и войск украинской директории, и здесь по радио установила связь с частями XII армии, находившимися в 15 км севернее Житомира, который, как мы уже указывали, в это время был занят польскими войсками.

Тогда же был выработан план совместных действий для облегчения прорыва группы Якира к своим войскам и осуществлен совместной атакой этой группы г. Житомира с юга и частей XII армии (44 стр. дивизия) с севера 19 сентября.

Нам остается еще упомянуть о событиях за это время на том участке Южного фронта, который являлся ареной действий IX советской и Донской армии; здесь, последняя, ослабленная выделением 2 ? дивизий для формирования ударной группы на бирючском направлении, медленно отходила на р. Дон, выравнивая свой фронт с группой Царицынского

участка (Кавказская армия Врангеля); IX Красная армия столь же медленно продвигалась за нею.

Оценивая только что изложенный период операций, следует признать, что командование «вооруженными силами юга России», благодаря гибкому маневрированию, удачно разрешило те задачи, которые поставило перед ним наступление советских армий. Эти задачи заключались в необходимости: 1) ликвидировать успехи группы Селивачева на купянс-ком направлении, представлявшие непосредственную угрозу Харькову; 2) приостановить наступление ударной («особой») группы Шорина на царицынском направлении; 3) развязать себе руки для новой наступательной операции широкого масштаба на Южном фронте.

Эта последняя диктовалась тем общим стратегическим положением, в котором находились в это время южные контрреволюционные армии.

Их численность настолько не отвечала уже размерам занимаемого ими фронта, что всякая остановка и переход к обороне грозили им растяжкой в нитку на огромном фронте от средней Волги до среднего Днестра, при совершенно необеспеченном и потрясаемом судорогами внутренних восстаний тыле.

Дальнейшее наступление не могло изменить к лучшему стратегического положения войск генерала Деникина. Океан русской земли, в который они углубились, враждебно встречал их, и за его счет они не могли рассчитывать на возрастание своих сил. Таким образом, белой стратегии приходило делать свою ставку единственно на случай или на нерв своего противника, и с этого времени она становится уже авантюристической по существу.

Перед угрозой стратегического изнурения своих армий генерал Деникин вступил на путь, ошибочность которого можно было видеть на примере сибирских белых армий; он начал усиленно пополнять свою Добровольческую армию и только за счет мобилизуемого населения, но и пленных красноармейцев, что, конечно, сейчас же в отрицательную сторону отразилось на боеспособности этой армии.

Благодаря этим мероприятиям численность «вооруженных сил юга России» ко времени решительных событий на Южном фронте была доведена до 153 250 штыков и сабель (сабель — 53 800) при 560 орудиях, при чем на фронте протяжением в 1 065 км противник располагал 96 850 штыками и саблями при 431 орудии, остальные силы располагались в тылу, либо заканчивая свое формирование, либо ведя борьбу с тыловыми восстаниями (схема № 15).

Против этих фронтовых частей «вооруженных сил юга России» красное командование располагало на фронте 140 767 штыков и сабель при 877 орудиях. Таким образом, советский Южный фронт превосходил противника в полтора почти раза в отношении живой силы и почти вдвое в отношении артиллерии.

Но на орловском направлении и прилегающих участках, где завязалось решительное сражение этой кампании, противнику удалось создать даже небольшое численное превосходство своих сил. Здесь он располагал 59 100 штыками и саблями (из них 13 900 сабель) при 200 орудиях против 57 450 штыков и сабель (из них 1 820 сабель) при 412 орудиях XIV, XIII и VIII Красных армий.

В результате упорных боев предшествующего периода фронт этих армий установился по линии, указанной на схеме № 15. Положение и численность ударной группы противника усматриваются из той же схемы. Особым насыщением войсками противника отличался участок Ржава — Обоянь, где на фронте в 12 километров противник сосредоточил 9 600 штыков и 700 сабель при 32 орудиях, что составляло, примерно, 800 штыков на один километр фронта — плотность небывалая до сих пор в практике гражданской войны. Эта группировка свидетельствовала о намерениях противника добиться сначала тактического прорыва центра советского фронта, с тем, чтобы в дальнейшем вспомогательными ударами фланговых групп развить этот прорыв в стратегическом масштабе.

Сосредоточение ударной группы противника происходило в обстановке неудачных попыток группы Селивачева частными контратаками восстановить утраченное положение. 6

сентября XII армия была вновь включена в состав Западного фронта; XIV армия оказалась теперь правофланговой армией Южного фронта. Тяжелое положение группы Селивачева толкало командование Южным фронтом на мысль использования XIV армии; 9 сентября ей предлагалось овладеть линией железной дороги Плиски — Бахмач — Конотоп — Ворожба, прочно закрепиться на ней, а затем перегруппироваться к своему левому флангу в целях овладения совместно с XIII армией линией Ворожба — Сумы.

Развивая свои операции согласно этих указаний, XIV армия 13 сентября овладела фронтом Борзна — Бахмач, в то время как XIII армия вела с переменным успехом бои с противником, а на участке VIII армии установилось временное затишье. Но в ближайшие дни обстановка переменялась.

Закончив перегруппировку, генерал Деникин 12 сентября отдал свой приказ о переходе в наступление «всем фронтом от Волги до Румынской границы». Его удар обрушился на XIII армию, и, прорвав ее центр, Добровольческая армия быстро подошла к Курску. Командование фронтом предполагало противодействовать этому прорыву активностью своих фланговых групп — XIV армии и группы Шорина, о чем и отдало соответствующие приказания 19 сентября, но уже 20 сентября наступление противника захватило фронт всех трех советских армий; отбросив XIII армию к Курску, противник расширил основание своего вклинения в линию советского фронта, нанеся удар с востока по Конотопу и принудив войска XIV армии очистить его; в то же время он отбросил к Дону VIII армию в таком состоянии, что ей приказано было отойти на левый берег Дона, начав переправу у Коротояка и Лисок, а XIII армия отходила под натиском противника за р. Сейм.

2 сентября все три красные армии (XIV, XIII и VIII) продолжали свое отступление, при чем особенно сильно противник теснил VIII армию, направляя конный корпус Шкуро на Воронеж. Опасаясь за стык VIII и IX армий, командование Южным фронтом вновь изменило задачу конному корпусу Буденного, который был взят из группы Шорина для борьбы с рейдом Мамонтова; теперь он направлялся на стык обеих этих армий.

Обстановка на фронте группы Шорина оставалась в прежнем виде: оба противника находились в состоянии устойчивого боевого соприкосновения на царицынском направлении, взаимно связывая свою оперативную свободу. Наступление IX армии вслед за отходящей Донской армией развивалось по-прежнему медленно.

Очевидно, главное командование само убеждалось, что установление тесного оперативного взаимодействия между этой группой и прочими армиями Южного фронта являлось невыполнимым, при этих условиях Южный советский фронт являлся слишком громоздким. Отсюда у главного командования возникли почти одновременно два важных решения: образовать новую маневренную группу из свежих частей вне непосредственного воздействия противника и вблизи направления его главного удара и выделить группу Шорина в особый Юго-Восточный фронт.

Замысел контрманевра на Южном фронте окончательно оформился в конце сентября и вылился в идею нанесения удара по наиболее выдвинувшимся на орловском направлении частям Добровольческой армии с двух направлений двумя группами: одной из района северо-западнее г. Орла — резервом главкома (латышская дивизия, бригада Павлова, конная бригада Примакова общию численностью 10 тысяч штыков, 1 500 сабель и 80 орудий), а другой из района Воронежа — конный корпус Буденного с кавалерийскими частями VIII армии. 24 сентября командование Южным фронтом получило первые указания о сосредоточении резерва главкома в районе Навля — Дмитриев, а 1 октября «особая» группа Шорина была переименована в Юго-Восточный фронт.

Тем временем противник продолжал углублять свой прорыв на орловском направлении, расширяя его основание. Он принудил XIV армию отойти за р. Десну и овладел г. Черниговым, на правом фланге своей ударной группы он овладел г. Воронежем, под которым 6 октября соединились конные корпуса Шкуро и Мамонтова.

Таковая была общая обстановка, когда, наконец, на участке среднего Дона от Павловска до Усть-Медведицкой появились передовые части IX Красной армии, которая

насчитывала в своем составе 21 396 штыков и сабель при 165 орудиях; против нее по правому берегу р. Дона устраивалась Донская армия генерала Сидорина в количестве 27 400 штыков и сабель (из них 13 000 сабель) при 141 орудии. Приближение обеих этих армий к главному очагу борьбы, повлекшее за собою соподчинение их действий целям обеих сторон на главном направлении и вызвало образование второго очага борьбы в рамках общего решительного сражения, почему теперь нам придется рассматривать действия обеих сторон на орловском и донском участках решительного сражения.

Завязка сражения на донском участке определилась той задачей, которую командование «вооруженными силами юга России» поставило Донской армии. Опасаясь при своем продвижении на Москву, удара по своему правому флангу со стороны IX Красной армии, оно вменяло в задачу Донской армии очищение территории Донской области с Новохоперским районом от войск IX Красной армии; в свою очередь эта последняя, действуя, согласно ранее полученных указаний, готовилась к переправе на правый берег Дона.

Для решения поставленной ему задачи командующий Донской армией создал сильные ударные группы почти равной численности на та-ловском, новохоперском и арчединском направлениях, связав их между собою лишь цепью наблюдательных постов.

Предварительно корпусу Мамонтова, продолжавшему еще пребывать в районе севернее и северо-восточнее Воронежа в ожидании выхода на свои главные силы, было приказано 26 сентября сделать короткий удар на ст. Таловую на новохоперском направлении, которая и была им занята 1 октября. Командование Юго-Восточным фронтом, опасаясь за правый фланг IX армии, бросило в этом направлении значительные силы (почти всю свою конницу и свой фронтовой резерв — 21 стр. дивизию из Ново-хоперска), а между тем уже 3 октября Мамонтов вновь повернул на Воронеж, ища соединения со Шкуро. Силы, притянутые этим набегом Мамонтова к правому флангу IX армии, так и остались там, будучи связаны переправившейся через Дон 5 октября в районе Павловска левофланговой ударной группой Донской армии. Это обстоятельство пошло не столько на пользу IX армии, сколько на пользу армий Южного фронта, так как сильный и свежий конный корпус Буденного оказался, таким образом, после многих прогульных движений, притянутым к главному очагу борьбы, на котором его воздействие сказалось в нужное время и на нужном месте. Но зато были облегчены действия средней и южной ударных групп Донской армии на участке IX армии; они переправились через Дон 10 октября и к 14 октября IX армия, очистив левый берег Дона, находилась в общем отступлении в северо-восточном направлении, преследуемая Донской армией.

Отход IX армии еще более затруднял положение VIII армии, обнажая ее левый фланг. Противник стремился вклинить еще глубже между внутренними флангами VIII и IX армий конницей Шкуро и Мамонтова. Командование Южным фронтом, выводя VIII армию из клещей двойного охвата ее флангов, отводило ее на линию р. Икорец, ставя задачей корпусу Буденного, переданному в его распоряжение 7 октября, разыскать и уничтожить конницу противника; возникла вторая ударная группа на Южном советском фронте, долженствовавшая решить исход главного сражения на орловском направлении.

Здесь успехи противника были близки к своему пределу. Сохраняя пассивность на фронте XII армии и активно обороняясь на конотопском и глуховском направлениях против XIV армии, противник продолжал развивать свай удар против XIII и VIII армий на севском, дмитровском, кромском и елецком направлениях. Он овладел уже г. Орлом и вышел одной своей дивизией на линию Новосиль — южная окраина г. Ельца, в то же время угрожая конными корпусами Шкуро и Мамонтова ст. Грязи, а со стороны г. Боброва двигался третьим донским корпусом на ст. Мордово, что вынудило VIII армию к продолжению ее отхода (схема № 16).

Быстрота продвижения противника на орловском направлении заставила советское красное командование ввести в дело ударную группу этого направления, не ожидая конца ее сосредоточения.

9 октября ударная группа с приданными ей частями была передана в распоряжение командования Южным фронтом, при чем главное командование намечало направление ее удара на участок Курско-Орловской жел. дороги между Малоархангельском и Фатежем. В тот же день ударная группа командуюшем была подчинена командованию XIII армии, при чем фронтовой резерв (эстонская дивизия и полк из состава «войск охраны республики»), должен был продолжать свое сосредоточение в районе севернее Орла. Однако, первоначальные действия ударной группы не дали особо ощутительных результатов и повели лишь к упорным боям встречного характера на направлении ее движения. 15 октября она была переподчинена командованию XIV армии, которое, в свою очередь, создало путем растяжки войск в своем центре ударный кулак в количестве одной дивизии на севском направлении. Однако, и этот маневр, вполне отвечавший обстановке, не дал решительных результатов, линия фронта колебалась в ту или другую сторону без решительного перевеса одной из сторон. 20 октября эстонская дивизия, введенная в дело на орловском направлении овладела г. Орлом, при чем ей удалось увлечь в наступление правый фланг XIII армии (9 стр. дивизия), но на остальном фронте этой армии положение продолжало оставаться напряженным, и оперативная свобода действий противника не только не была связана, но он добивался еще частных местных успехов и успел овладеть г. Ельцом. Следуя за уклонившейся от фланговых ударов VIII армией, противник распространился на ее участке от Задонска через Усмань до г. Боброва включительно.

Эти успехи были куплены ценой крайнего напряжения последних усилий Добровольческой армии и израсходования всех ее резервов. Между тем советское красное командование настойчиво проводило в жизнь свою идею о срезании клина противника на орловском направлении. 20 октября оно намечало концентрическое наступление на Добровольческую армию всех своих армий, за исключением XII, которая 16 октября была вновь подчинена Южному фронту. При этом конному корпусу Буденного ставилась задача овладеть районом г. Воронежа, а затем районом ст. Ка-сторной, чтобы отрезать главные силы Добровольческой армии от их тыла.

Одновременный переход в наступление всех трех армий Южного фронта не дал первоначально решительных результатов. В происшедших упорных боях противник не только удерживал свое положение, но даже опять временно занял гг. Кромы и Севск, а на левом фланге XIII армии, овладев ст. Донской, начал распространяться на Липецк и Лебедянь.

Но в самый день занятия противником ст. Донской его конница, обеспечивавшая правый фланг Добровольческой армии и прикрывшая свободный промежуток между нею и Донской армией, получила сильный удар от конного корпуса Буденного в районе Усмань — Собакино. Усиленный еще одной кавалерийской дивизией и стрелковой бригадой, конный корпус Буденного быстро двинулся затем в направлении на Курск. В то же время командование XIV армии ввело в дело еще одну дивизию своей армии (46 стр.) на севском направлении, после чего упорное сопротивление противника в этом районе было сломлено, и он начал медленно отходить на всем фронте трех красных армий. 9 ноября конный корпус Буденного занял ст. Касторное, после чего медленный отход противника обратился в его быстрое отступление.

Основной причиной неудачи Добровольческой армии на ее главном операционном направлении явилось отсутствие свободных резервов. В то же время советское красное командование нашло эти маневренные резервы и использовало их в момент наибольшего напряжения сражения. Второй причиной явилось пренебрежение противником XIV армией: и слабое обеспечение им со стороны ее всей своей операции. Если у противника не хватало сил для одновременного выполнения этих двух задач, то, быть может, было бы лучше для него первоначально обеспечить себя со стороны XIV армии, предварительно нанеся ей сильный удар и отбросив ее в леса и болота правого берега Десны.

Неудача на главном направлении сводила к нулю успехи Донской армии на второстепенном направлении. Донская армия занятием 28 октября Новохоперска и 29

октября ст. Поворино, выполнившая полностью задание командования «вооруженными силами юга России», также вынуждена была начать, свое отступление в связи с неудачным исходом для них решительного сражения.

Решительное сражение на Южном фронте затянулось на два месяца. Такая продолжительность одного сражения, редкая в условия маневренной войны, явилась следствием, с одной стороны, крайнего упорства сторон в достижении своих целей, сравнительной насыщенности их фронтов войсками и медленности в назревании кризиса, благодаря пространственности театра.

Решающая роль в развязке сражения принадлежала взаимодействию конного корпуса Буденного и ударной группы XIV армии. Добровольческому командованию нечем противостоять этому маневру, оно лишено возможности использовать для этого часть сил Донской армии, которая в своем преследовании IX Красной армии слишком оторвалась от главного очага решительного сражения.

Одним из результатов сражения под Орлом было почти полное уничтожение Добровольческой армии; удар по ней являлся ударом и по военно-политической мощи правительства генерала Деникина, поскольку его политическое первенство в южно-русской контрреволюционной коалиции держалось на штыках этой армии. Поражение на путях к Москве развязало внутренние центробежные силы этой коалиции. Это явление нашло свое отражение и в плоскости военной, выразившись в тяготении трех различных армий, составлявших «вооруженные силы юга России» к тем районам, которые они считали для себя жизненными. Это обстоятельство выявилось в полной мере на обратном пути этих армий от Харькова к Новороссийску. Но прежде чем перейти к этому периоду кампании, нам надлежит остановиться на операциях на совершенно ином фронте, которые, не будучи оперативно связаны с только что рассмотренными событиями, совпали с ними во времени, происходя же на подступах к важному для советских политики и стратегии центру — Петрограду, они отвлекли к нему и внимание и часть сил советского командования в момент наибольшего напряжения борьбы на Южном фронте.

В конце сентября силы северо-западной белой армии возросли до 18 500 штыков и сабель при 57 орудиях; силы VII Красной армии за это же время увеличились до 25 650 штыков и сабель при 148 орудиях. Расположение обеих сторон усматривается из схемы № 17. Протяжение фронта северо-западной армии равнялось 145, а VII армии 250 километров. Таким образом, численное превосходство VII армии поглощалось растяжкой ее фронта. Противник же, расположенный на более сокращенном фронте, мог собрать маневренные резервы. Тем не менее, командование северо-западной армии, учитывая общую обстановку, само не предполагало переходить к широким наступательным операциям. Однако, настойчивые требования военной миссии Антанты, обещавшей содействие латвийской и эстонской армий и помощь английского флота, слухи об удачном наступлении «деникинской армии» и надежда сорвать наступлением переговоры о мире между эстонским и советским правительствами, побудили его изменить это решение.

План наступления сводился к предварительному удару на псковско-стругибельском¹⁸ и лужском направлениях с оставлением заслонов на них для обеспечения операции с фланга и затем к захождению в северном направлении ударной группы с захватом с тыла г. Ямбурга и попутным перехватыванием всех железнодорожных линий, идущих от Петрограда. Конечной целью операции являлось овладение г. Петроградом. В активный заслон назначалось 8 100 штыков и сабель при 24 орудиях; численность противостоящих ему советских войск достигала 15 400 штыков и сабель при 36 орудиях.

Операция началась 28 сентября удачным ударом заслона противника по двум левофланговым дивизиям VII армии (19 и 10); 4 октября было перерезано железнодорожное сообщение между Псковом и Петроградом; 8 октября заслон противника выполнил уже все поставленные ему задачи. 10 октября противник приступил к выполнению второй части

¹⁸ Ныне станция Струги-Красные.

своего плана, сводившегося к нанесению удара путем вышеуказанного маневра по центру и правому флангу VII армии. Эта задача была решена им также успешно; к 12 октября VII армия была сбита на всем своем фронте и откатывалась на Петроград, при чем две ее левофланговые дивизии оторвались от нее, что и вызвало в ближайшем их подчинении XV армии. Наибольшее давление противник развивал в направлении на г. Гатчину.

Попытки задержать наступление противника контратаками не удались, и 16 октября он уже утвердился в Красном Селе, Гатчине, ст. Струги-Белые. VII армия к 17 октября занимала фронт, согласно схеме № 17, на ближайших подступах к Петрограду, при чем общее его протяжение не превышало 80 км. Противник перехватил все железнодорожные пути к Петрограду, за исключением лишь Николаевской (Октябрьской) жел. дороги, по которой, однако, к Петрограду только и могли подойти значительные подкрепления. Командование северо-западной армии, учитывая ее значение, распорядилось выставить заслон у Тосно, но этого не было сделано по самовольству одного из начальников колонн северо-западной белой армии. В результате дальнейшее развитие операций противника проходило без обеспечения их с фланга со стороны Николаевской жел. дороги.

Угроза Петрограду вызвала подъем настроения всего рабочего населения; оно деятельно готовилось к обороне, организуя отряды самообороны как для внутренней обороны города, так и для действий на фронте. Уже 10 октября была объявлена местная мобилизация рабочих, родившихся в 1879–1901 гг. Город укреплялся, и в нем строились баррикады. В свою очередь, VII армия усиливалась отрядами, стягиваемыми с Карельского участка фронта, и отрядами курсантов из Москвы.

Надежды противника на активное действие английского флота не оправдались. Английские мониторы¹⁹ сделали попытку бомбардировать береговые форты Кронштадтской крепости из Копорского залива, но она была скоро прекращена огнем береговой артиллерии.

В свою очередь, некоторые суда Балтийского флота были привлечены для обороны подступов к столице.

Все эти мероприятия сказались на устойчивости сопротивления VII армии. Начиная с 18 октября наступление противника стало встречать упорное сопротивление, тем не менее к 21 октября противнику удалось выйти на фронт, указанный на схеме № 17, при чем он сделал только теперь попытку перехватить Николаевскую жел. дорогу в районе Колпино, но она уже запоздала во времени и не удалась. Наступление противника на Колпино было остановлено резервами УП армии, которые там собирались.

Красное командование само готовилось к переходу в наступление. Предполагалось, сковывая противника на фронте, нанести ему удар фланговыми группами. Главная роль в этом наступлении выпадала на левофланговую колпинскую группу в количестве 7 470 штыков и сабель при 12 орудиях. В свою очередь командование XV армии организовало удар тремя дивизиями (две из них были те, которые оторвались от VII армии) по тылам северо-западной армии, имея в виду захват гг. Ямбурга и Гдова.

Контрманевр VII армии начался 21 октября и первоначально развивался медленно. Противник упорно боролся за сохранение почва в своих руках и вел упорные контратаки; линия фронта колебалась, Павловск и Детское Село несколько раз переходили из рук в руки. Особенно упорно боролся противник за сохранение в своих руках г. Гатчины, для чего он ослабил даже на одну дивизию свой южный заслон, перебросив ее в г. Гатчину. Упорно обороняя гатчинский узел с 27 октября по 2 ноября, противник еще раз при содействии эстонской армии (1-я эстонская дивизия) пытался перейти в наступление своим левым флангом в направлении на Красное Село, но попытка овладеть им не удалась. В это время начало уже сказываться воздействие на ход операций наступления правого фланга XV армии; 31 октября противник был выбит из г. Луги, 3 ноября советские войска заняли ст. Мшинскую. Занятие ст. Мшинской являлось непосредственной угрозой тылу гатчинской

¹⁹ Мелкосидящие суда, вооруженные тяжелой артиллерией. Н. Какурин.

группы противника, что принудило его начать общее отступление.

14 ноября было сломлено последнее сопротивление противника в районе Ямбурга. Северо-западная армия была прижата к эстонской границе, перешла ее и была интернирована в Эстонии, согласно условий мирного договора между Эстонией и РСФСР.

Эпизод осеннего наступления северо-западной армии на Петроград в общем ходе гражданской войны имеет не стратегическое, а тактическое значение. Являясь жестом отчаяния со стороны противника, он в дальнейшем в силу крайнего неравенства сил обеих борющихся сторон не мог развиваться в сколько-нибудь крупную операцию. Оперативное же взаимодействие северо-западной белой армии с южными белыми армиями исключалось в силу значительности расстояния между ними. Первоначальные успехи наступления зависели от растяжки фронта VII армии и малой боевой устойчивости некоторых ее частей. В этом отношении картина быстро изменилась как только она оперлась на сознательные и передовые слои петроградского населения в лице его рабочего класса.

Глава девятая

Общее отступление «деникинской армии», ее преследование. — Бои на Северном Кавказе. — Ликвидация Южного фронта; Кампания 1920 г. в северной Таврии и Крыму. — Ликвидация Крымского белого фронта.

Проигрыш решительного сражения «вооруженными силами юга России» окончательно развязал те силы, которые подтачивали их тыл изнутри и положил начало господству частных интересов вопреки общему среди них. Частям генерала Слащова в районе Екатеринославщины приходилось вести упорную борьбу в тылу с бандами Махно; на Тереке шли ожесточенные бои между местными добровольческими частями и терскими казаками, с одной стороны, и горцами Дагестана — с другой. На Черноморье, по самому побережью, действовали многочисленные отряды «зеленых», пополняющиеся дезертирами. Кубань глухо волновалась под влиянием кровавой расправы, учиненной генералом Деникиным над некоторыми членами Кубанской Рады. В довершение всего эпидемия тифов опустошала ряды белых армий.

В рамках этой общей обстановки продолжалось моральное распадение Добровольческой армии. По определению нового командующего этой армией, генерала Врангеля, на фронте оставалось не более 3–4 тысячи человек; все же остальное были громадные по численности тылы, развращенные до последних пределов; спекуляция всех видов процветала как в тылу, так и на фронте.

В таком положении и состоянии «вооруженных сил юга России» продолжался откат их от первоначально полученного удара со все возвращающей инерцией.

В задачу красного командования входило, таким образом, энергичное преследование этих сил, не давая им возможности оправиться и устроиться. Главные силы Добровольческой армии, угрожаемые глубоким вклиниванием конницы Буденного между ними и Донской армией, быстро катились к югу, отрываясь от своей группы на правобережной Украине. Советское командование, преследовало цель; скорейшим занятием Донецкого бассейна окончательно разобщить Добровольческую армию от казачьих областей, почему в этот район и направляло XIII, VIII армии и конную армию Буденного, возлагая на XII армию действия на киевском, а на XIV армию действия на одесском направлениях. Армии Юго-Восточного фронта должны были развивать свое преследование вдоль железнодорожной магистрали Лиски — Миллерово с целью выхода к Новочеркасску и Ростову на/Д; X и XI армии того же фронта, действуя между Волгой и Доном, должны были овладеть Царицыном, а затем развить, преследование противника вдоль железнодорожной линии Царицын — Тихорецкая (схема № 18).

Намерение советского командования отделить Добровольческую армию от казачьих областей отвечало тайным намерениям Врангеля, который тогда уже замыслил свергнуть власть Деникина и продолжать гражданскую войну, опираясь на Крым, силами исключительно одной Добровольческой армии. Но ее слабость, по-видимому, лишала его возможности выразить явно эти намерения. Действительно, потери в боях и от болезней настолько ослабили Добровольческую армию, что ее пришлось переформировать в корпус. Группировка сил Добровольческой армии при отступлении свидетельствовала об этих намерениях ее командования самому оторваться от Донской армии и уйти в Крым. Врангель держал сильно выдвинутым вперед свой левый фланг на харьковском направлении, быстро оттягивая назад и ослабляя свой правый фланг. Этот маневр был замечен донским командованием, и по его представлению Деникин круто изменил направление отхода Добровольческой армии, свернул опасным фланговым маршем ее главные силы на Ростов. Для прикрытия крымского направления была оставлена только группа Слащова 3 500 штыков и сабель при 32 орудиях. Подготовка Врангеля к свержению Деникина, по-видимому, явилась также одной из причин переформирования Добровольческой армии в корпус с подчинением его донскому командованию и с увольнением от своих обязанностей Врангеля.

Тем временем советские армии Южного и Юго-Восточного фронтов успешно справлялись с возложенными на них задачами. 6 января 1920 г. войска Южного фронта, выйдя к Мариуполю и Таганрогу, окончательно отделили группу Слащова от «вооруженных сил юга России». Войска Юго-Восточного фронта 25 декабря 1919 г., овладев Царицыном, в начале января 1920 г. появились в окрестностях Новочеркасска и Ростова. 7 января 1920 г. красные войска заняли Новочеркасск, а на следующий день пал Ростов на-Дону.

Здесь в операциях обеих сторон на подступах к Северному Кавказу установилось временное затишье. Перед советским командованием стояла теперь последняя задача овладеть Кубанью, — последнюю базой «вооруженных сил юга России». В связи с этим Юго-Восточный фронт 18 января 1920 г. был переименован в Кавказский. Пока обе стороны готовились к последней борьбе на Кубани, операции армий Южного фронта проходили под знаком не прекращающихся успехов.

Отбросив противника от Киева и Екатеринослава, войска Южного фронта в конце января прижали группу противника на правобережной Украине к гор. Одессе, в угол между р. Днестром и Черным морем. 7 февраля 1920 г. была взята Одесса. Силы противника на правобережной Украине частью капитулировали, частью рассеялись. На крымском направлении 23 января были заняты Генчешек и Перекоп, но в результате завязавшихся упорных боев группе Слащова удалось удержать в своих руках перешейки Крымского полуострова.

Сдача Новочеркасска и Ростова произошла в обстановке ожесточенной внутренней политической борьбы между кубанским казачеством в лице его Рады и командованием «вооруженными силами юга России». Кубанская Рада стремилась обособиться от его влияния и проводить собственную политику, одним из основных положений которой являлось прекращение гражданской войны и начало переговоров с большевиками на почве признания ими казачьего государства. Эта борьба в чисто военной плоскости нашла свое отражение в падении боеспособности Кубанской армии, в расхождении ее по домам и нежелании кубанского казачества выставить свежие резервы для продолжения борьбы.

Таким образом, вся тяжесть борьбы по-прежнему ложилась на истощенные части добровольческого корпуса и Донской армии. Расположившись на более сокращенном фронте и несколько оправившись, эти части несколько подняли свою боеспособность, что затянуло борьбу в ростовском районе.

Главные силы Юго-Восточного фронта, пытавшиеся развить преследование противника с ростовского и новочеркасского направлений 15 и 16 января, встретили неожиданно сильный отпор противника.

Командование «вооруженными силами юга России», учитывая стремление Донской

армии вернуться обратно на Дон, в начале февраля предполагало общий переход в наступление с нанесением главного удара по тылам ростовской группы красных войск. В свою очередь, командование Кавказским фронтом замышляло глубокий обход конницей Буденного общего расположения «вооруженных сил юга России» со стороны ст. Тихорецкой, пользуясь выходом частей X армии в конце января на линию р. Маныча. Конная армия Буденного уже 13 февраля двинулась на ст. Тихорецкую. Со стороны «вооруженных сил юга России» это направление прикрывалось полуразвалившейся Кубанской армией в количестве не более 3 тысяч штыков и сабель.

Для усиления этого направления и борьбы с конницей Буденного командование «вооруженными силами юга России» перебрасывало в направлении на ст. Торговую всю донскую конницу под командою генерала Павлова.

Отбросив дивизию Гая, Павлов 17 февраля 1920 г. атаковал главные силы Буденного под Шаблиевской, но был отбит и 18 февраля начал отход к ст. Егорлыцкой, при чем половина его корпуса вымерзла во время бурана в безлюдной степи, и в его корпусе вместо 10–12 тыс. сабель, осталось не более 4–5 тысяч. Неудача корпуса Павлова и почти полная его гибель обеспечивала полную оперативную свободу конницы Буденного. Гибель донской конницы не могла возместиться временным занятием добровольческим корпусом 27 февраля Ростова и Нахичевани.

Конница Буденного, переправившись 19-го февраля в районе ст. Великокняжеской через р. Маныч, продвигалась на тихорецком и ставропольском направлениях; за нею двигались авангарды X армии.

Неудача донской конницы определила начало окончательной агонии «вооруженных сил юга России». Противник быстро и по всему фронту начал отходить к югу. 2 марта красные войска ростовской группы заняли Батайск, а 9 марта уже вступали в Ейск; в этот же день конница Буденного заняла ст. Тихорецкую.

«Вооруженные силы юга России», разбившись на три группы, отходили: одной группой (часть кубанцев и Донская армия) на Екатерино-дар — Новороссийск, главными силами Кубанской армии на Майкоп — Туапсе и добровольческим корпусом на нижнее течение Кубани, через ст. Тимашевскую. Последние остатки сил противника в Терско-Дагестанском крае пробивались в Грузию.

Командование противника предполагало задержаться за сильной водной преградой р. Кубани, устроиться там и выждать возможной перемены обстановки в свою пользу. Отход за Кубань ставил «вооруженные силы юга России» в очень опасное положение на случай падения оборонительной линии р. Кубани, так как они тогда оказывались припертыми к морю с необходимостью либо производить погрузку на суда в единственно возможном для того пункте — Новороссийске, либо уходить по побережью Черного моря на юг под фланговыми ударами советских войск. Положение их затруднялось отсутствием предварительно разработанного плана эвакуации, малочисленностью морских транспортных судов и обилием беженцев, следовавших за войсками.

Энергичное преследование советских войск и угрожающее падение боеспособности в остатках армий «вооруженных сил юга России» делали крайне сомнительными надежды командования противника на возможность удержаться за р. Кубанью. 17 марта после короткого боя красные войска овладели Екатерине даром, и главные силы противника отошли за Кубань, имея на новороссийском направлении Донскую армию и западнее ее по нижней Кубани от устья до станции Ольгинской добровольческий корпус. На правом фланге Донской армии в районе Усть-Лабинс-

кой располагались разрозненные части Кубанской армии, не державшие уже связи ни с Донской армией, ни с своим главным командованием.

Однако, уже 19 марта красные войска переправились через Кубань у Усть-Лабинской и против Екатеринодара. Слабые контратаки Донской армии оказались неудачными, и начался общий отход Донской армии и добровольческого корпуса в одну общую точку — Новороссийск. В то же время Кубанская армия с частью оторвавшихся и присоединившихся

к ней донцов устремилась на Туапсе.

Добровольческий корпус, стремясь под прикрытием Донской армии сесть на суда, оставил нижнее течение Кубани раньше Донской армии, опередил ее в Новороссийске и начал производить посадку на суда, в то время как полуокруженная Донская армия еще пробивалась к Новороссийску. Эвакуация остатков «вооруженных сил юга России» носила крайне спешный и беспорядочный характер, что явилось следствием производства ее из одного пункта при большом недостатке транспортных средств. Натиск красных войск не позволил закончить ее, и потому, когда в ночь с 26 на 27 марта красные войска заняли Новороссийск в их руки попало около 22 тысяч пленных. Так же быстро шло занятие красными войсками и остальной территории Северного Кавказа. Политическими результатами окончательного разгрома «вооруженных сил юга России» явился советский переворот в Азербайджане в апреле 1920 г., включивший эту страну с ее нефтяными богатствами в число полноправных членов Советского союза и заключение в том же месяце мира с Грузией. Наконец, 2 мая 1920 г. в районе Сочи войскам IX Красной армии сдались притиснутые к границам Грузии остатки Кубанской армии; этим окончательно ликвидировались «вооруженные силы юга России» в их прежнем составе. Новая контрреволюционная армия, образовавшаяся из их остатков в Крыму, приняла отличную от них организацию, и в связи с изменением руководящих линий своей внешней и внутренней политики изменила и свое название, именуясь уже просто «русской» армией, что означало полнейшее поглощение в этом названии претензий, на самостоятельное значение казачьих государств.

В области внешней политики крушение военной и политической мощи правительства генерала Деникина означало коренное изменение во взглядах Антанты, главным образом, Англии, на продолжение гражданской войны в России. Великобританское правительство находило продолжение ее вредным для общего европейского положения и предлагало генералу Деникину свое посредничество в капитуляции перед советской властью.

Вместе с тем, уход с политической и стратегической арены силы, поставившей своей основной целью воссоздание «единой» России в прежних пределах, развязывал руки польской политики и стратегии в стремлении их достигнуть тех целей (границ 1772 г.), от которых они временно отказались в конце 1919 г. Достижение этой цели облегчалось тем, что советской стратегии требовалось значительное время для перегруппировки своих сил, втянутых в ликвидацию противника на Южном и Кавказском театрах.

Таким образом, в области внешнего политического окружения РСФСР в начале кампании 1920 г. на первый план выступала Польша, как главная враждебная внешняя сила, с которой непосредственно пришлось иметь дело советской стратегии. Эта сила притягивала на себя наибольшее количество сил советской стратегии в течение всего 1920 г.

Белая армия в Крыму явилась второй Враждебной силой внутреннего порядка, несравненно менее опасной по значению. Как и в кампании предшествующих лет между обеими этими силами не установилось оперативного и политического единства, и в отличие от своего образа действий в предшествующие годы советская стратегия соответственно обстановке центр тяжести своего внимания перенесла первоначально на внешнего противника, что и дало возможность последней внутренней контрреволюционной армии просуществовать восемь месяцев.

Остатки «вооруженных сил юга России» после катастрофической эвакуации Новороссийска устремилась в Крым, где их главное командование полагало возможным отсидеться и устроиться, пользуясь сильными оборонительными свойствами перешейков, бывших в руках группы Слащова. Но сильная агитация среди высшего командного состава против генерала Деникина, а, главное, отказ Англии от дальнейшей поддержки русских контрреволюционных армий, побудили генерала Деникина выйти из числа активных участников гражданской войны. Он сдал командование предварительно им самим изгнанному в Константинополь генералу Врангелю и сам уехал в Англию.

Последний явился с вполне определенной программой действий в области внешней и

внутренней политики.

В области внешней политики Врангель явился типичным авантюристом; его лозунгом было: «хоть с чертом, но против большевиков». В области внутренней политики он, опираясь на кучку реакционных сановников старого режима, стремился делать «левую политику правыми руками». На практике это повело к обману народных масс рядом ничего им не дающих обещаний.

В области земельной политики, например, допускался переход помещичьей земли в собственность крестьян, но за выкуп, срок которого растягивался на 25 лет.

В отношении рабочего класса правительство и администрация Врангеля отличались ожесточенной борьбой против рабочих организаций и

профессионального движения. Наконец, в области административной практики, правление генерала Врангеля знаменовалось произволом и насилиями разного рода чиновников и комендантов над местным населением.

Таким образом, новая власть, сохранив все отрицательные черты прежнего правительства генерала Деникина, довела их до крайней степени своего выражения. Поэтому отношение местного населения, особенно крестьянства, к этой власти было резко отрицательным, что и выразилось в поголовном уклонении крестьянства от мобилизаций, когда Врангель систему добровольчества в старой «добровольческой» — ныне названной им «русской» — армии пытался заменить системой обязательной воинской повинности. При отрицательном отношении к власти широких слоев населения ей приходилось рассчитывать только на те штыки, которые ее выдвинули и поддерживали. Этими штыками являлась Добровольческая, ныне «русская», армия. В течение гражданской войны она переродилась в совершенно обособленный военный организм ремесленников своего дела, сражавшихся уже не во имя какой-либо идеи, а ради интересов наживы, которая являлась для них побудительной причиной в продолжение войны. Превращаясь в армию профессиональных наемников, Добровольческая армия быстро усваивала все отрицательные черты наемных войск; ее дисциплина была своеобразная, в ней установилась не юридически, но фактически система выборного начала не только в отношении низших, но и высших начальников. Те и другие, чтобы не утратить своей популярности в войсках, должны были закрывать глаза на грабежи и насилия войск. Высшее командование, в лице отдельных генералов, вело между собою ожесточенную борьбу за первенство.

Первой задачей генерала Врангеля, в области военной, явилось окончательное подавление самостоятельности и оппозиционных настроений в казачьих войсках, что выразилось в устранении от командования Донской армией генерала Сидорина, как опасного конкурента, и в предании его суду.

Укрепив свое положение в качестве командующего, генерал Врангель деятельно принялся за реорганизацию и приведение в порядок своей армии. Она была сведена им в три корпуса. Эта работа происходила в течение всего апреля и мая. Обстановка позволяла Врангелю затратить столь большой срок на подготовку к операциям. Советское командование в это время занято было уже в полной мере, развернувшейся кампанией против поляков на Западном фронте, и на крымском направлении держало первоначально в качестве заслона лишь одну слабую XIII армию в составе одной стрелковой и одной кавалерийской дивизий (8 000 штыков и сабель).

Тем временем попытки английского правительства устроить почетную капитуляцию для контрреволюционных вооруженных сил в Крыму не привели к положительным результатам. Советское правительство требовало безусловной сдачи. Врангель хотел заключения мира на условиях равенства обеих договаривающихся сторон. Продолжительное сидение в Крыму реорганизованной армии являлось неудобным по экономическим условиям. Огромная масса беженцев и войск, скопившихся в Крыму, начала уничтожать все его продовольственные запасы. Поэтому, открывая кампанию 1920 г. на Таврическом театре, генерал Врангель руководствовался не политическими и стратегическими, а исключительно продовольственными предпосылками.

Предполагалось, выйдя за Перекопский перешеек, захватить все, что возможно по части продовольствия в северной Таврии, и если окажется необходимым, скрыться опять в Крым, имея уже необходимые продовольственные запасы. Поэтому командование в лице генерала Врангеля не предполагало развивать своих операций дальше линии Александровск — Мариуполь. В дальнейшем мыслилось связаться с украинскими повстанцами, поднять восстание на Дону и, таким образом, обеспечить свои фланги.

Это наступление предпринималось вопреки воле английского правительства, почему оно сложило с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу «вооруженных сил юга России».

Согласно замысла операции, для облегчения выхода с перешейков на континент армии Врангеля, в Феодосии был посажен на суда корпус Слащова, который, высадившись в районе восточнее Геническа (с. Ки-рилловка), 6 июня начал быстро распространяться в западном и северном направлениях. 7 июня в наступление перешли прочие корпуса Врангеля с перекопского и чонгарского направлений (схема № 19). 10 июня корпус Слащова занял г. Мелитополь, в то же время добровольческий корпус Кутепова, распространяясь от Перекопского перешейка, к линии р. Днепра, утвердился на его левом берегу, а сводный казачий корпус Писарева, выйдя через Чонгарский перешеек, начал двигаться на северо-восток по направлению к Донской области. К 20 июня противник очистил от красных войск северную Таврию и линия его фронта установилась, как показано, на схеме № 19.

1 июля командование XIII армии, воспользовавшись своим усилением на две стрелковых дивизии и две стрелковых бригады, сосредоточив в районе Б. Токмака сильную конную группу под командою Жлобы и в районе Александровска пехотную группу Федыко, пыталось ею прорвать фронт противника и отрезать его от перешейков, ведя со стороны Александровска наступление группой Федыко. Конница Жлобы прорвалась почти до Мелитополя, пока группа Федыко развивала свое наступление на корпус Кутепова, но здесь 3 июля попала в мешок, устроенный ей противником и с большими потерями принуждена была к отступлению.

Захватив участок территории на континенте, Врангель начал стремиться к осуществлению второй части своего плана, именно к вовлечению в борьбу Донской области путем взрыва изнутри, что должно было обеспечить его правый фланг. Для этого им был снаряжен новый десант в количестве 800 человек, который, высадившись в устьях Дона 22 июля, направился вглубь Донской области в качестве ядра, вокруг которого должны были объединяться повстанцы. Эта попытка окончилась неудачей. Казачество осталось на этот раз глухо к призывам Врангеля, и десант был вскоре почти полностью уничтожен красными войсками.

В то же время, развивая удары на Пологи, Жеребец, Александровск, Врангель стремился расширить свою территорию в сторону Украины и установить связи с главарями бандитского движения. Попутно им была сделана попытка овладеть устьем Днепра и гг. Очаковым и Николаевой при содействии судов своего флота, но эта попытка окончилась неудачей.

В свою очередь, командование Красной армии, пользуясь удачным для него переломом кампании на Польском фронте, позволившим усилить войска крымского направления, сделало вторую попытку к ликвидации успехов Врангеля на континенте, образовав ударную группу из состава частей XIII армии и некоторых подкреплений, стянутых из тыла на нижнем Днепре.

В ночь с 6 на 7 августа эта группа сама начала переправу через Днепр у Каховки, Корсунского монастыря и Алешек и атаковала корпус Слащова. Первоначально ей удалось потеснить его, но в дальнейшем противник путем быстрой перегруппировки своих сил задержал ее наступление и даже принудил к частичному отходу за Днепр. Переправы у Каховки остались все-таки в руках красных войск (схема № 21). В результате наступления, хотя и не удавшегося в целом, советское командование достигло важных стратегических выгод. Каховка, лежащая всего в 80 километрах от Перекопского перешейка, являлась узлом

кратчайших путей к нему. Таким образом, противник при развитии своих дальнейших операций в северном или северо-восточном направлениях, удаляясь от своей основной базы Крыма, всегда рисковал быть отрезанным от нее ударом со стороны Каховки на Перекоп.

Оценивая по достоинству важное стратегическое значение Каховки, Врангель несколько раз пытался выбить из нее красные войска, но все эти попытки заканчивались неудачей.

Встреченный враждебно населением Таврии, испытав неудачу с попыткой вызвать восстание в Донской области и не имея успеха в своих попытках завязать прочные связи с махновщиной, Врангель обратил свое внимание на Кубань. Здесь остатки контрреволюционных сил, укрывшиеся в горах во время весеннего разгрома деникинских армий, теперь объединились под командованием генерала Фостикова, приняв название «армии возрождения России». По некоторым источникам численность их достигла до 30 тысяч человек; они действовали в районе к югу от р. Кубани в предгорьях главного Кавказского хребта.

Врангель предполагал, выбросив десант на Кубань, поднять там широкое повстанческое движение, соединиться с Фостиковым и, в случае успеха, сделать Кубань своей основной базой.

С конца июля он начал сосредоточивать в Феодосии и Керчи, преимущественно, кубанские части для десанта; их численность была доведена до 7–8 тысяч человек. В августе десант был высажен в районе станицы Ахтарской — Приморской (схема № 20) — конечном пункте на железнодорожной ветке, ведущей к ст. Тимошевской, важному узлу путей, известному по предыдущей кампании на Северном Кавказе. Первоначальные действия десанта были удачны. Овладев единственно в этом районе переправой у ст. Брыньковской для обеспечения себя с севера, главные силы десанта быстро двинулись к ст. Тимошевской. В это время отряд противника, занимавший Брыньковскую переправу, самовольно ее покинул, чем воспользовались войска IX Красной армии, стягивавшиеся со всех сторон к району высадки десанта и захватили в тылу у него ст. Ольгинскую. В то же время врангелевский флот, долженствовавший охранять порт высадки — ст. Ахтарскую, покинул ее и ушел в неизвестном направлении. Надежды на массовое восстание кубанских казаков также не оправдались. Население, избегая мобилизации, пряталось в камышах и топило в озерах свой повозки. Кольцо красных войск все теснее сжимало десантные белые войска, угрожая их путям сообщения с морем. Командовавший десантом генерал У латай перенес свою приморскую базу на Ачуев; оттянув свои силы в район ст. Гриневской (Ново-Нижне-Стеблиевская), где они заняли уже оборонительное расположение согласно схеме № 20.

Однако, 28 августа красные войска, в свою очередь, скрытно двинув свой десант в тыл противнику на пароходах по р. Протоке, внезапно овладели ст. Ново-Нижне-Стеблиевской, захватив штаб отряда (генерал Улагай случайно спасся) и внеся полный беспорядок в тыл противника. Его войска начали спешно оставлять фронт, устремляясь на Ачуев. Здесь противник пытался еще удержаться, но 7 сентября был окончательно выбит красными войсками и, в беспорядке погрузившись на суда, отплыл в Керчь.

Неудача десанта на Кубани совпала во времени с переходом к активным действиям советских войск в северной Таврии, что лишало Врангеля возможности усилить чем-либо десантные войска, так как требовалось полное напряжение всех сил для отражения нового наступления Красной армии. На этот раз оно развивалось от Каховки и Александровска в общем направлении на Перекоп с целью отрезать главные силы Врангеля от Крыма.

Каховская группа советских войск в составе трех дивизий (15, 51 и латышская), имея осью своего движения дорогу Каховка — Перекоп двигалась прямо на Перекопский перешеек. Наступление развивалось успешно, и 30 августа группа вышла на фронт Скадовск — Белоцерков-ка — Новорепьевка в 60 километрах от Перекопского перешейка (схема № 21). Здесь ее наступление было задержано контратаками противника, который успел перегруппироваться. 1 сентября противник перешел в общее наступление против каховской группы и оттеснил ее в исходное положение, но при этом, ему все-таки не удалось овладеть

каховским плацдармом и бои здесь замерли 5 сентября. В свою очередь, наступление александровской группы красных войск, начавшее развиваться настолько успешно, что ее конница только 16 километров не дошла до Мелитополя, было также приостановлено, а 12 сентября Врангель направил на нее свой главный удар, развивая вместе с тем и наступление донскими частями в направлении Донецкого бассейна. 19 сентября противнику удалось овладеть гг. Александровском и Ореховом, а 23 сентября он занял важную узловую станцию Синельниково. Однако, вскоре очистив ее, он оттянул свой фронт на Славгород, продолжая зато развивать усиленно давление в сторону Донецкого бассейна. К 29 сентября донской корпус армии Врангеля подошел к границе Донбасса у ст. Доля и Манд-рыкина, а южнее перешел за линию железной дороги Волноваха — Мариуполь, заняв эти пункты. Но командование XIII армии, собрав необходимые резервы, в ряде упорных боев на реке Кашлагач, уничтожило эти успехи противника, при чем к 9 октября советские войска вновь выдвинулись на линию Гуляй-Поле — ст. Розовка — Бердянск.

Первоначальные успехи Врангеля в северной Таврии явились следствием, как мы уже указывали, сосредоточения преимущественного внимания и сил красной стратегии на Польском фронте. Успехи красных армий на путях к Варшаве косвенным образом оказались полезными и Врангелю.

Решившись продолжать борьбу с советской Россией на свой собственный риск, вопреки желаний и советов Великобританского правительства, Врангель нашел зато неожиданную поддержку в лице Франции. Обеспокоенная победами Красной армии над польской армией, быстро приведшими первую к берегам Вислы, и не будучи в состоянии поддержать, ее живой силой, Франция решила поддержать Врангеля для отвлечения части советских сил с Польского фронта. Тяжкое положение Польши и те обещания экономического характера, на которые не скупилось врангелевское правительство, побудили Францию фактически признать его.

За материальную помощь в борьбе с большевиками правительство Врангеля отдавало французскому капиталу в кабалу весь юг России со всеми его промышленными предприятиями, железными дорогами и пр.

Таким образом, энергичные броски в разные стороны по северной Таврии врангелевской армии в течение лета и осени 1920 г. имели определенные политические результаты для него самого, и стратегические — для главнейшего противника советской России — Польши. Они заставили красную стратегию ослабить главный театр военных действий выделением части сил на Врангелевский фронт во время назревания решительных событий всей кампании на Польском фронте. Но вместе с тем они ускорили начало конца самой врангелевской армии. Как только наметилась возможность мирного разрешения столкновения с Польшей, советское командование приступило к переброске значительных сил с главного театра военных действий на Врангелевский фронт. Эти силы, сосредоточивавшиеся на Врангелевском фронте, в сентябре уже достигли такого количества, что для удобства управления правобережную группу XIII армии пришлось преобразовать в VI армию. Силы противника также возросли в течение летней кампании и уже осенью достигали 40–45 тысяч штыков и сабель. Они были сведены в две армии, из которых первая действовала от Азовского моря до Днепра, а вторая располагалась по Днепру.

Сосредоточение крупных сил с Польского фронта осенью 1920 г. сделалось известным противнику. Он предпринял последнюю свою наступательную операцию в целях сорвать это сосредоточение. Для этого предполагалось сбить каховскую группу красных войск и расчистить себе путь направо бережную Украину. Выполнение операции возлагалось на II армию Врангеля. Переправившись частью сил через Днепр между Каховкой и Александровском, она должна была занять Никополь, и затем согласованным ударом со стороны Никополя и с фронта на Каховку овладеть последней.

Противник начал свою операцию 8 октября. Вначале ему удалось утвердиться в излучине Днепра между гг. Александровск и Никополь, захватив оба эти пункта. Но уже 11 октября красные войска начали давить на фланги переправившегося противника у

Александровска и Грушевки, в то же время XIII армия начала нажимать на тыл александровской группы противника из района Гуляй-Поле, что вынудило Врангеля сосредоточить часть своих сил на этом направлении. Одна из советских кавалерийских дивизий из района Бердянска²⁰ тогда же произвела смелый рейд по тылам противника, пройдя восточнее г. Мелитополя и южнее г. Орехова, благополучно вернувшись в расположение своих войск.

Лобовая атака на Каховку была отбита с огромными потерями для противника. Все эти обстоятельства побудили противника отказаться от дальнейшего производства так называемой заднепровской операции, и 17 октября его войска с большими потерями отошли на левый берег р. Днепра.

Непосредственным результатом неудачи последней наступательной операции Врангеля было сильное падение духа в его войсках.

Вслед за ней наступило временное затишье в операциях обеих сторон, продолжавшееся до окончательного сосредоточения всех сил Красной армии.

Тем временем моральное разложение врангелевских войск продолжало углубляться. Многие их представители на основании горького опыта убедились в отчужденности от них широких народных масс России и в бесполезности дальнейшей борьбы. Боеспособность армии, кроме этой основной причины, должна была также сильно понизиться вследствие насильственного влития в ее ряды пленных красноармейцев.

А между тем намечались уже районы крупного сосредоточения красных войск вблизи Каховки и Александровска, и 1 конная армия Буденного уже подходила с Польского на Врангелевский фронт.

В таком положении Врангелю предстояло решить вопрос: принять ли сражение в северной Таврии или добровольно уйти в Крым. Военный совет, на разрешение которого Врангель поставил этот вопрос, высказался за принятие боя в северной Таврии. Повидимому, это решение находилось в зависимости от незаконченной еще операции по вывозу зерна из Геническа за границу.

Готовясь к бою, противник для сокращения фронта очистил значительную часть территории севернее Б. Токмака и восточнее Ногайска.

Силы обеих сторон ко времени начала решительного сражения в северной Таврии исчислялись: советские войска (IV, VI, XIII, I и II конные армии) — 133 тысячи штыков и сабель при 500 орудиях (кроме того, 17 бронепоездов, 31 бронемашина, 29 аэропланов); силы противника — 37 220 штыков и сабель при 213 орудиях (кроме того, 6 бронепоездов, 18 бронемашин и 8 авиационных отрядов); таким образом, красные войска превосходили противника вчетверо в отношении живой силы и свыше чем в два раза в отношении артиллерии.

Группировка сил обеих сторон перед началом решительного сражения усматривается их схемы № 22.

Командование Южным фронтом, который был образован в сентябре 1920 г. в лице тов. Фрунзе, поставило следующие задачи своим армиям: VI армия от Каховки направлялась на Перекопский перешеек с задачей овладеть этим последним, отбросив стоявший против себя заслон противника. 1 конная армия должна была направиться из района Каховки в общем направлении на Мелитополь, а затем ударом с тыла обрушиться на главные силы противника, которые предполагались в районе Агай-ман — Серогозы. II конная армия, переправившись на левый берег Днепра в районе Никополя, должна была нанести удар прямо на юг в общем направлении на ст. Сальково. Производство этого удара облегчалось атакой IV армии в направлении Васильевка — Тимашевка. Наконец, XIII армия завершала окружение противника путем овладения Б. Токмаком и Мелитополем. Конечной целью действий всех этих армий являлось недопущение ухода противника в Крым.

Однако, этой задачи выполнить не удалось, хотя VI армия и выполнила свою задачу,

²⁰ 5-ая кавалерийская дивизия. Н. Какурин.

отбросив заслон противника и овладев 29 октября городом Перекопом, но ее попытки овладеть главной позицией противника на Турецком валу закончились неудачей. В свою очередь, 1 конная армия, стремительно двинулась вперед, но при этом разделила свои силы на две равные по численности группы (по две дивизии) с промежутком в 40 км между ними, при чем первая из них заняла 29 октября район Агаймана, а вторая район Громовки, откуда командование фронтом приказало направить ее для занятия района Сальково — Геничск, чтобы отрезать противника от Чонгарского перешейка.

Однако, II конная армия не проявила должной стремительности в течение этих двух дней и не продвинулась главной массой своих сил далее района с. Белозерки, сцепившись с двумя кавалерийскими полками противника, действовавшими очень активно. Наступление IV и XIII армий начало развиваться успешно, но вперед они продвигались также медленно.

Глубокий прорыв конницы Буденного явился полной неожиданностью для противника, но промедление II конной армии и задержка VI армии на Перекопе дали ему, возможность разобраться в обстановке и наметить план отхода, тем более, что на 30 октября 1 конная армия, в свою очередь, намечала лишь общую перегруппировку своих дивизий фронтом на север, при чем всем им ставились лишь оборонительные задачи.

Связавшись со своими войсками, Врангель, ставка которого находилась в Джанкое, приказал донскому корпусу спешно пробиваться на Чонгарский перешеек, прикрывшись со стороны XII армии лишь заслонами; то же должен был сделать и корпус Кутепова из района Серагоз.

30 и 31 октября эти корпуса в ряде упорных боев пробили себе путь сквозь обособленно действовавшие дивизии I конной армии, и в течение 1 и 2 ноября, прикрываясь упорно дравшимися арьергардами, ушли в Крым. 3 ноября к Чонгарскому перешейку подошла пехота IV армии (30 стр. дивизия), которая и заняла на нем ст. Джимбулак, но дальше продвинуться не могла.

Вышеуказанные обстоятельства дали возможность отойти главным силам Врангеля ценою тяжелых потерь в Крым; при этом он потерял около 100 орудий и 7 бронепоездов, громадное количество огнеприпасов и свыше 20 тысяч одними пленными, что составляло до 60% личного состава его армий.

Отойдя за перешейки, армия противника находилась в состоянии крайнего материального и морального расстройств. Перед советским командованием стояла задача скорейшего преодоления этих перешейков, пока противник не успел оправиться и устроиться на них.

После сражения в северной Таврии соотношение сил, складывалось еще более в пользу противника; против 133 591 штыков и сабель советских войск он располагал всего — 19 610 штыков и сабель. Таким образом, за стратегией Красной армии обеспечивался свыше чем шестерной перевес над противником.

Отойдя за перешейки, Врангель решил оборонять их, для чего начал производить перегруппировку. Главные свои силы он сосредоточивал на Перекопском перешейке, оставляя для защиты Чонгарского перешейка один донской корпус. Перекопский перешеек должны были оборонять добровольческий корпус Кутепова, усиленный некоторыми другими частями; за его правым флангом располагался конный корпус Барбовича.

План командования Красной армии сводился к открытой атаке обоих перешейков, при чем главное внимание обращалось на Перекопский перешеек. Для атаки Перекопского перешейка предназначалась VI армия, II конная армия, повстанческие части Махно; против Чонгарского перешейка должна была действовать IV армия.

Командование VI армии решило использовать обмеление залива Сиваша, что давало возможность пройти по его обнажившемуся от воды дну и нанести главный удар в тыл перекопских позиций, в направлении на Литовский полуостров, занятый слабыми кубанскими частями генерала Фостикова, только что пробравшимися после неудачи повстанческого движения на Кубани с Кавказа в Крым.

Общее количество сил, которыми располагала VI армия для этой цели, исчислялось в

34 тысячи штыков и сабель при 169 орудиях; из этих сил /6?/ тысяч штыков и сабель, не объединенных единым руководством, предназначались для атаки Литовского полуострова, занятого 1 500 штыков при 12 орудиях отряда Фостикова; прочие силы противника, в количестве 5 850 штыков и 4 300 сабель при 126 орудиях, готовились оборонять главные перекопские позиции.

В ночь на 8 ноября части войск VI армии, 15 стр. дивизия, 52 стр. дивизия и 153 стр. бригада 51 дивизии, предназначенные для захвата Литовского полуострова, перешли Сиваш, сбили отряд Фостикова и утвердились на полуострове (схема № 23). Контратаки противника не удалось; он очистил передовую позицию на Перекопском перешейке —

Турецкий вал — и отошел на юшунскую позицию. 10 ноября все части VI армии после предварительной разведки атаковали эту позицию и овладели ею после упорного боя. Падение юшунской позиции означало выход главных сил VI армии из теснины Перекопского перешейка.

Противник начал быстро отходить к портам посадки. Предстояло организовать быстрое его преследование; однако, войска VI армии на 12 ноября получили дневку. 13 ноября IV и II конная армии были направлены для преследования противника на Феодосию и Керчь, а VI и I конная армия — на Симферополь и Севастополь.

Несмотря на быстроту дальнейшего преследования, отступающим войскам Врангеля удалось уже значительно оторваться от Красной армии и, когда 15 ноября авангарды VI армии вступили в Севастополь, они застали там уже местный ревком, так как последние суда противника ушли из него 14 ноября.

Рассредоточив свою погрузку по всем портам Крыма, Врангель в течение 5 дней, с 10 по 15 ноября, успел произвести эвакуацию своих главных сил и беженцев в количестве до 83 тысяч человек. Не погруженными остались, однако, почти все военные запасы, отсталые части и большое количество беженцев.

16 ноября войска Красной армии распространились по всей территории Крыма.

Борьба в северной Таврии при огромном численном неравенстве являлась безусловно невыгодной для Врангеля, в ней он окончательно надорвал свои силы, что сказалось на устойчивости его войск при обороне Крымских перешейков.

Последняя могла бы затянуться и на более долгий срок, если бы лучше были учтены свойства местности (осушение Сиваша под влиянием ветров) и соответственно с ними распределены войска (слабый отряд Фостикова поставлен на опасном направлении). Заранее разработанного плана эвакуации, по-видимому, не было у Врангеля, так же, как его не было и у Деникина. Успешность эвакуации Врангеля по сравнению с таковою же, произведенной Деникиным, зависела от того, что первый имел в своем распоряжении несколько портов, тогда как второй вынужден был производить эвакуацию из одной точки (Новороссийск).

Громадное численное превосходство войск Красной армии позволило бы осуществить полностью план отрезания главных сил противника от их базы еще северной Таврии, если бы он был выполнен с полной энергией. Топтание на месте II конной армии и нацеливание главных сил VI армии на Перекоп, создали обособленное положение I конной армии, быстро рванувшейся вперед, почему она, особенно разделившись сама на две группы, не смогла сдержать главной массы сил противника, начавших сосредоточенно отходить за перешейки.

Наконец, порядок эвакуации противника был бы значительно скомкан, и его хвостам не удалось бы уйти, если бы дневка Красной армии 12 ноября не позволила противнику значительно оторваться от преследующих его сил.

С падением Врангелевского фронта закончилась гражданская война в РСФСР, если не считать боевых операций на Дальнем Востоке в тех формах и размерах, которые она приняла, начиная с конца 1918 г. Последующие события явились лишь ликвидацией ее последствий и не входят в рамки настоящей работы.

Общее заключение

В течение всей гражданской войны советское командование находилось в положении стороны, действующее по внутренним операционным линиям.

Операции советского командования проходили под знаком полного единения главнейших действующих сил революции, установившегося благодаря военному и экономическому союзу между пролетариатом и крестьянством. Это внутреннее единство обеспечивало возможность сосредоточения сил и средств советской стратегии в нужное время на решительном пункте.

Таким образом, советская стратегия имела резко выраженный ударный характер. Эти причины, в связи с внутренним расположением противника, обусловили, в конечном итоге успешный исход всей борьбы.

Иная картина наблюдалась в стане противной стороны. Разница политических и военных целей у отечественных и иностранных участников противосоветской коалиции имела следствием не только отсутствие надлежащего взаимодействия между вооруженными силами тех и других на театрах военных действий, но даже приводила к открытым вооруженным столкновениям между ними (борьба между деникинцами и петлюровцами на Украине).

Противосоветская политика в плоскости внешних и внутренних взаимоотношений оказывала плохие услуги своей стратегии. Главнейшими ее ошибками в этом отношении явились неумение наладить взаимоотношения с государственными новообразованиями (Польша, Латвия, Эстония) и такое же неумение и нежелание установить взаимоотношения с многомиллионным средняцким крестьянством и национальными меньшинствами, являвшимися теми тяжелыми резервами, переход которых на ту или иную сторону окончательно предопределял исход борьбы.

Это трудное свое положение внутренняя противосоветская стратегия еще более усилила собственными своими ошибками, которые были нами указаны в своем месте.